

Имадмас

Литературно-художественный
и публицистический журнал

№ 3 (23) 2013

12+

Посолнухи. Акварель. Художница Александра Новикова. Юкаменская средняя школа.

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 3 (23) 2013

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин – председатель
Ольга Александровна Дегтева
Сергей Максимович Решетников
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Олег Никитич Хлебников
Наталья Алексеевна Сударикова
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Анатолий Андреевич Строкин
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин – главный редактор
Наталья Викторовна Варламова – заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина – главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 30.06.2013. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,22. Усл. печ. л. 15,47.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2013
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2013
© Авторы, постатейно, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

	ПРОЗА	
	Борис ШЕЛАНОВ Аза <i>Повесть (отрывок)</i>	4
	Анна БУБНОВА Желтые звезды <i>Рассказ</i>	17
	Михаил КОРОТКОВ Квадрат незамкнутого круга <i>Повесть (фрагмент)</i>	27
	Николай МИТЮКОВ Записки Н. <i>Рассказ</i>	32
	ПОЭЗИЯ	
	Анна САЕД-ШАХ «Но слово проступало все равно...» <i>Стихотворения</i>	44
	«Мой обед не горький и не сладкий...»	44
	Ночь перед Рождеством	44
	Два припева	44
	«...И по монитору, как по льдине...»	45
	Неотправленное письмо	45
	Вместо молитвы	45
	«А если счастья нет, зачем покой и воля...»	45
	«Ну, что ты, пустяки...»	45
	«Я никогда не увижу...»	45
	«Зеленый мальчик смотрит на меня...»	46
	«Ты так хотел. Тебе обещано...»	46
	«Встретились. Стоим...»	46
	«Уж лучше мне раньше расстаться с людьми...»	46
	«Мне не жалко ничего...»	46
	«Обману этот мир! Будь он трижды лукав!..»	46
	Колыбельная	46
	«Все было – стежки и дорожки...»	46
	«И опять с победами борюсь...»	46
	Провинциалки	47
	«Со мной кашу не нужно варить...»	47
	«Если челку короче...»	47
	«Однажды ночью я проснусь...»	47
	Три стихотворения	47
	«Что-то в гости никто не идет...»	47
	Аркадий ГАНИХИН «Ходят по морю лихие пираты...» <i>Стихотворения</i>	48
	«Если, мой ангел, однажды расстаться...»	48
	«Ни шляпа, обрамленная пером...»	48
	«Мерзавца вызывая на дуэль...»	48
	«Ходят по морю лихие пираты...»	49
	Мишши ЮХМА «Я истине на верность дал зарок...» <i>Стихотворения</i>	50
	«Я – знаменосец собственного слова...»	50
	«Видеть люблю я, как зимнею ночью...»	50
	«Сказал однажды кто-то...»	50
	«Скакун захромал, не вини скакуна...»	51
	«Там косо, где криво...»	51
	«Будь одинокою пчела...»	51
	Черный элем	51
	Стук в окно	51
	«Желтея, как шкуры лисьи...»	52
	«Как станешь угольщиком ты...»	52
	Сергей ГОГИН «Возвращаемся к сути, и суть возвращается к нам...» <i>Стихотворения</i>	53
	«Когда мы не спим...»	53
	Отопительный сезон	53
	Попытка медитации	54
	«Было чистым небес послание...»	54
	«Возвращаемся к сути...»	54
	Пигмалион	54

	ДЕБЮТ	
	Лотта ГЕСС «Я не выучил птичьего словаря...» <i>Стихотворения</i>	55
	«Я не выучил птичьего словаря...»	55
	«По памяти болящей...»	55
	«Жимолости сумеречный запах...»	55
	Дом	55
	«Выходит в сорок пятый круг...»	56
	Полковнику Андерсену	56
	«от мира ли я...»	56
	«Красная гвоздика...»	56
	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
	Татьяна КУЗНЕЦОВА Традиции Виктора Савина в прозе рубежа XX – XXI веков	58
	Станислав ТАРАСОВ Читая «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте	62
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	Алексей ЕРМОЛАЕВ Судьба поэта <i>К 115-летию со дня рождения Ашальчи Оки</i>	65
	Зоя БОГОМОЛОВА «Хочется что-то оставить в литературе...» <i>К 85-летию со дня рождения Геннадия Красильникова</i>	77
	Светлана СКОПКАРЕВА Фаустианские мотивы в прозе Геннадия Красильникова <i>К 85-летию со дня рождения</i>	79
	ДРАМАТУРГИЯ	
	Валерий ШЕРГИН Грибники <i>Пьеса</i>	82
	ПЕРЕВОДЫ	
	Олег ПОСКРЕБЫШЕВ Два стихотворения <i>Переводы с удмуртского</i>	85
	Михаил ПОКЧИ-ПЕТРОВ Два цветка <i>Стихотворение Перевод Олега Поскребышева</i>	85
	Владимир РОМАНОВ «Что стряслось – не знаю сам...» <i>Стихотворение Перевод Олега Поскребышева</i>	86
	Надежда КРАЛИНА Рассказ Галины РОМАНОВОЙ «Лошади-лошадки» <i>Перевод с удмуртского</i>	86
	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	
	Эмилия СМЕРНОВА Слово об отце	89
	ПУБЛИЦИСТИКА	
	Вениамин БУШМЕЛЕВ Марусина Победа	92
	Серафима ПУШИНА-БЛАГИНИНА Великомученики	99
	РЕЦЕНЗИИ	
	Татьяна ДУШЕНКОВА Лопшо Педунь и Иван Дурак <i>О книге Вольэга Иники «Сказание про Лопшо Педуня и его друга Ивана Дурака»</i>	102
	Виктор ШИБАНОВ Новая книга о творчестве Михаила Петрова <i>О книге Розы Кирилловой «Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова»</i>	104
	ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ	
	Мирела МАЗУР Кафе. Двое. <i>Фотоработы</i>	25
	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Анатолий РЫБКИН Из дневников	105

ПРОЗА

Борис ШЕЛАНОВ

один из авторов книги
«Две тетради»,
ветеран труда,
подполковник в отставке,
г. Ижевск

АЗА

Повесть
(отрывок)

Вместо предисловия

Это рассказ о собаке, которая более десяти лет жила в нашей семье, была моим постоянным спутником в походах на природу с ружьем, для чего, собственно, и была заведена, о ее жизни, судьбе и трагической кончине. Не скрою, одним из посылов моего решения поведать людям об Азе явилась та большая литература о собаках, которая прошла передо мной в течение всей моей жизни. Это истории Белого Клыка, Джерри-островитянина, Белого Бима Черное ухо, Каштанки, Белолобого и многих, многих других – даже Муму, которая, возможно, была из породы спаниелей.

Моя героиня не претендует на славу названных персонажей, моя цель скромнее. Мне кажется, что жизнь Азы, ее воспитание, работа и кончина заинтересуют несколько большее число людей, а не только тех, кто знал и любил ее, кто ценил ее охотничьи и другие чудесные собачьи качества.

Глава первая

Она родилась в апреле от черно-белой сучки породы русский охотничий спаниель. Мать ее была красива, носила не подходящую ни породе, ни характеру изысканную кличку Миледи и была интеллигентной по обывательским меркам собакой.

За свою действительно классическую красоту, незлобивый, даже ласковый характер спаниели некоторыми владельцами превращаются в живых диванных игрушек, изнеженных, лишенных возможности применить природный дар – охотничьи качества. Они приучаются безыскусными стараниями хозяев подносить тапочки или – как высшее достижение «дрессировки» – газету, за что среди охотников вся порода незаслуженно получила презрительную кличку: «тапочницы».

Именно такой и была Миледи. Наверное, такая же судьба ожидала и нашу героиню.

Отцом ее по причине проживания в том же многоэтажном доме и, естественно, наличия общего с Миледи двора – места прогулок «дамы с собачкой» и выгула – был Бим. Он был одной с Миледи породы, но настоящим рабочим псом, обладателем дипломов различных степеней по разнообразной дичи и призов многих выставок и состязаний. Но больше всего о его охотничьих качествах – нестомчивости, вязкости, силе – говорило прозвище, данное ему охотниками. Этим прозвищем его владелец, известный в своем кругу Яков Алексеевич, гордился не менее, а, может быть, и более, чем всеми официальными званиями: «Камаз». И добавлял при этом одобрительно: «Камаз в болоте не завяз».

Таким образом, щенок кроме экстерьера и образа жизни матери получил в наследство спящие до поры до времени отцовские инстинкты и рефлексy. Но основным унаследованным им богатством было чутье – обоняние, доставшееся щенку от многочисленных предков спаниелей, в которых текла кровь вывезенных в свое время из Англии серо-мраморных спрингеров и вальдшнепиных кокеров. Среди них были собаки охотников царских фамилий: густорыжий кокер Даш великого князя Николая Николаевича, черно-пегая сука Рези Вельдмана и много других известных в российских столицах собак.

Великая Отечественная война пагубно отразилась на имевшемся до войны довольно значительном их поголовье. Героическими стараниями владельцев-любителей в Ленинградскую блокаду 1941–1943 годов были сохранены семь особей элитных спаниелей, в том числе – два кобеля-производителя. После войны заядлые охотники-любители завезли в страну охотничьих собак различных пород, в их числе оказались и спаниели: кламберы, спрингеры, суссексы, филд-спаниели, кокеры. Эти породы не были приспособлены к условиям русской охоты, но, смешавшись с ленинградской ветвью, создали оригинальную породу, полюбившуюся российским охотникам.

В первые минуты жизни качества, полученные от дальних и ближних предков, маленькое существо использовало для самоопределения. В первую очередь, обонянием, а также кожей, покрытой нежной шерсткой, малютка ощутила, что кроме нее в гнезде находятся еще четверо ей подобных. Затем она поняла, что ей нужно вкусное молоко, которое надо было научиться высасывать из соска на теплом материнском животе. Для этого не понадобилось бы много времени, если бы ей не мешали существа, стре-

мившиеся к тому же.

Толкаясь, издавая писк, совсем не похожий на собачий лай или урчание, они нашли соски с животворным источником и припали к ним, расположившись под боком матери в самых разных позах: кто на животе, кто на спине, кто на боку. Насытившись, они поочередно отваливались от этой «кучи-малы», начиная понимать по запаху, по ощущению боков и лап, что все они родные братья и сестры – дети одного помета.

Наша героиня быстро поняла, что для получения самого вкусного молока надо растолкать своих сородичей и добраться до пары сосков, расположенных между передними ногами матери. Это ей не всегда удавалось. Один из братьев, родившийся первым, а поэтому наиболее крупный и сильный, часто оказывался впереди, отчего между ними возникало соперничество, весьма похожее на драку. Примиряло их то, что сосков было два, и они, привалившись друг к другу, почмокивали, а потом засыпали, посапывая и не выпуская тугих сосков. Они развивались быстрее братьев и сестер.

Насытившись, брат с сестрой начинали познавать тот большой мир, который их так радушно принял мягкой подстилкой, боком матери, сытным и полезным молоком. Щенки быстро раздались телом, поднялись на лапы, обросли настоящей шерстью и уже начали затевать игры. Появились запахи и голос человека – женщины, которая подкармливала их разными вкусными вещами, брала на руки, говорила приятные слова.

В один из дней рядом с выводком, возившимся возле подстилки, откуда-то сверху с громким стуком упал непонятный предмет. Щенята среагировали на это по-разному. Старший брат зарычал, бросился на упавшую вещь, оказавшуюся шапкой с грузом. Наша героиня прижалась к полу, вытянувшись, принюхиваясь, и тоже смело приблизилась, поняв, что ничто ей не угрожает. Чьи-то руки подняли ее, раздвинули лапы, потербели по шерстке, неприятно раздвинули губы. Мужской голос сказал:

– Ну что ж, эта сучка мне приглянулась. Давайте сговариваться. Я приду за ней через месяц, а пока подкладывайте к ее подстилке вот этот коврик. Пусть потихоньку привыкает к моему запаху. А назову я ее Азой. Уж очень напоминает она мне цыганку: хитрая, осторожная. Да и по окрасу – черное с пестрым крапом – словно цыганский наряд. Вы, пожалуйста, называйте ее теперь Азой...

В жизни щенят появились плоски, в которых они находили густую кашицу, что

Голубой рассвет. Акварель. Художник Лев Костылев, г. Воткинск.

было далеко не лишним: материнского молока стало не хватать. Чтобы получить еду из плошки, надо было покинуть теплую подстилку: познаваемая территория расширялась. Появились и неприятные ощущения: женщина тыкала их носом в пол, когда они его пачкали и мать не успевала зачистить грязные лужицы своим языком.

Так Аза начала знакомство с характерами людей, которые могли не только накормить, приласкать, но и причинить боль. На боль можно было ответить визгом или рычанием, можно было даже укусить руку человека, вслед за чем следовал шлепок или болезненная трепка за уши.

Аза сделала вывод: кормящую руку лучше лизать, чем кусать.

Глава вторая

Жизнь шла своим чередом, но главное – вступала в свои права весна-красна, когда «щука лед хвостом разбивает», «овсянка поет веснянку», «медведь из берлоги вышел», «апрель землю парит», «на реках берега рушатся, в овражках вода шумит, воронками кружится», – время года особому значимое и желанное для охотников по перу. Ибо именно весной совпадают два явления: *закон природы*, когда поголо-

вье птицы-дичи наиболее многочисленно и, до этого скрытное, активно занимается созданием семейных пар, выдает себя брачными играми, токованием, и *закон людей*, когда открывается охотничий сезон, разрешающий добывать эту дичь.

Глеб Иванович, мужчина не первой молодости, называл себя «охотником-дилетантом» и тем самым, ссылаясь на неопытность, избегал вопросов с подковыркой: «А много ли поймал, много ли убил времени, ног и денег?». Он имел к охоте бессознательное влечение с детства и, когда позволяли обстоятельства, занимался почти всеми видами охот, был к ним всегда готов, охоту понимал, что особенно ценилось его товарищами, которые, при случае, с удовольствием принимали его в свою компанию.

Любил Глеб Иванович весну не вообще, а весну в определенном месте и при определенных условиях. Город, где он проживал, был расположен в предгорьях древнего Урала. Когда-то девственные леса с мохнатыми пихтами, елями, сосновыми борами на множестве холмов, перемежающихся обширными болотами, изрезанных глубокими оврагами с родниками подземных и накопленных веками в болотах вод, в Ве-

ликую Отечественную стали благодаря непосредственной близости к оборонным заводам удобным источником древесины. На местах ленточных вырубок появились безлесные пропlesiны, вековые леса оказались испещрены «железками» – железнодорожными путями от известной, героически построенной ветки Ижевск–Балезино до многочисленных «узкоколеек», лежневок из того же леса, пробиравшихся в самую глухомань, где создавались крохотные населенные пункты: «казармы» и «лесопункты».

Но нет худа без добра. Природа, как известно, не любит ни пустоты, ни спешки: по завершению лесоразработок вырубки постепенно стали зарастать чернолесьем и кустарником. Стройные клены с резными красавцами-листьями, кудрявая красно-ягодная рябина, горькая, зеленоствольная, с беспокойными листьями осина вытянулись среди обширных и буйных зарослей малины. Калина с кистями ягод – местный «виноград» – догоняла в росте соседние рябины и черемухи. На низинах и болотинах разрослись брусника и черника, сверкающая под изумрудными маленькими овалами листьев капельками рубиновых и агатовых ягод. Разнотравье и разноцветье, нежно возбуждающее весной, богатое осенью сытными, вкусными плодами сочных, ярких окрасок, неопишуемая смесь запахов земли, лесной подстилки из листьев и хвои, свежей зелени и ягод – все это привлекало сюда лесной летающий, ползающий и бегающий люд. Лось и заяц, глухарь и клест, прочая живность стали постоянными жителями мест возле этой скатерти-самобранки.

Пролетная птица нашла себе здесь и стол- и дом. А кое-кто остался тут создавать свои семейства, выводить птенцов, готовить их к осеннему перелету. Водился в этих угодьях и хозяин тайги медведь, который весной после длительного лежания в берлоге поправлял свое здоровье лечебным молодым осинником, а осенью лакомился сладкими и горькими ягодами, чтобы нагулять жиру на зиму.

Одну из этих вырубок, наиболее дальнюю, с трудным к ней подходом, и облюбовал Глеб Иванович. Ежегодно он проделывал многие километры поездом, затем пешком, чтобы встретить весну непосредственно в ее владениях во всеоружии – то есть с ружьем в руках, с палаткой в рюкзаке, с запасом патронов, приличным запасом съестного, приготовленного по принципу: «Идешь в тайгу на день – припаси бери на неделю».

Здесь у него были заветные елочки, на которые в поисках подруг ежегодно на-

правляли свои полеты вальдшнепы. В том месте на вырубке, где, вероятно, случайно, не тронутая топором и пилой грядка елей образовала довольно длинную и узкую поляну, над которой наиболее часто тянула птица, им была присмотрена удобная засидка-пенечек и рядом – скрывавшая сидящего молодая елочка, на которую при желании можно было навалиться, давая отдых уставшей пояснице. С этого места можно было наблюдать взлеты самочек с земли и игры парочек в воздухе, слышать их трепыхание в траве, в общем, быть участником великого события – зарождения новой жизни на земле.

Отсюда он иногда приносил домой одну-две птицы с известным всем охотникам длинным, казалось бы, неудобным для полетов в лесных чащах носом, такими же длинными, голенастыми ногами и печальными иссиня-черными на выкате глазами. И постоянно – небольшие букетики только-только вылезших из-под снега белых ветрениц, так любимых его супругой подснежников.

Глеб Иванович как сказку помнил одну связанную с этим местом охоту, хотя и кончилась она без единого выстрела. Погода была пасмурная, в воздухе витали запахи прелой, только что освободившейся от снега и пригретой лучами весеннего солнца земли, пожухлой травы, листьев. Этот аромат смешивался с запахами соков, изливавшихся из проснувшихся берез, осин, черемух, елочек и сосенок, набиравших почки, и еле уловимыми запахами подснежников и мать-и-мачехи. Носимые по поляне легким дуновением ветерка, они создавали чудо слияния всего живого в одно целое, и, надо ли говорить, – все живое стремилось к такому единению.

Соответственно вела себя и дичь, которая интересовала охотника. Самочки поднимались с земли на высоту не более метра, самцы тоже тянули так низко в черноте ночи, что возможность сделать прицельный выстрел исключалась полностью. Не сделав ни одного выстрела, Глеб Иванович не расстроился. Он, как и Аза, слушал лес!..

Ранним утром он услышал невдалеке знакомые звуки – скрежетание и шелканье хозяина лесных зарослей глухаря. Не имея возможности добыть (не было ни лицензии, ни крупного заряда кроме обычной пары пуль на всякий случай), стал скрадывать исключительно ради страстного любопытства. На слух выбрал направление до птицы (как оказалось, правильное), включил всю свою внимательность и осторожность (торопиться-то некуда, да и очень хотелось не упустить случая). Серия «скр-р, скр-р»

– пара-другая неспешных шагов, серия «ччок, ччок» – замер на месте. Забыто время, сердце колотится, наконец высмотрел и несколько минут любовался мощной птицей, веером раскрывшей хвост, деловито шествовавшей по старинной ели с замшевой хвоей. Не было тогда «результата» – трофея, но какая это была охота!..

Нынче, как обычно, Глеб Иванович заготовил сучьев, небольших долго тлеющих гнилушек, обложил их местами старой хвоей, берестой, чтобы они время от времени без его вмешательства вспыхивали небольшим огнем, привлекая птиц. У знакомой молодой березы расширил ножом старые, им же сделанные разрезы – подсочку, на знакомый же сучок подвесил свой выдавший виды солдатский котелок, забил так же испытанный временем железный желобок, дождался, сделал первый глоток холодного сладковатого лесного напитка, поправил желоб, чтоб не пропало ни капли долгожданного сока.

На сук повыше повесил свой рюкзак, на старом кострище собрал недогоревшие сучья, добавил новых для второго, уже ночного костра для отдыха и пошел в засидку. Устроившись на пенечке, огляделся. Зубчатая стена разновысоких верхушек еще недавно розоватых от заката елей быстро темнела, еще более усиливая сплошную черноту внизу, около земли. Резко очертились границы темно-голубого неба. Загнав патроны в патронник годами испытанной двустволки Ижевского завода, положил ее на колени, левой рукой взявшись за цевье, правой за шейку приклада, изготовился к стрельбе.

Как обычно и все-таки неожиданно, непонятно откуда, вдруг на земле появились светлые полосы. Это луна где-то там на горизонте, за деревьями выбралась из плотных туч и заявила свои ночные права на небо и земное бытие.

Вспомнилось расхожее: «Тени исчезают в полдень». В голове родилось: «А в полночь?.. Появляются!». Появляются неслышно, вкрадчиво, во внеурочное время, таинственно, чем придают сказочность обстановке перед появлением в небе такой же таинственной птицы.

Величаво, незаметно, медленно выплыла из-за деревьев ночная хозяйка неба – полная луна. Звезды, как будто уступая ей дорогу и стыдясь своего незначительного свечения, скрывались, оставаясь видимыми где-то на окраине этой темной бездны. Именно такие мгновения ловят фотохудожники, когда на фоне ночного светила промелькнет вдруг черный силуэт таинственной птицы. О таком освещении, идеальном

для стрельбы, мечтают охотники.

Глеб Иванович с удвоенным вниманием стал *слушать лес*. Птицы, только что радовавшие слух своими вечерними песнями, постепенно замолкли. Вот последняя трель дятла, теньканье синички...

В полнейшей тишине, казалось, очень издалека, приближаясь, раздалось долгожданное, таинственное, непередаваемое: «х-рр, х-оор» – вальдшнеп!.. И где-то : «цици» – самочка! Совсем рядом – еще! Вот зигзагообразное, стремительное пикирование двух черных силуэтов птиц. И еще один «хоркающий» на подлете! Сбив его точным выстрелом и включив свой не очень мощный электрофонарик, Глеб Иванович, осторожно переставляя ноги, дабы не попасть под корягу или в лужицу, направился на поиски трофея.

И тут самым неожиданным образом подтвердилось сомнение, зародившееся при подходе к вырубке: тогда Глеб Иванович увидел еле заметный след сапога и решил, что он в лесу не один. Какое-то существо пронеслось рядом, обогнав его. В свете фонаря он увидел рыжий окрас, а по взметнувшимся в прыжке длинным ушам понял, что это не лесной зверь, а собака. А еще через мгновение догадался, что его трофеем исчез вместе с ней в темноте...

Вернувшись в засидку, он услышал с дальней вершинки вырубки гулкий дуплет ружейного выстрела и окончательно убедился, что недалеко от него находится такой же неумный бродяга-охотник, только лучше вооруженный, так как имеет помощника в виде подружейной собаки.

Почти перед рассветом Глеб Иванович разрядил в воздух зеленый сигнальный патрон, тем самым объявляя соседу, что охоту он закончил и предлагает встречу...

– Хорошо обустроились, – заметил подошедший Яков Алексеевич после знакомства, наверное, имея в виду костер, засидку, разложенные на земле палатку и туристический коврик, укороченный до пределов, позволявших носить его в рюкзаке. – Видно, в охоте не новичок и стреляете прилично. Возьмите вашу птицу, добавьте ее к трофеям и, пожалуйста, не сердитесь на Бима: не приучен он разносить птицу по стрелкам-охотникам, всё норовит хозяйну отдать, – шутливым тоном закончил он фразу. – Но почему без собаки? Похоже, живете не без недостатка: ружье, снаряжение, экипировка – всё как надо. Знаете, Сергей Тимофеевич Аксаков говаривал: «Охотник без собаки и не охотник вовсе» – не ручаюсь за дословность.

– Знаю. Я к этому еще добавлю: «Охотник без собаки – что крестьянин без лошади».

Перед грозой. Акварель. Художник Лев Костылев, г. Воткинск.

А почему без собаки – рассказывать долго. Да вы устраивайтесь. Чайком побалуемся. Я в него добавил черемуху и осину, вон они – рядом стоят. Пробуйте и побеседуем.

Отдав должное запасам, накормив Бима, охотники расположились на коврике. Бим выбрал место между ними. Возражений не было.

– Вот вы говорите «без собаки», – начал Глеб Иванович. – С детства я без собак не жил. Держал и служебных – немецкую овчарку, добермана, боксера, и охотничьих – западно-сибирскую лайку, гончих англоруса и костромича. Заметили? Породы всё крупные. К таким и привык, а ведь говорят «привычка – вторая натура». К малорослым собакам у меня какое-то предубеждение, а к закормленным мопсам и болонкам даже что-то похожее на брезгливость испытываю. Вообще же недостаток собаки ощущаю сильно. Но ведь и возраст у меня! С лайками и гончими уже не побегаешь. Начинать охоту с утки и заканчивать, видимо, придется пернатыми. Ну, а вальдшнепиную тягу я как-то к охоте и не относил, хотя хожу на нее при всяком удобном случае. Не

скрою, есть мечта увидеть падение вальдшнепа «листом» после удачного выстрела «в зенит», да вот пока не удавалось. Кстати, прошли вы по лужице – вы ее, Яков Алексеевич, должны были пересечь.

– Да, я прошел по ней.

– Так вот. Видел я на ней – это в лесу-то, далеко от водоемов – селезня и утку в брачный момент. Рука, знаете, не поднялась на выстрел!

– Ну вы романтик!

– Люблю тягу за ночную красоту, таинственность, не скрою, и за одиночество тоже. Она ведь не любит компаний. Хотя своих ребяташек совсем маленькими таскал с собой. Только один стал охотником, но оба и сейчас с удовольствием вспоминают детские впечатления. Да и вы, похоже, к ней не равнодушны.

– Конечно! Ну, а насчет собак я вам вот что скажу: приобретайте спаниеля, ей богу, получите удовольствие. Коронная его специальность – утка, что, как говорится, вам и надо, но и глухарь – мы с Бимом его брали. И дупель да и вся пернатая: и мелкая, и крупная вроде гусей – всё ему

по силам. Ну, а по вальдшнепу вы сами его работу видели.

Потрепал длинные, ниже мочки носа уши, на что Бим, не просыпаясь, что-то благодарно проворчал.

– Да уж, видел: чуть с ног меня не сбил!

– Кстати, у моего Бима потомство есть – в самый раз решать. Апрельские рождением, через шесть месяцев, как раз к открытию охоты, можно будет натаскивать с ружьем и по дичи. Правда, мать подкачала – не охотница, но родословная отличная. Сумеете воспитать – не ошибетесь.

– Хороший вы рекламщик!

– Да нет, какой там рекламщик. Просто люблю эту породу. Записывайте адрес...

Глава третья

Так Глеб Иванович оказался на квартире Миледи, осмотрел выводок, испытал его старым известным ему способом, выбрал щенка, нарек его Азой – неофициально «Цыганочкой» – и в месячном возрасте принес его к себе в квартиру, где проживал до этого вдвоем с женой, которая заявила:

– Теперь наша семья опять увеличилась, не живем без собак. Но, муженек, условие: ежедневное мытье полов и два раза в неделю – полная влажная уборка.

– Ну а когда же охотиться? Или натаскивать щенка?

– Управляйся! Любишь кататься...

Разговор принял шутливый оборот, как всегда бывало у этой пары: собак любили оба.

– Что ж, не впервые. Надеюсь, и ты нас с Азой в трудную минуту не оставишь...

Впервые Аза покинула стены родного дома. Она всем своим существом впитывала новые ощущения: звуки городской улицы, запахи одежды Глеба Ивановича, хранившей ароматы леса и чего-то еще – незнакомого, непонятного, но волнующего.

Впервые она ощутила биение человеческого сердца: ритмичное, немного реже материнского, однако такое же успокаивающее, усыпляющее. Прижимаясь к груди человека, Аза тянула свою голову к шее нового хозяина, где не было одежды и биение сердца ощущалось сильнее, где можно было дотянуться и лизнуть языком человека в губы и, конечно же, поглядеть на незнакомый белый свет с высоты человеческого роста...

Первым, что сделала Аза на новом месте, была лужица. Она закрутилась, затопталась, собираясь продолжить это естественное занятие.

– Ну, мы этого ждали!

Глеб Иванович быстро, но осторожно взял Азу под передние и задние ноги и перенес ее на ящик, заполненный речным

гравием. Придерживая, спокойно и убедительно несколько раз повторил:

– Гуляй! Здесь гуляй.

Жена хозяина, успев подтереть «подарок» новоселки, подала Азе в миске уже давно приготовленную вкусную похлебку с кусочками мяса, которую Аза быстро уничтожила, начисто зализав посудину. Затем Глеб Иванович так же бережно отнес ее на подстилку, где угостил чем-то незнакомым и вкусным. Засыпая, Аза чувствовала, как его рука тихонько поглаживает ее по спине, за ушами, слышала его тихий голос:

– Это твое место. Место, поняла? Спи.

Когда он ушел в свою спальню, она не слышала.

Ночью Аза проснулась от ощущения одиночества. Темная незнакомая комната усиливала его до гнетущей тоски, и она тоненько заскулила. Едва услышав себя, сообразила, что такой голос ни мать, ни братья не услышат. Взяла тоном повыше, еще выше, с подвыванием и, наконец, понастоящему завывала, изливая всем понятную собачью тоску.

– Все ясно, заскучала, – подошел к ней хозяин. – Своих вспомнила? На-ка тебе от них привет.

И он подложил под нее коврик, запах которого напомнил Азе родное гнездо, как раньше напоминал запах будущего хозяина и друга. Уткнувшись в коврик носом, она засопела и, все еще тихо поскуливая, заснула. Во сне она удовлетворенно урчала, облизываясь с матерью, повизгивая и взлаивая во время возни с братцем. Сквозь сон ей слышался голос, становившийся все более родным:

– Впечатлительная. Похоже, переживает прожитое. Наверное, это хорошо – своеобразный интеллект.

Позднее, когда она переселилась на топчан, сколоченный специально для нее, коврик последовал за ней, а потом еще долго, пока она была щенком, сопровождал ее на прогулках с хозяином и служил при команде «место» дополнительным указанием на то, где она должна находиться, отдыхать, спать или ждать какой-нибудь команды хозяина.

Утреннее знакомство с квартирой кончилось страшно: обследуя углы, Аза наткнулась на незнакомый, как и всё в этом доме, предмет. Обнюхала – ничего съедобного и привлекательного, пошевелила лапой, как вдруг этот предмет затрещал и засверкал. Такого насыщенного страхом визга в этом доме никогда не слышали. Прибежали хозяин и хозяйка. Аза забралась на руки Глебу Ивановичу и прижалась к его груди. Мелкая дрожь, сотрясавшая ее тельце, потихоньку затихла.

– Когда ты заменишь свои неисправные инструменты? Довел до греха. Так напугать ребенка!

– Не ругайся, я и сам себя казню. Собаку испортил – выстрелов бояться будет. Ах ты, горе какое...

С этой поры Аза стала считать все электроприборы своими врагами и еще долго не подходила к хозяину, если у него в руках был паяльник или электросверло. На звуки этих инструментов она даже рычала и никогда не позволяла чистить себя пылесосом.

Однажды утром Аза увидела сидевших возле нее на корточках мальчика и девочку.

– Ой, смотри, она глазки открыла. К нам бежит! – и девочка с визгом отскочила, забралась на диван, мальчик – за ней. Аза непонятно каким образом поняла, что эти двое ее боятся, убегают – значит, надо догонять! Щенячьим галопом она подбежала к дивану, оперлась о его край лапами и залилась звонким лаем. Это было что-то похожее на облаивание дичи на охоте. Прибежали взрослые.

– Не придем больше к вам, хоть сто собак заводите, – услышала Аза.

Так у нее появились недруги.

Но однажды мальчик пришел в гости без девочки, и хозяин разрешил внуку взять Азу на руки и угостить ее лакомством. Ребенок и щенок обнялись, затеяли возню.

Позднее Аза научилась разбираться в людях, поняла, что не все гости хозяина являются его и, тем более, ее друзьями.

Каждое утро хозяин выносил ее из подъезда, цеплял к ошейнику длинный поводок и выводил на улицу. Сначала он подводил ее к груде речного гравия, который ранее служил ей в квартире туалетом, затем они шли или ехали на общественном транспорте в ближайшие зеленые уголки.

По пути хозяин знакомил Азу с разными командами. Ее совершенно не надо было учить подаче предметов – это было у нее в крови, следовало лишь придать этому действию необходимую культуру. Аза быстро поняла, что поноску нужно брать всей пастью и отдавать ее хозяину, сидя перед ним, обязательно в руки. Прыгать по команде через препятствия, ходить по штакетнику, забираться на склоненное дерево, здороваться со встречными звонким «гаам», сидеть, лежать, ползти, «умирать» – все эти команды Аза исполняла с буквально щенячьей радостью, повизгивая и крутя обрубок своего хвоста, выражая тем самым высшее удовольствие. Друзья-охотники подчас недоуменно спрашивали: «Ты собаку в цирк что ли готовишь?». Глеб Иванович, помалкивая, делал свое дело: таким образом он добивался полного взаимопони-

мания с Азой, иногда даже без слов и жестов – одним взглядом.

В играх она узнавала названия различных вещей и бывала рада, если угадывала желание хозяина.

Как-то вечером, сидя в кресле перед телевизором, Глеб Иванович произнес:

– Хоть бы кто-нибудь программу подал.

Услышав слово «подать», Аза уставилась ему в глаза, как бы спрашивая: «Что подать-то?».

– Программу. Вон она лежит на тумбочке под телевизором, – показал рукой Глеб Иванович. – Только тихо, тихо, спокойно. Так, так: правильно.

Аза ткнулась в тумбочку носом, потянулась к экрану.

– Нельзя.

Поняла. А что же нужно? Ткнулась в пачку журналов.

– Нельзя.

Газета?

– Вот-вот. Это подай!

Радости не было предела, и нельзя было понять – у кого больше.

Аза очень любила игрушку – куклу, обвязанную крыльями самых разных птиц. Кукла по желанию хозяина то становилась тяжелой, то совсем легкой, так что плавала по поверхности воды, а то вдруг тонула, когда Аза пыталась ее схватить. Кукла была сделана из пластмассовой бутылки, заполняемой водой. Так Аза научилась нырять, и плавала она так, будто родилась в воде.

Хозяин всегда был в поле зрения Азы, чем бы она ни была занята – гонялась ли за бабочками, разрывала ли мышинные норы. Естественно, и хозяин следил за всеми ее передвижениями и проделками.

В трехмесячном возрасте она со злобным лаем не подпустила мужчину, подходившего к хозяину, начиная различать и его «врагов». Тогда Глеб Иванович похвалил ее. К рюкзаку она всеми, имевшимися в ее распоряжении щенячьими средствами – лаем, оскаливаньем зубов, рычанием, – не подпускала ни людей, ни собак, поскольку снаряженный рюкзак перед походом оставался рядом с ее топчаном на всю ночь.

Глебу Ивановичу не терпелось проверить, не стала ли Аза бояться выстрелов после встречи с практически вольтовой дугой. На тренировках он специально создавал шум: стрелял из пневматики и, чтобы приучить ее к охотничьему ружью, стрелял из него капсюлями...

Спаниели относятся к скороспелым собакам и проявляют свои рабочие качества уже около шести месяцев от роду, следовательно, с Азой можно было охотиться уже в сентябре. Для этого нужно было, чтобы

породность указали в свидетельстве на охотничью собаку. Но выставка, на которой оцениваются собаки, должна была состояться еще не скоро.

«Нет таких трудностей, которых не преодолели бы большевики» – вспомнил Глеб Иванович ироническую, но с серьезным подтекстом поговорку. Да и чутье ему подсказывало, что какой-то выход найдется. В городском обществе охотников Глеб Иванович обратился к знакомому – известному кинологу, судье всесоюзной категории и просто замечательному человеку:

– Василий Иванович, пожалуйста, посмотрите мою собачку. Домашнюю дрессировку прошла, хочу продолжать в поле, в «боевой», так сказать, обстановке, чтобы быть готовыми к открытию льготного сезона для породных собак. А отметки о породности нет.

– Дело поправимое – посудим вне ринга. А собачка в самом деле ладная, экстерьер отличный. Но для юниоров высшая оценка «очень хорошо» – такую я и поставлю. Ведите в поле, и успехов вам обоим. Между прочим, с таким экстерьером вы можете претендовать на чемпионство, если, конечно, не испортите собаку и добьетесь хороших результатов во время полевых испытаний.

Так Василий Иванович зародил у Глеба Ивановича мысль о будущей славе Азы. Кроме желания охоты появилось желание этой славы добиться. Не ожидал он, что на этом пути у него появятся препятствия.

Прогулки на газонах возле дома для Азы закончились. Реже она стала встречаться и с соседскими собаками, с которыми успела подружиться. Например, с черной красавицей-догом Бургундиной, под ногами которой она прошмыгивала во время игр и беготни в догонялки. Та через Азу не перепрыгивала, а просто грациозно перешагивала каким-то странным образом двумя ногами. Обе при этом имели веселый и довольный вид, казалось, они даже не смеялись, а хохотали во все горло, и, глядя на них, хозяева тоже весело посмеивались. Оставались во дворе похожий на рысь окрасом «перец с солью» миттельшнауцер, всегда на поводке серьезный, как и полагается чемпиону и собаке такой же серьезной молодой хозяйки; такса кофейного с подпалинами окраса, которая, видимо, принимала Азу за охотничий объект – енотовидную собаку, – отчего встречи с ней всегда заканчивались внушительными схватками. В схватки эти Глеб Иванович вмешивался, оберегая длинные, ниже мочки носа, лопухи Азиных ушей, повреждение которых грозило в будущем значительным снижением оценки или даже снятием с ринга. Оставался во дворе и ее старший брат, по

случайности купленный соседом Глеба Ивановича и названный Атосом. Родственных чувств она к нему не испытывала, не выделяя среди прочих.

Взамен появились новые развлечения в почти настоящем лесу – в Березовой роще или, как его еще называли, Козьем парке. Это был тогда еще неблагоустроенный зеленый оазис практически в центре города. Хозяин набирал воду из ключа в резиновое ведро, сооруженное из автомобильной камеры, подвешивал его на сучок дерева повыше и занимался зарядкой. Кружась под его ногами, Аза неожиданно для себя получала дозу ледяного душа, звонко лаяла, отряхиваясь, носилась кругами, вспугивала в немыслимом количестве дроздов, дерзко прыгавших перед ее носом.

Глеб Иванович снисходительно относился к этой гоньбе, он вычитал где-то у Сабанеева строчку, которая засела в голове: «Не надо мешать щенку бегать за мелкой птицей – умная собака на угодьях сама поймет, за какой дичью следует охотиться». Но эти слова Сабанеева относились к легавым собакам, работающим со стойкой. На исправление этой ошибки позднее ушло значительное время. Но это происходило уже в другом месте, куда перенесли прогулки.

Глава четвертая

Это место было настоящим природным и, к тому же, уникальным явлением. Пойма реки Позимь, смыкавшаяся с южной окраиной города, с детства была знакома Глебу Ивановичу. В небольших, но достаточно глубоких для ныряния с крутого берега многочисленных омутах получали ребята с его двора самостоятельные уроки плавания летом, катания на коньках зимой. Пересекая километровое болото, проваливались, а перемазавшись и вдоволь наполоскавшись в речке, кратким путем бежали за грибами в лес за Костину мельницу.

В годы войны здесь велись торфяные разработки, и гражданам выписывалось немного кирпичей замерзшего торфа – сколько на себе или на санках сможешь вывезти. Здесь в войну мальчишкой Глеб в бригаде электриков проводил линию электропередач в заводское подсобное хозяйство «Костинка». Сюда позднее ходил на свидания с девушкой, ставшей впоследствии его женой. Сюда он не раз приводил пятилетнего сына, который по дороге домой важно держал на поводке черного беспородного спаниеля Тарзана, демонстрируя прохожим деревянное ружье за плечами и кулика, притороченного, как у заправского охотника, к поясному ремню.

В этом уникальном, судя по животному и растительному миру, уголке природы, рас-

Утиная заводь. Акварель. Художник Лев Костылев, г. Воткинск.

положенном непосредственно в черте города, ижевские охотники натаскивали своих собак по болотной дичи бекасу, дупелю, по утке. В дальнем углу поймы, в колхозных посевах кукурузы и ржи водился перепел.

По знакомым с самого детства «проходам» – тропинкам среди болота – водил Глеб Иванович Азу на длинной веревочке, поднимая утиный молодняк и выводки дупелей, и сдерживал ее стремление гоняться за дичью за пределами выстрела. На знакомой кукле отрабатывалась безотказность подачи трофея в руки охотника с земли, с воды, из крепья болотного тростника, рогаза, резуна.

Здесь Аза впервые прошла испытания по утке, по болотной дичи. На испытаниях эксперт одобрил ее работу и послушание:

– Редкую собаку встречаю, чтобы так быстро, с первого подхода освоила смысл охоты.

С открытием охоты уже с ружьем расстояния прогулок увеличивались. На речке Постолка состоялось своеобразное «крещение». В первый же подход к речке Аза спугнула птицу (сказать по-охотничьи «подняла» пока было нельзя – это действие было явно спонтанным). Выстрел был, ко-

нечно же, не случайным: хозяин только и ждал возможности понаблюдать за поведением Азы при гулком звуке выстрела из охотничьего ружья. Однако он произвел прицельный выстрел, утка была ранена и приземлилась недалеко в пределах обзора. Глеб Иванович удовлетворенно вздохнул: собака выстрела не испугалась. Он также с удовольствием отметил благоприятность ситуации, позволявшей испытать Азу на поиск и подачу дичи «в боевой обстановке», чем немедленно и занялся.

Направленная в поиск, Аза со всей природной охотничьей страстью бросилась в прибрежные заросли и в недоумении остановилась на небольшом расстоянии от хозяина. Перед ней был предмет, похожий на тех утят, которых она недавно выпугивала на болоте. Предмет был в таких же перьях, что и кукла, которую она постоянно подавала хозяину после бросков в воду. Но на кукле были запахи рук хозяйна, а на этом предмете их не было. Кроме того, предмет издавал незнакомый ей, пугающий и привлекающий одновременно острый запах – запах крови, которого Аза еще не знала. Предмет, к тому же, крутил

глазами, следовательно, был живой.

Бесшумно подошедший Глеб Иванович видел, как Аза вертит головой, наклоняя ее то влево, то вправо, отчего ее роскошные лопухи ушей то скрывают мочку ее носа, то открывают. Она выглядела такой недоумевающей, что он громко расхохотался. Спугнутая таким образом утка медленно взлетела. «Подранил», – подумал Глеб Иванович и вторым выстрелом добил дичь, которая упала на другом берегу неширокой речки. «Вот удобный случай отработки поиска и подачи в настоящей охоте», – только успел подумать Глеб Иванович, как Аза, повинувшись охотничьему инстинкту, исчезла в кустах, и только по шуму мелких сучьев кустарника можно было определить ее местонахождение. В голове мелькнуло: «Это не годится! Все уроки насмарку!». И он закричал:

– Аза! Ко мне!

Волнение было нешуточным: какие рефлексы победят – врожденные или приобретенные? Чему подчинится Аза – инстинкту или команде?..

Появилась возбужденная, обрубок хвоста – указатель эмоций – бьется как в лихорадке. Подумал: «Вот для чего их купируют! Что бы осталось от ее хвоста в таких зарослях?».

– Сидеть!

Погладил. Повизгивает, сидя на «полу-согнутых», как бы говоря: «Ну что же ты медлишь, хозяин? Ведь уйдет дичь!».

– Ищи!

Стрелой помчалась вперед, только вода в речке прошумела. Похоже, переплыла. Опять волнение: найдет ли? И в то же время радость: дичь перелетела – на земле следов нет, значит, у собаки верхнее чутье! Опасения исчезли окончательно, когда шумы повторились в обратном порядке и появилась Аза – вымокшая, а потому, казалось, блестящая чернотой.

Согласно правилам, привитым во время учебы, она всей пастью держала в зубах свой первый трофей. Положив утку на траву, встряхнулась, потом взяла птицу в зубы и, к великой радости, казалось, обоюдной, отдала ее в руки хозяина. Все прошло именно так, как он хотел, чего добивался все предыдущие месяцы!

С этого дня (Глеб Иванович только-только вышел на пенсию) они почти каждый день уходили на охоту и без дичи не возвращались. Супруга Глеба Ивановича шутила:

– Ты на охоту как в свой курятник ходишь. Привязывают тебе уток, что ли?..

Глава пятая

Подошло время вывести Азу «в люди» – на первую в ее жизни выставку. Глеб Иванович был уверен в успехе. Аза подрастала и

превращалась в собаку с почти идеальным экстерьером. Но случилось непредвиденное. Глеб Иванович, увлекшись ежедневными выходами на охоту, не заметил, что Азу одолели клещи, отнеся к переутомлению заметное похудание собаки; ему даже нравилась ее «стройность». Готовя Азу к выставке, пришлось этим заняться, но «откормить» собаку до нужных кондиций в срок не удалось. Эксперт по спаниелям Николай Кардапольцев упрекнул хозяина Азы:

– Что за собака? Стол столон! Не кормите ее, что ли?

Оценку выставил обидную: «удовлетворительно».

Вскоре Аза вступила в пору материнства и успешно разрешилась, принеся пятерых щенят.

К следующей выставке Глеб Иванович исправил свои ошибки. Да и Аза, раздавшись и повзрослев после щенения, интенсивной охоты по болоту, обильного питания, получила несколько дипломов по полевым испытаниям.

В городском и республиканском охотничьих обществах ее полюбили, даже Кардапольцев называл ее теперь не иначе, как Азочка. А приехавший из Кирова кинолог-судья, оценивая экстерьер Азы, со знанием дела утверждал:

– Именно такие рослые в пределах норм высоконогие спаниели наиболее приспособлены к нашим угожьям с относительно высоким и густым травяным покровом...

Кинолог Татьяна, владелица и заводчица замечательных карелок, просто души в Азе не чаяла, предсказывая ей большое будущее как родоначальнице совершенно замечательных потомков, ревностно следила за ее успехами на выставках и огорчалась при неудачах.

А неудачи преследовали этот тандем – Азу и ее друга по охоте. На очередную выставку они шли, уверенные в победе на звание чемпионки. Проверка шла гладко: здоровье, прикус, подшерсток, окрас, послушание. Глеб Иванович шутики ради командовал:

– Аза, поздоровайся с судейской коллегией, судьей на ринге.

Аза звонко и вежливо гавкала один раз и усиленно вертела хвостиком. Это вызывало улыбки и создавало благоприятное впечатление. В ходьбе по кругу на ринге безупречное поведение молодой собаки отмечали не только судьи, но и многочисленные зрители, охотники, владельцы собак различных пород. Судья на ринге, следуя правилам, перемещал собак в зависимости от их данных с задних на передние места. Аза с гордостью занимала место впереди и действи-

тельно выглядела моделью для фотографа или художника. Но звание чемпионки на этот раз было отдано другой собаке – низкорослой, некрасивой, вялой в движениях, но отвечающей всем параметрам породы.

– Глеб Иванович, – с возмущением говорила Татьяна, – это происки. Обжалуйте! Даже зрители недовольны решением судьи.

– А, может быть, нам и не нужна слава, – отвечал расстроенный Глеб Иванович.

– Ну, не скажите! Приставка «Ч» – «чемпионка» – много значит. Вы просто этого недооцениваете.

Глеб Иванович провел собственное расследование. Все оказалось просто: у конкурентки были надлежащим образом оформлены документы на всех работающих потомков. У Азы же не хватало документов на пса, хозяин которого проживал за пределами города и не удосужился их получить. Глеб Иванович пожурил себя за промах, но радости от того, что у него была превосходная во всех отношениях собака, это не уменьшило.

Глава шестая

Не подозревая, что лишилась вторичного признания лучшей из лучших, Аза по-прежнему отдавалась своему призванию со всей своей охотничьей страстью.

Бывало не раз, Глеб Иванович ведет Азу к озерку, на котором, по его мнению, должна быть дичь, а она всем своим видом показывает неразумность этого решения и тянет хозяина к озерку в километре от выбранного охотником места. Спущенная с поводка, она стрелой мчится к одному ей известному кусту у берега. След на воде – бурун, оставленный ее телом, и два таких же, расходящихся по сторонам от ее головы и чернеющей спины, – действительно напоминают стрелу, написанную умелым художником крупными мазками. Результат – выстрел, и Аза деловито возвращается с крупным селезнем, как бы говоря: «Слушайся меня, хозяин, не устраивай самодетельности».

Как-то на охоте с подсадной уткой Аза и Глеб Иванович работали в уже ставшем обычным порядке. Аза после выстрела сплавала за подранком, хваткой за горло задушила его и подала хозяину. Вдруг они заметили, что подсадная потихоньку отплывает все дальше и дальше от места посадки. Развязалась ногавка! Глеб Иванович уже поднял ружье, чтобы пристрелить беглянку: «Не пропадать же добру – хоть на жаркое». Аза, как обычно следившая, куда стрелок направляет ствол, оценила обстановку по своему: «Не торопись, друг!». Она бросилась в воду и поплыла к утке по прямой, мешая тем самым выстрелу. Догнав

беглянку, она сделала хватку за хвост, перехватила за крыло и так за крыло и притащила «партнершу по охоте» целой и невредимой. Охота этой тройцы продолжалась весь охотничий день.

В другой раз, уже на охоте по перелетной птице, охотник с собакой бесшумно заняли знакомый скрадок и изготовились к стрельбе. Аза обычно спокойно, хотя и с напряжением ожидала посылы. Но в этот раз она вела себя нервозно, вертела носом, лоя ведомые ей струи воздушных течений. Сбив птицу из налетевшей стайки, Глеб Иванович послал за ней Азу. Выполняя команду, она не доплыла до трофея какие-то метры, круто повернула в противоположную сторону и подняла чирка, притаившегося недалеко от засидки охотников. Оставалось сбить и этого. Доставив чирка, Аза уверенно сплавала за сбитой ранее уткой...

Наступила очередная «осень-запасиха», когда «и у кошки пирог, и воробей богат».

– Пора нам с тобой, Аза, и лесную дичь заповлевать, – сказал как-то Глеб Иванович.

Друзья вовремя приехали трамваем на Казанский вокзал, но как-то замешкались: железнодорожный состав в это время протиснулся с ними, уехав точно по расписанию. Ну не отказываться же из-за такого пустяка от задуманного! Благо возле вокзала оказалось полно машин с шашечками.

– Срочно догнать беглеца на ближайшей остановке! – скомандовал водителю такси Глеб Иванович.

Несмотря на старания водителя, они увидели с перрона скрывшийся у них на глазах последний вагон все того же поезда, насмешливо громыхнувшего колесами. Понурился голова, бродили они по железнодорожным путям, изыскивая выход из положения. И он нашелся! Стоявший в тупике маленький локомотив разводил пары, и сочувствующий машинист пустил их в свою кабину. Локомотив, издав истошный свист, затрясся и загрел по рельсам. Аза испытала не меньший, чем в младенчестве, шок: «Что за пол такой железный, как в трамвае? Но трясет, гремит да еще горячий!». Она забилась на руки хозяина и лезла все выше и выше. Он остановил ее почти на своей голове, обнял, и, как в детстве, она притихла, наконец-то уняв дрожь. Так и доехали.

Как рада она была, оказавшись на твердой земле, пропитанной лесными запахами хвои, до сей поры ей незнакомыми! Немалый путь до небольшого сосново-лиственничного бора посреди елового и пихтового массива – и Аза, свободная, без поводка, с азартом начала разбираться с запахами. Вот в гуще ветвей сосны прячется огромная птица. Памятуя домашние игры с облаиванием

Оттепель. Акварель. Художник Лев Костылев, г. Воткинск.

повешенной под потолком «игрушки», она впервые дала голос по глухарю, возбужденная острым запахом. Но не имея опыта лайки, стала прыгать, царапать ствол, пытаясь забраться на него, чтобы погнать, поднять дичь, как делала это на болотах с дупелями. И подняла!

Глухарь, используя естественное укрытие, снялся с другой стороны дерева и скрылся в чаще.

– Азочка-Азочка! Нет у тебя еще опыта. Ну, это дело наживное – идем в поиск.

Следуя по насыпи старой узкоколейки, возвышавшейся над заросшим кустарником болотом, где Глеб Иванович предполагал подсмотреть глухаря на галечнике, он заметил птицу, вероятно, так же кем-то стронутую с места дневки и летевшую поперек насыпи. Вскинул ружье, выстрелил. Глухарь по пологой, длинной траектории потянул вниз по направлению к зарослям на болотине. «Явно подранил! Ну, Аза, тебе

и карты в руки». Не тайга, конечно, но болото среди могучих девственных елей с густым подростом, лесным ручьем – сложное препятствие для малорослой собаки. «Ну, Азочка, прояви свои способности! Ищи!». Сердце Глеба Ивановича прыгало. Вспомнилось былое, похмельное: «Как мышь в бутылке». «Заросли – дело знакомое. В камышах не проще, да и с болотом знакома, здесь что-то не то, но ведь надо делать свое дело».

Боком, почти задом – видно, как бьется обрубок хвоста, как дрожат от натуги лапы, – Глебу является чудо. Маленькая, почерневшая, потерявшая от сырости свои пестрины, его подруга, напрягаясь до предела, буквально волочит за собой птицу в полтора раза больше себя самой. Успех! Успех учебы и охоты – начало большой собачьей карьеры. Теперь можно и отдохнуть.

Термос, снедь, короткий отдых на изумрудной живой постели – и можно в путь до полустанка к подходу поезда.

Анна БУБНОВА

студентка Удмуртского
государственного университета,
лауреат литературной премии
имени писателя Михаила Петрова,
г. Ижевск

ЖЕЛТЫЕ ЗВЕЗДЫ

Рассказ

Кровь бывает разная: та, что течет в жилах,
и та, что выкачивают из жил.
Юанн Тувим. «Мы, польские евреи».

Мария начала писать свою книгу в том возрасте, когда многие ее друзья давно уже отказались не только от письма, но и от чтения. Она говорила мне, что ей это необходимо, чтобы избавиться от кошмаров, которые преследовали ее большую часть жизни. Кошмары, по ее собственным словам, удлиннили ее жизнь настолько, что то хорошее, что было до них, забылось само собой. Как бы даже естественным образом. Остались только обрывочные воспоминания об узких улочках Муранова и доходных домах, а еще о крепкой отцовской руке, сжимавшей ее руку. С тем же успехом, как она и сама признавала, эти воспоминания могли быть и воспоминаниями о Лодзи, где наша семья жила прежде, чем перебралась в Варшаву. С тем же успехом, всегда думала я, эти воспоминания могли быть воспоминанием о несуществующем городе, несуществующей руке и несуществующих доходных домах. Это могли быть воспоминания о городе с

желтыми звездами, городе из Марииных кошмаров. Улочки там тоже были узкими, щербатыми, в песке и мелком щебне.

Читая рукопись Марии, я часто думаю, как удивительно устроена ее память: с одной стороны – бесконечно, удивительно избирательная, а с другой – детальная, словно карта. Я ничуть не сомневаюсь, что она могла, не задумываясь ни секунды, нарисовать каждую улицу, каждый погребенный под щебнем газон или клумбу или целый парк так же, как она, не задумываясь ни секунды, нарисовала словами целый погребенный под белым пеплом народ. Судьба Марииной книги, как, впрочем, почти всех книг, которые пишутся для того, чтобы избавиться от кошмаров, предрешена – ей суждено было отправиться в ящик большого письменного стола, который остался после моего деда. Другого для своей рукописи Мария не смела и желать. Она старательно, вооружившись очками, вписывала свою

жизнь разборчивым, почти каллиграфическим почерком в большую потрепанную тетрадь серой бумаги. Пока писала – ставила старые пластинки. Есть даже такая строчка в ее тетради: «Музыка – это идеальное обрамление для бытия. Рамка, постепенно прорастающая в то, что она держит». Мария писала просто чтобы писать. Это помогало ей вспоминать не только то, что было после горя, но и то, что было до. Мария перечитывала то, что писала, чтобы никогда это не забыть. Она дорожила воспоминаниями, потому что знала наверняка, как больно с ними расставаться. Она бережно хранила фотографии, присланные ей открытки, письма, какие-то мелочи так, словно была всегда готова к тому, что о человеке, бывшем в ее жизни, ей останется лишь память. Звезды, только не желтые, а голубые, научили Марию быть постоянно готовой к прощанию. Но они же научили ее радоваться каждой новой встрече.

Когда Мария закончила свою тетрадь, она перестала слушать музыку. Просила покупать ей книги и иногда, очень редко, – почитать вслух.

Мария приходится мне двоюродной бабушкой, младшей сестрой моей бабушки по материнской линии, и занимает в моей жизни самую важную должность – должность лучшего человека, которого мне доводилось знать. Если моя бабушка Эльжбета была в нашей семье маяком, который собирал своим светом мятежные кораблики в ненастье, то Мария – смотритель этого маяка. Щедрая сердцем, молчаливая, худая, несуразная и ласковая, она не обладает, пожалуй, никакими особенными талантами, кроме единственного, самого важного, передавшегося ей по наследству от ее отца, – таланта быть человеком.

Я навещаю Марию каждую пятницу после работы, такова наша с ней договоренность. Мы ужинаем, и она выспрашивает сначала, как прошла моя неделя, потом – как прошла неделя Эрнеста, моего мужа, а следом – как дела у девочек, наших с Эрнестом дочерей. Ей не всегда интересно, но это только потому, что она живет на свете очень долго и никакие наши заботы не способны ее удивить. Несмотря на то, что порой, когда я говорю, Мария скучает, она никогда не нарушает наш ритуал. И всегда звонит по средам. С теми же вопросами. Иногда мне кажется, что один из этих разговоров – в память об Эльжбете, как будто это она интересуется тоже, как у нас дела. По пятницам я приношу ей книги. Обычно по две, чтобы хватило на всю следующую неделю. Но иногда, если в одной из них меньше двухсот страниц, – три или четы-

ре, чтобы Мария не скучала. Моя старшая дочь приходит к ней в субботу утром, чтобы отвести ее в магазин, в аптеку и в парк. Так повелось еще когда Марта училась в школе. В то время я бы дорого заплатила, чтобы узнать, о чем они говорили. Сейчас я догадываюсь, о чем, но все еще жду дня, когда одна из них мне расскажет. Просто чтобы удовлетворить мое любопытство.

Иногда по пятницам Мария мне читает. Если есть настроение и силы. По одной главе из ее тетради. Свою жизнь Мария читает только мне и моей младшей дочери, Ляле. Потому что мы не имеем филологического образования в отличие от Марты и Эрнеста и никогда не критикуем ее слог и отсутствие сюжета. Мария яростно спорит с ними, утверждая, что пишет о жизни, а жизнь, на ее взгляд, – самая замечательно организованная из всех бессюжетных конструкций. Об этом тоже можно прочесть в ее тетради.

В последнее время я прихожу, когда Марии нет дома. Прихожу, чтобы почитать ее тетрадь и посмотреть фотоальбомы. Включаю свет в прихожей, стою некоторое время на пороге, привыкая к экономичному полумраку, и прохожу внутрь, кляня слабую лампочку. Но менять ее нельзя. Потому что Марии нет дома. А без нее в ее доме ничего не происходит. Потом я наливаю себе чай или кофе и иду в комнату, где лежат старые альбомы и тетрадь. Иногда, когда я читаю тетрадь, я заглядываю в альбомы, чтобы убедиться, что на фотографиях – те же люди, о которых я читаю. Иногда у меня получается установить соответствия. Но большинство героев этой книги забрали желтые или голубые звезды. Когда-нибудь эту тетрадь издадут. Могут издать. Во всяком случае, существует такая возможность, говорит Эрнест. И я склонна ему верить. Так вот, когда эту тетрадь издадут, я уверена, запах свежей типографской краски вместе со мной вдохнут несколько сотен тех, для кого эти голубые или желтые звезды и белый пепел значат столько же, сколько они значат для Марии.

На обложку тетради неровно приклеены две фотографии: на одной – мы с Эрнестом, Марта и Ляля, еще совсем маленькие, и подпись «Аделька и ее семья»; а на второй – моя бабушка Эльжбета с дедушкой Михалом и моя мама, которая выглядит на этой фотографии чуть старше, чем моя Марта, вторая фотография тоже подписана – «Бетка и ее семья». А между двумя фотографиями вписана вся Мариина жизнь – аккурратно вписанные ею же две даты.

Чаще всего после того, как я провожу вечер, читая тетрадь Марии, мне снятся те

же сны, что снились ей. И я бегу по узким улочкам мимо домов, отмеченных звездами, бегу, тяжело дыша...

...а потом и вовсе забыв, как дышать. Улочки извиваются, петляют, превращаются в лабиринт, и уже в глазах рябит от одинаковых, наглухо закрытых окон и дверей. В голове бьется единственная мысль: только бы все это кончилось побыстрее. А вслед за ней приходит другая: только бы это кончилось не так. Это же не может так кончиться, правда же?

Эльжбетка, которая спит со мной, будит маму, когда слышит, как я куда-то бегу во сне. Она приходит в комнату, и вдвоем они будят меня. Обнимают, и мы плачем. Им снятся такие же сны. И утром, когда мама просыпается, она всегда подходит к окну и, помедлив, пугливо отдергивает занавеску. Каждое утро ей важно убедиться, что там, за окном, нет войны.

Мама всегда твердила, что все будет хорошо. Так, как будто она сама в это верила. Ей не всегда удавалось убедить в этом нас, и даже себя она убеждала тоже не всегда, но все равно очень старалась. «Все будет хорошо», – сказала она, когда капитулировал Вестерплатте. «Все будет хорошо», – успокаивала она, когда пришлось сдавать наличные деньги. «Все будет хорошо», – прошептала она, когда Муранов объявили карантинной зоной. «Все будет хорошо»... Она уже так не думала, когда шестнадцатого ноября 1941 года гетто отгородили стеной.

Мама, такая, какой я ее запомнила, всегда боялась темноты и темных улиц. Не потому, что во тьме могли притаиться грабители или хулиганы. Полумрак напоминал ей о светомаскировке и о тьме, в которую погружалась ожидающая войны, предкровавая Варшава. Полумрак напоминал ей об ужасе ожидания и болезненной, зарождающейся на острове надежды любви к жизни. Мама любила жить. Мы все любили. До войны. И после. Но никогда – так сильно, как в то утро, когда проснулись от звуков взрывов.

Бетка сидела на постели, поджав под себя ноги и плотно сжав губы. Она вцепилась в простыню так, словно та могла ее спасти от всех земных несчастий. Бетка позвала маму. Сначала громко, потом, когда никто не откликнулся, – еще раз, только тише. Мы молча сидели в своей комнате и ждали. Напряженно вслушивались в отголоски разговоров, долетающих с улицы. Слов было не разобрать, только тон и говор. На улице витало, стучась в наши окна, проликая в щели и в приоткрытые двери, недомыслие: напали, да, без объявления войны. Как это... Нечестно? Несправедливо? Как

это! Как это!

В дверном проеме, как и тысячу раз после, в моих снах, показались родители. Отцовская рука лежит на мамином плече. Мама одета не по-домашнему. Но и не для выхода куда-то в город. Она была одета в то, что первым попало ей под руку, с каким-то подспудным расчетом, что может возникнуть необходимость куда-то выйти из дома. Отец помедлил, посмотрел на нее, ища поддержки. Но Ида, так звали нашу маму, молчала, поджав губы совсем как Бетка. И тогда отцу пришлось сказать:

– Война началась.

Мама вздохнула судорожно, громко. И ее вздох и папины слова упали в нашу комнату, в уплотнившийся воздух. И начали превращаться в желтые звезды. И превратились. И обагрились кровью. А потом стали пеплом. Их подхватил ветер, закружил и опустил на улицу, на которой мы жили. На улицу, на которой много кто жил. А потом она опустела. Как будто все просто отошли куда-то ненадолго. Но почти сразу улица оцетинилась полуразвалившимися домами, и провалы в хоть сколько-нибудь уцелевших зданиях напоминали провалы в черепах и пустые, беззубые рты. Алчущие руки рассыпались по тротуару – они тянулись, загребали землю, но все равно превратились в крошку. Искаженные вечной болью провалы-рты заполнило пламя. И дым, который поднялся над нашей улицей и над десятками других, долго-долго шел к небу. Светлел, светлел, светлел. И, наконец, стал белым. Как облака или борода Старца.

Мы делимся своими снами – мама, Бетка и я, – потому что становится легче, если проговорить вслух. Потому что слова, уплотняя воздух вокруг нас, рано или поздно тают, исчезают, подхваченные сквозняком, гуляющим по нашим двум комнатам. Потому что о чем-то нужно говорить. И даже мы, маленькая Бетка и маленькая я, это понимаем. Как в моих кошмарах, так и наяву.

До войны мама любила молчать. Они с папой часто слушали радио или просто сидели в тишине, каждый занятый своим делом, и слова им были не нужны. После войны мама часто говорила. Говорила, пока могла говорить. Говорила, если могла говорить. Чаще всего – о всяких пустяках. Это было еще одно подтверждение того, что нет войны. Чтобы постоянно не отдергивать занавеску.

...когда темнеет, когда наступает ночь или просто хмурится небо, я задергиваю шторы во всей Марииной квартире. Потому что таков обычай – закрыть свой мир от подступающей темноты, чтобы утром раздер-

нуть шторы, открыть окна, чтобы проветрить тяжело дышащую ночным морозом квартиру. Ритуал, который сохранился еще со времен прабабушки Иды и соблюдался ее дочерьми всегда неукоснительно. Я уже не помню, почему это было так важно. И, наверное, даже не хочу этого знать. Плохо это, говорила бабушка Бетка, когда слишком много знаешь. До глубокой старости бабушка Бетка предпочитала не знать плохих новостей. И, после того, как ушел ее Михалек, предпочитала догорать в неведении.

Над письменным столом Марии тоже фотографии. Предвоенный Муранов, кровавый Муранов и Муранов пару лет назад – фотография, сделанная для Марии Лялей. Развешивая повсюду фотографии, занимая ими все свободное пространство на стенах в течение всей своей жизни, Мария преследовала ту же цель, что и тогда, когда села писать тетрадь. Ей не хотелось забывать. Потому что неведение, в отличие от своей сестры, Мария никогда не любила – невыносимо ощущать, как на твоей безупречной карте появляются все новые и новые белые пятна. Кроме того, тетрадь закончилась, а места для фотографий осталось хоть отбавляй. И тогда пришлось призвать образы из другого прошлого. Прошлого, которое, в общем-то, принадлежало уже скорее времени и истории, а не одной отдельно взятой семье.

В ту зиму мы с Марией перебрали сохранившиеся у нее альбомы. Все фотографии, разумеется, послевоенных лет. Эрнест нашел рамки, которые пришлось по душе взыскательной Марии. И на стенах появилась прабабушка Ида, обнимающая тонкой рукой дочерей – крепышку Эльжбету и худощавую маленькую Марию, заморыша с впавшими щеками и неизлечимо печальными глазами. Следом череда фотографий моей бабушки, совсем молодой, до знакомства с бабушкой, перед скромной свадьбой, после нее, когда появилась моя мать. Потом фотографии стали вдруг цветными. И тут Мария поняла, что этого недостаточно.

– Я помню, детка, – сказала она мне тогда, – что было сегодня и что было вчера. Но я хочу знать, что было позавчера.

И мы призвали на помощь Идиных родственников, которые жили там, где уцелели довоенные фотографии, и жили так хорошо, что почти уже забыли и о существовании фотографий, и о нашем существовании. Вспомнили, когда Мария написала длинное письмо (она долго сомневалась, когда вывела своим каллиграфическим почерком адрес на конверте), и окончательно убедились в том, что мы родня, когда услышали в трубке Мариин голос, в то время вовсе не старческий, до боли им зна-

комый голос, напомнивший о женщинах со старых фотографий.

Вскоре рядом с Идой и ее маленькими девочками, свадебной фотографией и еще одной свадебной фотографией появилась вся Идина семья. Сначала ее муж, архитектор, видный мужчина с безмятежным, не предсказывавшим войны лицом, затем – Идины отец и мать, чьи имена память Марии, к сожалению, не сохранила. Мать Иды, породистая, красивая женщина, которая прожила жизнь в спокойном, не меняющемся мире, созданном вокруг нее любящим мужем, страдала на старости лет от какого-то расстройства памяти, если не сказать больше – ума вообще, путала имена своих родственников и все звала давно умершего мужа. Но, к счастью, не вызывала у окружающих раздражения, только жалость. И все-таки когда в ее земном мире грез ей открылась дорога в еще более совершенный мир, все вздохнули с облегчением. Так, во всяком случае, гласит семейная легенда. Ее муж, банковский служащий, притом весьма непростой человек, никогда не одобрял брака дочери с архитектором. Он полагал, что такие браки упрощают породу. Не одобрял он и переезда в Варшаву. Сам он прямо из Лодзи, забрав с собой свое покорное семейство и предоставив бунтарке Иде идти своим путем, уехал в Америку еще перед войной. И домой так никогда и не вернулся. Наверное, боялся, что на неродных уже варшавских улицах ему будет мерещиться родная кровь.

Бабушка Эльжбета, выйдя замуж за дедушку Михала (так уж получилось, тоже архитектора), охотно принялась менять свою жизнь. И Марию, пока та не вышла замуж тоже, держала при себе, потому что за нее боялась, – к тому времени они остались один на один со своими кошмарами. И сколько ни звали Иду, просыпаясь по утрам, все чаще в мыслях, – уже знали, что она никогда к ним больше не придет.

...один из главных наших с Беткой страхов – что мама не придет, даже если ее очень долго звать. Потому что я не верю Бетке, когда она говорит, что все будет хорошо, а Бетка не верит мне, когда я говорю ей то же самое. Мамино же слово непререкаемо. Оно никогда не подлежит сомнению. Потому что мама всегда знает, что делает. Иногда, впрочем, мне снится мамина растерянность. Я слышала от взрослых, что правительство переехало в Люблин, что мужчины должны переправиться на другой берег Вислы, что вместо радио – тишина или помехи, что улицы пустеют, что все вокруг плачут и недоумение на улицах разом сменилось пустотой, страхом и горем. Папа рассказывал

по комнате, говорил отрывисто и зло, даже не замечая нас с Эльжбеткой в дверном проеме. Что там, он даже маму не замечал, метавшую за ним, убеждавшую, плакавшую и растерявшуюся. А потом мама вдруг замерла посреди комнаты. И мы ясно поняли, что ей стало все равно. В то время это папа был тем, кто всегда готов бороться.

Варшава пустела. Или не так. В моих снах она просто замерла. Одни люди просто остановились во времени и пространстве, другие – исчезли. А город с его улочками, в укромных уголках которых, надежно запрятанные, хранились мои воспоминания, превратился в живое воплощение ожидания. В большое существо, которое замерло, узрев надвигающуюся бурю. В детстве мне такое, конечно, не приходило в голову. Но сны все расставили по местам. И в моих снах мусор, оборванные газетные листки, а следом и немецкие плакаты, человеческие тела и то, что было когда-то человеческими телами, смысла кровь.

Это то, что я не хочу помнить. Никогда не хотела помнить. Но, вопреки моим желаниям, дым и красное зарево под аккомпанемент артиллерийского обстрела въелись в мое сознание, может, даже отпечатались на внутренней стороне век. Нет, я не вижу их всякий раз, когда закрываю глаза. Но я вижу их всякий раз, когда думаю, как было бы хорошо, если бы они стерлись из памяти навсегда. И этого, поверьте, мне достаточно.

Я хочу помнить отцовское мужество, его решимость и веру, вооружившись которыми он пытался спасти свою семью. Я хочу помнить, как мамин страх в конце концов запустил в ней один из самых мощных и отлаженных механизмов – стремление во что бы то ни стало выжить. Выжить, как ей тогда казалось, любой ценой. Она не перестала говорить нам, что все будет хорошо, даже когда оборона Варшавы подошла к концу.

И я не вижу этого в ночных кошмарах. Я думаю об этом днем. В ночных кошмарах – тысячи петляющих улочек, погруженных во тьму там, где дома отмечены звездами, и освещенные огнями там, где звезд на дверях нет. Очень трудно определить, какие двери я действительно видела. Мне кажется, только те, где не нарисованы звезды. Но, в таком случае, меня пугает услужливость моего воображения. Однажды я даже остановилась, борясь со страхом, и обвела пальцем звезду. Все шесть ее вершин, задержавшись на каждой из них так, словно я старалась запомнить это движение, чтобы довести его в будущем до автоматизма. Я помню много таких звезд. Тех, которые были не во сне. Только они были бело-голубыми. На своей одежде. На одежде Эль-

жбетки. Мамы. Папы. Многих наших знакомых. И не все пропитавшиеся кровью звезды – это звезды из снов. Нет, не все. Их я тоже видела.

Когда пала Варшава, в сентябре, прозрачной ранней осенью, спали мы совсем немного. Мама почти совсем не спала. Она сидела рядом с нами, пока мы с Беткой спали, и держала нас за руки. Иногда, проснувшись, мы заставляли ее спать. Но чаще всего в полумраке, когда проступали черты ее лица, которые постепенно заострялись и становились восковыми, мы видели ее открытые глаза. И в этих глазах не всегда были слезы и страх. Иногда мы видели в них злость и намерение, которому не могли дать определения. Но утром все менялось. Злость и намерение становились предчувствием конца...

...я не хочу дочитывать тетрадь Марии до последней страницы. Совсем не хочу. Мне кажется, тогда мне не о чем будет думать. И я завидую Марте и Ляле, которые читают то же самое, что и я, но думают потом совсем о другом. Их память не нуждается в заполнении. В ней и так миллион разнообразных дел, книг, фильмов, событий. Их память заполняется сама собой, и в ней не просто нет белых пятен, нет – ее объем постоянно увеличивается, занимает все большую и большую территорию. Кое-какая информация вынужденно уплотняется, но все равно остается в голове. Как раз то, о чем так мечтает Мария, уже позабывшая, что когда-то и она сама обладала этой способностью.

Я в детстве вела дневник. И Эрнест после некоторого колебания признался мне, что тоже играл в эту игру с памятью и временем, когда был в сентиментальном возрасте. У Марты, потому что она старше Ляли и, наверное, в определенном смысле исторически мудрее, дневник тоже был. Но для одного наивного переживания в нем – текстов примерно двух или трех песен, или стиха, или понравившейся цитаты, списка подарков на день рождения, списка подруг и друзей и чего-то еще... Когда я листаю давно забытые Мартой дневники, я думаю, что это – уже не для памяти. Это для структуры.

У Ляли дневника нет. У нее есть любимые стихи, песни, подруги, даже любимые воспоминания. Но она полагается на свою память. И отшучивается, что потом просто напишет мемуары как бабушка Мария. Наверное, это действительно проще.

В какой-то момент мы понимаем, что освоение действительности начинается тогда, когда все воспоминания и впечатления собираются воедино и укомплектовываются. Иными словами, освоение действительности начинается тогда, когда не поступает

никаких или почти никаких новых впечатлений. Возникает необходимость и даже потребность обрабатывать давным-давно полученную информацию. Заново переживать давным-давно усвоенные уроки. Смотреть на них с высоты прожитых лет, потирать сто лет назад набитые шишки, которые вдруг снова заболели. Освоение действительности происходит не вширь, а вдруг, ни с того ни с сего, – вглубь. Я не знаю, старость ли это или просто мудрость. Последние лет пятнадцать, когда не стало Эльжбеты, Мария стала собирать воспоминания и бросила все силы на то, чтобы упорядочить их как следует, расположить как можно уютнее в отведенном им для этого пространстве. А потом просто сесть и созерцать жизнь, снова и снова проходящую перед глазами. Первым шагом к этому стали фотографии Муранова. Я не знаю, помнила ли она в действительности город до того, как он стал появляться в ее кошмарах, или эти улицы дорисовало ее воображение. Я не знаю, радовалась ли она, когда на месте Варшавского гетто после войны стали вырастать новые дома. Я только знаю, что она никуда отсюда не хотела уезжать, хоть и считала, что на кладбище нормальные люди ничего не строят.

...однажды утром кошмары отступили, и мы поняли, что очень давно не видели, как что-то строят. Я не помню, почему мы об этом заговорили. Мы с мамой. Наверное, потому, что Эльжбетка что-то такое нарисовала (она любила рисовать, и линии у нее всегда получались ровные даже без линейки). Потом я помню, как мы шли по улице, мама держала нас за руки, и мы увидели, как что-то строят. По всей видимости, это был какой-то новый дом. Он вырос из небытия. Тогда нам казалось, что он был невероятно красив. Так красив, что наше зрение не могло вместить эту красоту. Потом мы выяснили, что он был обычным, типовым, «одним из». Одним из тех домов, которые превращали город-призрак, который скорее додумывался в развалинах, нежели действительно под ними существовал, в новый, живой и живущий город. Новая Варшава начинала дышать, мы слышали робкое биение ее сердца, когда вернулись. И люди, новые, красивые люди, ходили по ее улицам. Гуляли. Гуля-ли. То есть ходили просто так. Не прячась. Без определенной цели. Это были новые, красивые женщины, только-только собранные кем-то там, наверху. Это были женщины, у которых ноги, руки и головы были вместе, соединены и упакованы в платье, как конфета в обертку. Это были новые, красивые мужчины, которые смеялись, обсуждали дела или просто

молчали и держали в руках что угодно, но только не то, что могло бы стать оружием. И на руках этих новых, красивых мужчин не было ни крови, ни грязи. Это были люди, которые не снятся в кошмарах. Они вообще не снятся. Не приходят в снах. Они живут только наяву. И ходят по улицам, которые есть только наяву. Они теперь так похожи – и люди, и улицы, – что им все труднее разместиться на карте моей памяти.

Я не помню, унижительным ли было для меня ношение повязки со звездой. Хочу помнить. Действительно хочу. Но помню только, что мне было страшно. Отцу, скорее всего, как и многим нашим знакомым, – не только унижительно, но и мерзко. А мне... Не помню. Гораздо унижительнее для маленькой меня было то, что нас, нашу семью, наших друзей, наших соседей, знакомых, назвали вдруг разносчиками заразы. Я подумала, когда услышала, как об этом разговаривают родители: неужели они не видели, какие мы? Неужели они так и не поняли, что мы ничем не отличаемся от них? Мы вообще не отличаемся друг от друга. Мы, те, кто живет рядом с другими.

Мама, которая тоже рассказывала нам о своих снах, невольно помогла вспомнить (или заново создать в памяти?) гетто. Оказалось, что Эльжбетины сны о крови и грязи, мамины о все сужающемся пространстве и стене, которая растет, стоит только подобраться к ее краю, и мои о том, как улицы вдруг становятся замкнутым кольцом, дома теряют очертания и превращаются в стену, к которой безотчетно тянутся люди и кровь с их ладоней остается на стене, – это сны об одном и том же. А еще – сны о наступающих со всех сторон насекомых, о смеющихся беззубыми ртами нищих, которые смеялись так горько и страшно, как иные не могли бы и плакать, о холоде, пробирающем до костей, о надежде, которая то ускользала, то, дразня, появлялась вновь. Сны о страшном, звучавшем повсюду слове «тиф», значение которого мы с Беткой понимали лишь смутно, но знали, что оно несет страдание и смерть (скуден был наш словарный запас в то время – почти все слова, которые мы узнали, несли страдание и смерть), сны о людях, которые жили лучше, чем все, потому что делали то, чего, как говорил папа, не могли делать честные или глупые люди.

...когда Марта собиралась поступать в университет, она хотела уехать из Варшавы. В ее поколении почти не встречается благоговение и трепет перед ликами старых городов – для нее они все на одно лицо и делятся на возмутительно новые и отвратительно старые. Ей кажется, что их

истории, если вдуматься и задаться целью установить соответствия, – точные копии друг друга, словно копии одной и той же средневековой книги, переписанной, впрочем, разными руками. Каким бы богатым ни было прошлое города Марты, оно всегда беднее, чем будущее воображаемых ею городов. И от этого никуда не деться тем, кто стоит на страже городских легенд и памяти. Эрнест и я поддержали Марту. А Мария вызвала ее к себе и о чем-то долго с ней говорила. Уже лет пять прошло с тех пор, как Марта и не помышляет о том, чтобы уехать из Варшавы.

...люди исчезали не вдруг. И я бы дорого дала, чтобы узнать, что берегло в то время нас. Я помню мамину руку, сжимающую мою руку, сопение Бетки, ночные иллюзии жизни. А все остальное – это только бесконечные сны, калейдоскоп картинок, которые подменили, притом весьма грубо, настоящие воспоминания и лишили меня покоя. Оставалось все меньше и людей. Не только количественно. Качественно, увы, тоже, если так вообще можно сказать. И это оттуда, с той поры один из моих самых главных кошмаров.

Ночь за ночью я возвращаюсь к тому месту, где улица вдруг обрывается. Заканчивается город. И начинается поле. Только трава пожухла, накрытая ровным слоем пепла. В паре дюжин шагов от того места, где я стою, трава кончается, и начинаются небольшие холмики. Одни похожи на свежие могилы, другие – на груды камня и щебня. Я смотрю, всегда отстраненно, без страха, только с зарождающейся горечью, как мимо меня текут тонкие красные ручейки. В траве они смешиваются с пеплом и сливаются воедино. И медленно уходят в тяжелую землю, земля вбирает их. Потом ручейки пересыхают один за другим. И из домов выходят люди. У этих людей, у всех без исключения, одинаковые лица – лица безысходности. Они идут так, что у меня не остается сомнений – они все одиноки. Никто не держится за руки. Не плачет. Они скользят вдоль домов по узким улочкам, проплывая мимо дверей, отмеченных звездами, и не замечая их. Они выходят из города. Они переступают ту черту, на которой я стою в нерешительности. И идут к холмам. И вдруг я вижу своего отца. Он проходит мимо меня. Случайно задевает плечом. И безысходность на его лице как плохая маска вдруг сменяется на краткий миг выражением сопричастности к жизни, которая теплится во мне. Но только на краткий миг. И я что-то ему кричу, но даже себя не слышу. Люди добираются до холмов и ложатся. Просто ложатся. Кто сложив,

кто раскинув руки, кто подобрал ноги к груди, словно младенцы, а кто – бросившись на землю в тщетной попытке ее обнять. И я стою с застывшим в горле криком и смотрю, как люди уходят в напитавшуюся кровью землю. Медленно. И тут темная линия горизонта расступается. Показывается величественное, неестественно желтое солнце. И появляются другие люди. Их лица непроницаемы. Словно сделаны из камня. Они идут в город. И когда они проходят мимо меня, я чувствую их холодное дыхание. Они все проходят мимо, не обращая на меня никакого внимания. Исчезают в провалах домов. Закрывают двери, перед этим небрежно смахнув рукавами звезды. И я понимаю ночь за ночью, снова и снова, всю свою жизнь я понимаю, стоя там, где заканчиваются все города и начинается время, что нет ничего вернее земли. Принимающей и отдающей. Существующей под брусчаткой мостовой и под слоем пепла. Принимающей пот, слезы, кровь. Я понимаю, что земля учит великодушию, принимая и тех, кто страдал на ней, и тех, кто приносил страдания, не делая исключений, предоставляя судить и разбираться кому-то другому. Над этой землей ночь за ночью встает солнце. Солнце во сне большое, похожее на сотни и сотни соединившихся вместе звезд. Желтых звезд. В Польше звезды были голубыми. Голубыми на белых повязках. Но в моих снах звезды всегда желтые. В моих снах тысячи звезд составляют солнце. И мое солнце из снов обогрилось кровью.

...Мария говорила, что самое главное – быть среди тех, кто никогда не бежит оттуда, где родился. Сама она всей душой принадлежала земле, на которой жила, она вращалась в нее всю свою жизнь: радовалась, когда падали капли дождя; скорбела, когда в землю медленно входила кровь, она потом рассказывала, что видела, как набухает, наполняется и тяжело дышит земля; плакала, когда в землю ложились, порой прежде времени, дорогие ей люди. И, в конце концов, выросла в эту землю настолько, что совершенно успокоилась и приготовилась к тому, чтобы и самой в нее лечь.

Вслед за Идой, своей матерью, Мария приучила себя говорить «Все будет хорошо». «Все будет хорошо», – сказала она решительно, когда у Иды недоставало сил, чтобы произнести вслух свою маленькую ложь. «Все будет хорошо», – успокаивала Мария, когда черед потерь в нашей семье вроде бы закончилась и стали приходить первые хорошие новости. «Все будет хорошо», – ласково бормотала Мария, когда моя мама разбивала коленки. «Все будет хорошо», – прошептала Мария, когда легли в

землю один за другим сначала ее возлюбленный, а следом – Эльжбеткин. Прошептала и тогда сама себе не поверила. «Все будет хорошо», – промолчала Мария, когда поняла, что ей перестали верить. Когда все замолчали, чтобы просто жить. Чтобы жить так, как умели. Может быть, без ясной памяти и с белыми пятнами, зато как все. И Мария хотела быть как все. Отличаться от других Мария никогда не любила. Она и была как все. Без броской исключительности Эльжбеты и неприметной непохожести Михала. Мария не боялась быть как все, скорее, боялась не быть. И когда мой дед посмеивался над нею, не всегда так добродушно, как ей казалось, она улыбалась одними губами, качала головой и говорила:

– Ничего, Михалек, ничего.

И думала при этом: «Все пройдет, Михалек, все пройдет».

И имела в виду: «Ты поймешь, Михалек, как хорошо быть как все. И ничем не отличаться».

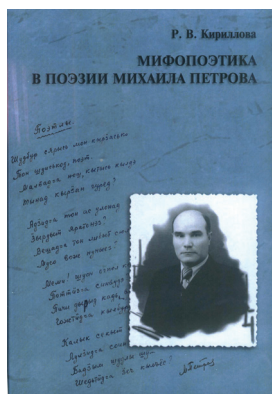
До самого своего конца Мария вспоминала, как хорошо им жилось в Лодзи и как плохо могло бы – в Литцманштадте, хотя Лодзи Мария не помнила, она родилась уже в Варшаве. Мария была из тех женщин, которые всю жизнь сокрушаются о всякой разновидности прошлого: их печалит и сделанное, и несделанное, и отложенное на потом. И закономерности движения времени, чертежи жизни, которые лежат перед ними, словно раскрытые книги, их скорее печалят, чем вдохновляют. Но это от Марии я и мои дети унаследовали мысль о всеохватности бытия. Восхитительную мысль, которая всегда поддерживала и утешала ее, а затем и нас. Теперь в Лодзи проходит Фестиваль Четырех Культур. Теперь многие города с достоинством встречают свое прошлое, которое становится, к моему великому облегчению, все более закономер-

ным и менее неожиданным. Мария хоть и дожила до этого дня, в Лодзь так ни разу и не съездила. Она всю жизнь пыталась смыть своими слезами кровь с варшавских улиц. В детстве я этого совсем не понимала, в юности сознательно отрицала, тщетно пытаюсь сбежать не то от своего исторического прошлого, не то от такого же исторического (читай – предрешенного) будущего, а поседев, вдруг поняла, что хочу надеяться, что Марии удалось задуманное. Во всяком случае, мне бы того очень хотелось.

Тетрадь Марии кончилась. Не оборвалась, а просто кончилась. И она своей рукой поставила на обложке вторую дату. Две цифры, разделенные небольшой, аккуратной, нарочито незаметной черточкой разделили жизнь Марии не на то, что было до войны и после нее. А на то, что было до рождения и ждало ее после смерти. И ее память, если она действительно нуждалась в том, чтобы ее упорядочить, в тот последний год была самой подробной, самой достоверной картой, которую только можно себе представить.

В тот же год Ляля уехала из Варшавы. Марта и Эрнест пошептались с кем-то, и теперь мы готовим тетрадь Марии к изданию. Небольшим тиражом. Чтобы сохранить ее у себя, по экземпляру для грядущих поколений, и отправить вместе с одолженными для Марии фотографиями через Атлантику той счастливой, уже не нашей семье, которая прожила жизнь, вероятно, более безмятежную, чем мы даже можем себе представить.

Мне нужно написать предисловие. О Марии. О том, что она и ее тетрадь для меня значили. И... И не знаю, о чем еще. Я только знаю, что у меня есть тетрадь, есть сны, есть воспоминания. И я вот-вот начну. Ради Марии. Только потому, что Марии не стало. И принявшая ее земля начала уже потихоньку оседать.

Роза Кириллова. Мифопоэтика в поэзии Михаила Петрова: монография. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2013. В монографии кандидата филологических наук Розы Владимировны Кирилловой исследуются особенности поэтического творчества классика удмуртской литературы Михаила Петрова. Отдельная глава работы посвящена поэме «Италмас». Книга, ставшая лауреатом всероссийского конкурса «Лучшая научная книга 2012 года» в номинации «Гуманитарные науки», представляет интерес как для филологов, так и для исследователей культуры удмуртского народа.

НОВЫЕ КНИГИ

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ

Мирела МАЗУР

преподаватель,
г. Гдыня, Польша

Кафе. Фоторабота Мирелы Мазур, г. Гдыня.

Двое. Фоторабота Мирелы Мазур, г. Гдыня.

Михаил КОРОТКОВ

прозаик,
г. Ижевск

КВАДРАТ НЕЗАМКНУТОГО КРУГА

Повесть (фрагмент)

В конце проулка, в гибком фонаре,
похожем шеей на плезиозавра,
как свет дневной, уже рождалось завтра.
Магнитофон старался во дворе,
соседнем с переулком...

О. Хлебников. «Переулок».

В центре провинциально-столичного города, среди каменных пятиэтажек сталинской эпохи был двор. Образованный квадратной «С», в окружении улиц Советская, Ленина и Коммунаров, лишь со стороны разомкнутой каменной буквы он имел безымянный переулок. В переулке этом, никогда до сего времени не имевшем своего имени, фамилии и отчества, стоял бывший детский дом для сирот. Когда-то в далеком первом году прошлого века построенный на деньги рабочих города, он именовался Ольгинским детским приютом, после революции стал детдомом жертв революции, а сегодня и вовсе носил статус Дома детского творчества.

Тридцать лет назад я об этом не знал. Мое окно четвертого этажа выходило на крышу советского детского дома, и сверху вниз я мог наблюдать через старые рамы окон процесс раздачи каши в этом сиротском учреждении. К тому времени ларек по приему стеклотары, что находился чуть в стороне напротив детдома, под моими окнами, еще не был закрыт-разобран и принимал стеклянную посуду у населения на благо странной политике страны.

В проулке за детдомом старым
У пункта по приему тары
Толпится, как всегда, народ —
Что принимают, все сдает...

Память — явление мистическое. Объект воспоминания с легкостью становится субъектом, художественно размывается и перестает быть. Как перестает быть всё.

Но жизнь не заканчивается в целом, и окончание чьей-то конкретной жизни, оплакиваемой близкими родственниками и оставшимися жить дальше друзьями, так и остается отдельным печальным эпизодом без обобщений. Так проходят времена. Они проходят и окончательно исчезают лишь в тот миг, когда их больше некому помнить.

Глава 1

Этот день стоило придумать таким, каким он мог быть в бывшей коммунальной квартире с окнами на купола Троицкой церкви под линией близкого горизонта.

Его внутреннее «Я» сопротивлялось этому шагу. О причинах он знал. То была привычка. Привычка убирать из памяти все,

что могло причинить боль. Но первый шаг был сделан...

Воздух был густ как субстанция старого стереослайда с влипшими в него блестящими-частицами времени. В этом плотном и глубоком стереопространстве можно было осуществлять движение своей мысли, направленной «из» в «в». Другие движения были невозможны.

Оказавшись в длинном и узком коридоре, он выпал из времени своей последующей жизни совершенно безболезненно или совершенно безразумно. Так же, как перебирается из одного мира в другой заново рожденный младенец.

Гладкая краска стен коридора не отличалась на ощупь от оригинальной масляной краски, а отсутствие лампочки в патроне светильника не мешало привыкать зрению к существовавшему полумраку квартиры. Обстановка не подлежала изменению раз и навсегда застывшим в памяти слепком. Но слепки могли чередоваться, и это было новым откровением старой реальности.

...В чайнике не было свистка, и, закипая, ему оставалось лишь дребезжать крышкой и шуметь водой. Кухонные шкафчики производства южнославянской республики блестели пластиком нездешнего цвета.

Он снял чайник с плиты, обернув ручку маленьким кухонным полотенцем, и посмотрел на часы. Часы над столом отчетливо тикали. Большая стрелка намертво стояла на пяти минутах начинающегося часа, маленькая, она же часовая, замерла на черте начала четвертой четверти циферблата. Время не имело смысла. Смысл имел стакан чая в металлическом подстаканнике и маленькая чайная ложка в нем, которая могла бы дребезжать монотонно и однозвучно, если бы дом куда-то ехал. Но дом не был вагоном железной дороги. Дом, скорее, был вагоном жизни, в котором его жильцы путешествовали до разных своих остановок. Будь то остановка сердца или любая другая остановка в пути, связанная, например, с пересаживанием в другой «дом – вагон» или в другой «поезд – город».

Комнат было три. Зал. Спальня. Та комната, где *ты* жил.

Ты понимал, что однажды все вещи должны занять свои места, ибо у каждой вещи этого мира есть свое место. Будь то летняя веранда для выбывшего из моды шкафа или выбывший из моды шкаф для любимой буденовки твоего детства. Той самой, синей, вязаной буденовки с красной

тряпичной звездой и длинными ушами, застегивающимися на подбородке мягкой пуговичкой. Это было такое неразрушаемое ощущение, что твоя синяя буденовка всегда лежит в каком-то дальнем углу твоей памяти и ты можешь ее в любой момент вытащить из небытия. С буденовкой были связаны детские игры в красных кавалеристов, которые либо шли по берегу с израненным командиром, либо врвались на своих боевых конях в расположение белых. И побеждали! Позднее, наигравшись в эти игры и научившись любить родину своего детства, *ты* однажды узнал о красных кавалеристах, зарубивших своими саблями мальчика Алешу, предупредившего твоего прадеда о том, что красные кавалеристы скачут по его душу. Мальчик Алеша был одной крови с тобой. А прадед был трудолюбивым хозяином на земле в далеком таежном поселке на краю твоей страны. Жизнь племянника Алеши была горькой ценой за жизнь семьи твоего деда.

Вещи не хотели занимать свои места. Они постоянно придумывали какие-то временные отговорки про то, что еще не время, а если и время, то еще все равно не пришло. Когда же время неумолимо наступало, вещи соглашались на поражение и застывали в нем, обозначив законность своего местоположения, не имеющего альтернативы. Победить в этой войне было невозможно. Временность побеждала вечность на каждом коротком временном отрезке. И это было благом для индивидуума. Индивидуум мог спрятаться в уютную защищенность своей временности от каменного и равнодушного лица непонятной вечности.

Первое время кровать была железной, имея основание из железных уголков, спинки из железных труб с вставленными повсюду шариками от подшипников. Спать нужно было на полотне металлических завитых пружин, что, скручиваясь в ряды, полосами образовывали картину сна развернутого во времени и пространстве социализма.

Первое время после переезда было очень странным и новым временем привыкания к этим стенам с высокими потолками, живущими отдельной жизнью. Нужно было затаиться на какое-то выжидательное мгновение, перетерпеть внутреннюю пустоту и одиночество, научиться жить в этой комнате, устроив из нее свой особенный мир с ночным писанием стихов за письменным столом. Собственно, стихи просто начали

тебе однажды снится, и *ты*, просыпаясь, садился за письменный стол и записывал их. Но эта бывшая коммунальная квартира еще какое-то время мстила *тебе* за самостоятельность и независимость мысли. За твое молчаливое неуважение к коллективной жизни коллектива, построенной с помощью исторических жертв. Вообще, *ты* однажды понял, что люди в человеческом виде той или иной *направленности* появляются на свет строго вовремя, именно в ту эпоху, которая составляет с ними одно целое – неразделимое, являющееся коротким отрезком длинного общего пути. Помнишь, в возрасте трех-четырёх лет в каком-нибудь семидесятом году прошлого века у *тебя* появилось стойкое мечтание к приобретению некоего устройства, связанного с телевизором, с помощью которого *ты* бы мог играть в хоккей маленькими живыми хоккеистами на экране. А на трибунах должны были сидеть маленькие живые болельщики. У *тебя* даже было желание с помощью родителей отправить письмо на центральное телевидение страны с просьбой поскорее выслать *тебе* эту необходимую вещь.

В зале на стенах висели трофеи убитых животных. Рога и головы разного размера. В разные периоды своей жизни *ты* по-разному относился к этим атрибутам основного инстинкта, то игнорируя их право на настенную жизнь и храня их на складе гаража, то однажды неожиданно для себя развесив в новом своем старом доме и оказавшись в их окружении.

Теперь, когда *ты* вновь замер в том исходном отрезке своего бытия, в котором еще ничего нет, но все уже есть, *ты* мог просто закрыть глаза...

Глава 2

Подъезд этот рядом с входной дверью имел другую дверь, закрытую тонким сломом ржавой жести и снабженную навесным замком. Во всех других подъездах за такой дверью был вход в подвал к кладовкам для хранения ненужно нажитого имущества. В варианте ранней жизни эти кладовки служили вполне конкретной, прикладной цели. А именно – хранению дров для приготовления горячей воды с помощью титана. Позднее, когда к дому подключили газ и горячая вода стала изготавливаться жильцами дома в газовых колонках, кладовки окончательно утратили свое исходное назначение.

Что же касается двери с навесным замком поверх жести, то в двери этой, ровным счетом ничем не знаменательной, не похожей на дверь за холстом с изображением

нарисованного очага, прикрывающего путь в страну счастья, все же была тайна. Тайна эта не ограничивалась применением гвоздика для отпирания замка, а распространялась на последствия такого отпирания. Последствия же продолжались маршами лестниц на четыре этажа в глубину земли и заканчивались большими железными воротами с колесами и рычагами для открывания-закрывания оных. Тайна называлась *болбоубежище*.

«Тайна» была никому не нужной и неинтересной обычному человечеству двора буквы «С». Мирный советский народ не боялся атомной войны. Поэтому бетонные подземные лестницы, ведущие в безопасную глубину, были завалены мусорным хламом непродуктовой помойки советского образца 70-х. А именно: старыми детскими колясками, разломанными в местах разных и неожиданных, куклами детскими безголовыми с пустыми круглыми глазницами в этих оторванных головах и полуторакосными велосипедами без названия. Имелись разнокалиберные предметы быта и мебели, переделанные и крашенные неоднократно разной масляной краской, но все равно выброшенные. Ящики металлические проволочные для приема молочной посуды, непонятно откуда взявшиеся и непонятно каким ветром из каких голов занесенные. Надо ли говорить, что все вышеназванное было утилизировано самым удобным образом, без дополнительных затрат на транспортировку и вообще без каких-либо затрат...

Раз в неделю во двор приезжали «генералы». Допустим, в среду. Или во вторник. Или не генералы вовсе, а полковники с майорами. Черные «Волги» и зеленые «Газики» «секретно» располагались в одной четвертой части двора буквы «С». Из машин вышагивали по серо-зеленому одетые военные люди в фуражках летом, зимой в шапках, и друг за другом заходили в обычный жилой подъезд с обычными деревянными разбитыми дверями. То был другой подъезд, с другой военной тайной под названием *штаб*. Обе тайны имели соседство подъездов и одинаковую глубину залегания.

Еженедельный *военный штаб* имел отношение к вопросам *гражданской обороны*, а по факту являлся плановой недельной политинформацией о международном положении и политике Коммунистической партии Советского Союза относительно этого положения.

Одна из частей двора буквы «С» имела свое отдельное название, известное жите-

лям всего города. Сложенные другой буквой, два магазина в составе дома рождали слово. «Чулок» – называли в народе вытянутый вдоль улицы Советской гастроном с хлебным магазином после поворота на улицу Коммунаров. В образных силуэтах эта буква «Г» не имела никакого эротизма. Прозвище было дано магазину в те времена, когда «чулки» были просто одеждой, а латинский вариант, более походивший на истинное положение и звучащий как «L», не рассматривался как заведомо антисоветский.

Грязно-песчаная плитка, из которой состоял пол гастронома, не имела признаков времени, как не имеют признаков времени предметы, которые нельзя состарить. То есть, например, как нельзя придать старый вид египетскому Сфинксу или римскому Колизею.

Разглядывание загадочного мозаичного рисунка из светлых и темных квадратов плитки было занятием всякого посетителя и покупателя гастронома. Толкание в очередях, вносящее разнообразие и отвлекавшее от мыслей о производственных показателях или о «жёниных» сапогах,

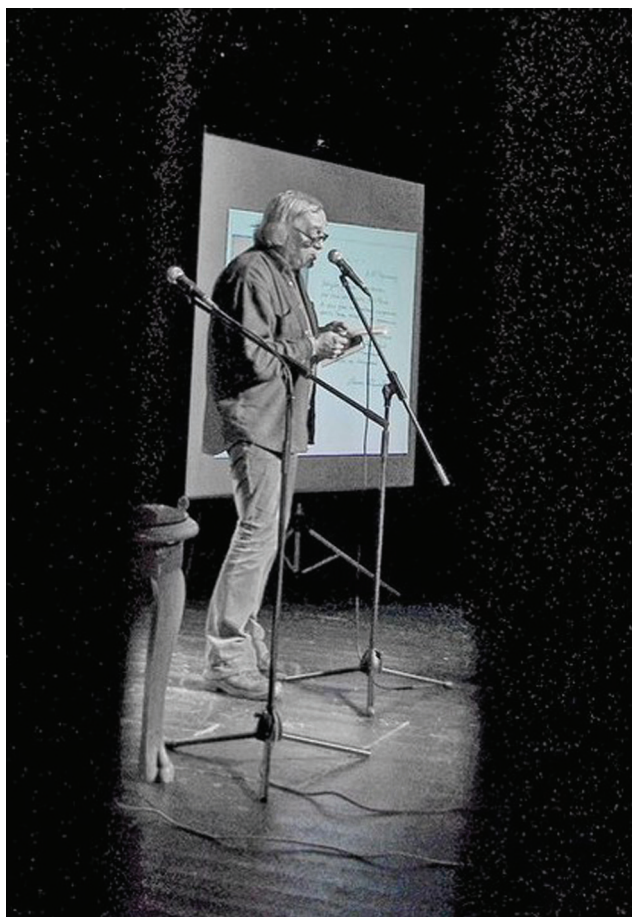
купленных втридорога на «барахолке» и потому проделавших дыру в семейном кошельке, который никак нельзя было назвать бюджетом ввиду его неосмысленности, являлось фоном вечерней жизни под ярко-желтыми лампами высокого потолка сталинского гастронома.

Что это было? *Он* остановился у окна и посмотрел на дорогу. Редкие автомашины проезжали сквозь крупный и медленный снег. Пешеходы входили и выходили. Занимали очередь в гастрономе, становясь покупателями. Переставали быть покупателями и поэтому, отходя от прилавков, вновь становились пешеходами, пассажирами, мужьями и женами и родителями на родительском собрании после работы.

Он вышел. *Он* прошел сквозь магазин и вышел. *Он* успел разглядеть несколько знакомых лиц, несколько забытых картинок на продуктовых упаковках, стертых последующей памятью, и, выходя на свежий, неморозный воздух, почувствовал, как ничего не чувствует. *Он* был в состоянии понять, что для того, чтобы чувствовать, нужно было внутренне согласиться с возможностью сойти с ума.

Город. Работа Калинары Калимуллиной, 14 лет. Башкортостан.

Олег Хлебников. На небесном дне: Роман в поэмах с комментариями. Москва: Время, 2013.

Вот что сказал в предисловии к своей одиннадцатой книге лауреат Пушкинской премии Олег Никитич Хлебников:

– Этот «роман в поэмах» писало время. Почти тридцать шесть лет писало. Я пытался только уловить всхлипы и гул времени, которого, как известно, вроде бы и нет. И – по возможности – перевести все услышанное и недослышанное на русский – по Блоку, преодолевая бездну своей оглушительной бездарности.

Что получилось, судить не мне. Но знаю, что точно удалось: вместить в строчки – хуже-лучше – полвека собственной, как-то осознанной жизни, происходившей не в пустоте, а в стране, которая приходила в себя после большевистского изнасилования и сталинского террора. До сих пор не пришла. Плюс к тому какие-то протуберанцы совсем уж прошлого и будущего...

Существует документальная проза. Возможна ли документальная поэзия? Не знаю. Но «На небесном дне» – попытка именно в этом роде. Непроизвольная. Просто не умею писать о том, чего не было, чего не было и не могло бы, по моему мнению, быть.

Очень не люблю (определение Мандельштама) «переводы готовых смыслов», только когда «несет» неизвестно куда, начинаю чувствовать поэму.

Писать поэмы в наше время кажется безумием. Когда стихи-то не читают! Но именно поэтому интересно. Вопреки и благодаря.

Когда находишься внутри поэмы, испытываешь счастье. Это путешествие в другой мир, который, может быть, тебе всего лишь казался, но, воплощенный в слове, уже существует.

Строить миры – задача не только Творца, но и любого творящего что-то. Даже, наверно, любой твари. Началось с ветхого Адама, давшего предметам и явлениям имена.

И вот – очень хочется сохранить имена. Тех, кто дорог. Я не умею и не хочу – на мраморе или граните. Более прочным материалом кажется мне слово.

А еще есть робкая надежда, что те несколько жизней, которые уже прожил лично я и которые отразились в этих поэмах, захотят прожить, в них погрузившись, хотя бы несколько читателей.

Кстати (крючок для читателя), это самый простой способ продления собственной жизни! Продления на другие – воспринятые и прочувствованные.

Беда, увы, с восприятием стихов. Их у нас в последние много лет разучились читать – надо бы снабжать, как ноты, разными знаками: крещендо, диминуэндо... Надо бы предложить издателям с этими знаками стихи печатать...

Но нет более емкого способа передачи информации – эмоциональной, прежде всего, – чем стихи. В этом смысле книжка, которая перед вами, только кажется тоненькой.

Прошу вас, читатель, ударяя при чтении правильно, попытаться прожить вместе со мной лишние полвека. Спасибо.

А комментарии – это для тех, кто захочет узнать что-то не вместившееся в стихи про реальных героев поэм или про обстоятельства их (поэм) появления на свет.

Николай МИТЮКОВ

доктор технических наук,
профессор Камского института
гуманитарных
и инженерных технологий,
г. Ижевск

ЗАПИСКИ Н.

Рассказ

День первый

Схоронили. Кто бы мог подумать? Как в старые времена писали: «Живее всех живых» – именно эти слова подходили к Ней.

Сегодня совершенно случайно по цепочке странных ассоциаций вспомнил то, что и не думал помнить – оказывается, мы были знакомы до того, как познакомились! Недаром в первый момент мне показалось, что я Ее где-то уже встречал. Долго силился, искал, искали вместе, но так и не нашли возможных путей пересечения наших биографий. А сегодня шел к Ней в последний раз, завернул за угол и все вспомнил.

Лет так пятнадцать назад, на этом же самом месте... Возвращался тогда один после ночного сеанса домой и в троллейбусе увидел Ее. Невозможно было не заметить – настолько Она освещала собой все вокруг. Словно разряды электричества разливались по воздуху. Тогда загадал, что если выйдем на одной остановке, непременно познакомлюсь. Вышли вместе. Спросил, как зовут, имя оказалось татарским. Шли всю дорогу, с интересом разговаривали, шутили, только не спросил ни адреса, ни где найти можно. И опять загадал: если еще раз встретимся, это и будет указание судьбы.

Я обзывал себя последними словами уже через полчаса после расставания. Время

было упущено. Ближайшие несколько месяцев специально выбирал маршрут, чтобы пройти мимо угла Ее дома.

Встретиться снова довелось лишь через десять лет. Она к этому времени уже успела замуж выйти и развестись.

А тогда, при нашей первой встрече, Она еще не была знакома со своим будущим мужем – встретила его спустя пару месяцев и полностью в это погрузилась: только он, только он. Может, не случайно судьба нас не сводила, пока Она с ним была?

Но и все равно Она для меня осталась непорочной, как мадонна. Сейчас сложно объяснить, почему. Стоило прижаться к Ней, как тут же накрывала волна тепла, моментально вызывая целую цепочку образов и ассоциаций. И близость тогда казалась чем-то неправильным, противоестественным. Если бы инициатива исходила от Нее, я бы наверняка пошел навстречу. А так... Просто сидели рядышком и налюбоваться не могли.

Что нам еще надо было?

Еще был тревожный звоночек, когда я узнал Ее девичью фамилию – Она жила одна, но под фамилией мужа и разведена не была. Почему-то мне эта фамилия представилась в виде белых букв на сером мраморном камне, словно я не Ее увидел ря-

дом, а холодное, безжизненное тело. Тогда, разумеется, я не придавал этому значения, лишь мимолетно почувствовал какое-то отчуждение.

Пока сидел рядом с гробом, все не мог вспомнить, а снилась ли Она мне когда-нибудь. Однажды увидел во сне дикую пантеру, свободно гуляющую по улице. Я жутко испугался. А она подошла и ластится, точно большая кошка. Я осмелел, даже погладил ее. И вдруг понял: это ведь Ее кожа, всегда такая мягкая и бархатистая... Потом мы с Ней вместе над этим сном смеялись.

Все думаю: отчего так вышло? Прав, видимо, Ее брат. Полтора года назад Она записалась на йоговскую программу совершенствования: обнадежили, пообещав, что ее организм очистится и она наконец-то сможет рожать. Не из-за меня ли Она запустила программу? Если подсчитать, то так оно и получается. Милая, дорогая! Что же Ты раньше ничего не сказала? Вот и сгорела! А так, глядишь, все проще было бы вдвоем.

Сейчас я как никогда хорошо понимаю, почему вместе с фараонами хоронили их родных. Только опять историки все переврали. Хоронили не по принуждению, а по собственной их воле: пусто становится, когда один остаешься. Обычно желают людям крепкого здоровья, надеясь, что оно всем нужно. Ан нет – даже крепкое здоровье может проклятием стать...

Ладно, порешим так: если Ей там плохо будет, то позовет, а если не позовет, значит, все нормально. А ведь запросто бы лег рядом, как та жена фараона, – до того безысходно все вокруг без Нее! И сестренку обругал ни за что-ни про что. Спросила, чем может помочь. Глупость какая! Чем тут можешь? Посоветовал открутить время назад годика на два. Обиделась...

Мне сейчас кажется, что я и Ее всегда обижал. По крайней мере, когда надо было сделать выбор между Ее интересами и моими, то практически всегда побеждал я. Вот и прощения просил в Женский день именно поэтому. Удивилась и простила. Но вопрос в другом: я-то сам себя смогу простить?!

Боже мой, пусто-то как! И перспектив никаких. Странно, но все вокруг думают, что я повешусь. Нет, не буду – не рационально это. Уж лучше в шахиды или в монахи.

В субботу, перед последней встречей с Ней, натолкнулся на О. Мы шли по улице вместе, и я непрерывно думал об одном и том же: почему рядом не Она?

Слишком много на себя проблем замкнула, вот и нашла выход из положения. Не са-

мый лучший, но самый легкий...

Милая, милая, хоть приснишь, что ли?

День второй

Итак, первый вопрос: кем Она была? Второй вопрос: кем я был для Нее? И третий: кем была Она для меня?

Первый и третий. Тут пока версии могут быть следующие. Просто женщина со своими страхами и проблемами, которые она стремилась не выпускать за рамки своего отражения в зеркале. В результате Она казалась всем вокруг человеком без проблем, этакой нерушимой скалой посреди бушующего океана. Вот все и летели к ней, как мотыльки на огонь, и я летел. Вопрос: а почему? Вроде бы, и сам нередко «жилеткой» выступал.

Когда мы только-только встретились, я, наверное, все же произвел на нее впечатление: баскетбол, йога, испанский – день расписан по минутам, времени на фигню и всякие дурные мысли не остается. Но мать заболела, и я сломался. Топить в своих слезах других проще, чем вытирать их самому.

Может, после этого все и изменилось, когда Она стала для меня заботливой мамой-кошкой, которая при любом раскладе тебя и вылизет, и молочком напоит. А вот нужен ли был я Ей? Не знаю. У Нее таких котят – вагон и маленькая тележка.

Я как-то поспешил на похоронах объявить себя Ее женихом, и сейчас не знаю: не выступил ли в роли самозванца? Как раз все указывает на то, что был я для Нее лишь собачкой с бантиком на шее, которая только проблемы приносит, а толку от нее никакого. Вот и держала меня на расстоянии, вот и завела роман с С. Хотя Ее подруга меня успокоила, дескать, там все было так себе, несерьезно. Но ведь речь не о том, серьезно или несерьезно, – речь о том, почему я для Нее стал тем, кем стал? И почему все мои потуги всерьез не воспринимались?

Почему-то вспомнилась свадьба одного нашего знакомого в прошлом году. Она не рассчитала дозу и шла домой изрядно подпивши. Что ж, вроде, все в порядке: позвала к друзьям, даже пальчиком погрозила на почве маленькой ревности. А что в итоге? Когда поняла, что я решил заночевать у Нее, ничуть не обрадовалась, даже подушки не предложила. А когда я руку на бедро Ей положил, просто отбросила: собака, знай свое место!

А ведь на самом деле все при Ней было. И ступенька была, которую я не хотел перешагивать, а Она с нее спускаться не хотела. Я сейчас думаю, что эта ступенька была чем-то вроде табу – таким же табу, как инцест или некрофилия.

На самом деле, все было вполне преодолимо. Я лишь хотел это преодоление обставить по красивее. Возможно, и в Испанию из-за этого позвал. А Она активности не проявила. Знать бы, почему! То ли от меня ее ждала, то ли не нужна была ей подобная связь: собачка с бантиком. В общем, вопросы и вопросы.

* * *

Сейчас ночь. Соседи за стенкой опять музыку включили. Разбудили. Я уж начал было думать, что преодолел все, а вот и нет. Милая, милая, что же ты наделала! Почему-то подумалось: что было бы, окажись я, как Она, в свой день рождения на такой же койке? Действительно, как бы я себя повел в состоянии обреченности? А интересно, Она эту обреченность чувствовала? Или не верила? Наверняка ведь нашлись добрые люди, которые Ее просветили во всех подробностях. А, может, Она тут же все забыла? Ведь после первого инсульта память пострадала.

Рассказал Ей, как первый день в гараже дежурил, посмеялись вместе. А на следующий день Она меня вопросом озадачила: а где ты дежурил, уж не у меня ли? Да нет, не у тебя, а жаль, между прочим. Она, наверное, здорово застеснялась бы, если бы я за Ней убирать стал. А пожила бы подольше, думаю, перешагнули бы мы и через этот барьер...

Сегодня, засыпая, почему-то представил Ее в образе моложавой пожилой женщины. Как это не увязывается с Ее портретом, образом жизни! Словно все кричит: «Я такой никогда не буду»...

За полгода до Ее ухода у меня депрессия случилась по поводу того, что я слишком мелок для Нее. Случилась после того, как Она заявила, что теперь у нее есть машина, только прав нет. А что я мог тогда предложить? Всея моей зарплаты только на одну заправку и хватало. Так что я до Нее просто не доставал...

Именно в это время летел на самолете в Питер и вдруг подумал: как все просто, вот сейчас самолет упадет, и все закончится – вся эта моя никчемность. А потом неожиданно испугался: за бортом холодно, пока до земли долетишь, замерзнешь. Так что именно тогда и пришел вывод, что лучше уж либо в шахиды, либо в монахи.

А альтернатива явилась как-то сама собой – работа высокооплачиваемая, так что на заправку теперь хватит.

Передали сегодня, что из Америки может друг позвонить. Этого еще не хватало! Мало того, что я в русском путаюсь, слов таких не знаю, чтобы все выразить, так

еще придется английские слова подбирать. Да и вообще не хочется ни с кем говорить! Надо будет написать ему, чтобы не звонил. Вообще надо табу наложить на эту тему.

Надо к матери Ее заглянуть. У них взгляд одинаковый – родственники как-никак. Видел ее фотографии в молодости. Не копия, конечно, но сходство явное. Прийти, тортик захватить. Вопрос лишь в том, кому это нужнее. Наверное, все-таки мне.

А сердечко все ноет и ноет. Как не стало Ее, так и ноет практически непрерывно. Самое забавное – физиологически всего-ничего, мышца, наверное, нерв какой-нибудь защемила и всё, а эффект какой! Раньше такое со мной уже было, но кратковременно, а тут постоянно. Так и верится, что зовут Она собачку с бантиком.

* * *

Соседи успокоились. На улице светает. Ладно, буду стойким оловянным солдатиком. Действительно, все твои сопли нужны лишь тебе самому и более никому не интересны. Похоже, я невольно шокировал этим коллегу по работе. А что еще остается? Только шутить и высмеивать ситуацию, дескать, Она уже там, а ты по недоразумению еще здесь.

Загрузиться всегда есть чем, было бы желание. Загрузиться так, чтобы времени продохнуть не оставалось.

Что в дебите, а что в кредите?

Во-первых, йога: узнал расписание. Во-вторых, книги. Совсем забросил писать, а редакторы уже беспокоятся. Тут, вообще говоря, дилемма получается: то, во что вкладываешь душу, постоянно незавершенным остается, а плодятся лишь проходные материалы, за которые платят, но все равно стыдно. Ну, и работа, работа. И командировки.

Вчера, пока ехал в трамвае, опять было желание закатить истерику. Но пересилил себя, заставил утереть слезы и улыбнуться. Странно, но подействовало. А после работы возникло новое чувство – это всё далеко и не со мной было...

А ведь мы могли бы неплохую пару составить. Я даже готов был принять Ее тактовую частоту, чтобы постоянно жить в резонанс, чтобы радоваться каждому мгновению совместному, чтобы страшно было ночью заснуть, боясь пропустить каждую минуту с Ней.

Итак – йога, английский, книги и еще, конечно, работа. Неплохой списочек, а все никак не могу приступить. Уж сегодня вроде бы и бродил-бродил, и тонус чувствовал, а начать никак не могу. Видимо, снова придется себе внушение сделать.

Антропоморфный портрет.
Художник Виталий Окунь, г. Ижевск.

День третий

Странно, но подумалось, что в обществе у нас поощряются страдания и несчастья. Встретил знакомого, а тот начал проявлять сочувствие и участие. Зачем? Чтобы снова ввести меня в состояние истерики? Ему бы промолчать – и всё, ну, или анекдот рассказать, развеселить меня. А то каждый своим долгом считает выразить сострадание, показать, что он тоже растроган.

А если взять положение матери или вдовы? Там наверняка не один месяц после похорон будут звонить и приходить все кому не лень, чтобы выразить соболезнование. Так прав, выходит, Норбеков, говоря, что наше общество – общество уродов? А посмеешь себя вести нормально и адекватно, получишь всеобщее презрение: у него, вроде как, близкий ушел, а он, понимаешь, веселится.

Ехал сегодня в трамвае и обнаружил магазин «Водь»: в букве «ы» палочка отвалилась. И получился «Водь, новый поворот...» – поворот судьбы...

Вчера, пока не заснул, все думал, какую модель поведения выбрать в общении с Ее матерью. Что надо сходить – это однозначно, что согласится принять – это бесспорно, но вот самое главное: как и о чем с ней говорить?

Была мысль как следует набраться, чтобы все забыть, но та, с кем я хотел это сделать, ненавязчиво намекнула, что мне лучше у нее не задерживаться. Куда же бедному крестьянину прикажете податься? А, в принципе, может, и правильно. Действительно, зачем? Она Ее плохо знала, стало быть, поняла, что опять идет поиск железобетонной фигуры с огромной жилеткой. Вот и дала понять, что на такую роль не согласна. Да и в самом деле, что она по жизни хорошего видит? Горшки из-под бабки таскать да видеть каждый день мужа-лодыря? Зачем ей дополнительные проблемы? С другой стороны, если такую жизнь терпит, значит, что-то в ней находит?..

Почему-то подумалось, что, по большому счету, не так уж и плохи мои дела. Даже Она сомневалась в поступательности своего движения. В том ли направлении двигаюсь? Все, что до этого делал, казалось, надо было быстрее закончить и расчистить дорогу для Нее. А сейчас? Кому все это нужно? Ну, написал пару книжек. Нужны они кому? Не спеша и плавно пытался завершить общение со всеми подругами, чтобы потом на них не отвлекаться, посвятив себя Ей целиком.

Интересно, а были ли у меня резервы времени, чтобы все эти подготовительные этапы перед серьезными отношениями раньше завершить? Скажем, пораньше свети друга и подругу? Но ведь их отношения тоже должны были окрепнуть? Время не зависело от меня. Но и кинуть их обоих было тоже неправильно – а вдруг это судьба?..

И так постоянно: что, куда, зачем? Эксперименты над собой, над окружающими. И только уже когда точно понял, что расчищаю дорогу ради Нее, что остановился, так сказать, на главном, тут как раз гадко и получилось. Я обидел Ее. Уж насколько Она уравновешенной была, и то не выдержала. Может, после этого я и стал собачкой с бантиком?

День четвертый

Снова вспомнил тот день. С утра пытался дозвониться, но трубку взял Т. Лишь вечером в ответ на мои поздравления с днем рождения получил эсэмэску: «я в медсанчасти палата 518 не встаю вот приколы да?». Подумал, что ничего страшного: из всех знакомых Она самая сильная и здоровая. Я позвонил Ей и из разговора понял, что Она просто чем-то отравилась.

И на следующий день, когда пришел и увидел, что Она лежит в отделении инсульта, была твердая уверенность, что это

микроинсульт, который можно пережить на ногах не заметив, что это ненадолго – настолько с Ней не согласовывалось ничего медицински серьезного. Как говорится, живее всех живых. Ведь пережила же инсульт, не отличаясь особым здоровьем, наша знакомая П. А еще я понял, наконец, какую Она мелодию обычно напевала: «тым-тым-тым, тым-тым-тым...». Так это же «На крыльчке твоём...» с подаренного мною диска!

Жизнь может быть иногда гораздо проще, чем кажется!

День шестой

Прошла неделя с тех пор, как видел Ее в последний раз живой, если, конечно, это можно так назвать. Человек, подключенный к машине. Бездушная машина и живой человек – такой футуристический симбиоз. Как же беспокойно на душе! Неужели Ты наконец поняла, что напрасно все это сделала?

Сегодня на работе компьютер подхватил вирус, так что вынужденно бездельничал целых три часа. За это время передумал немало и, конечно же, – всё о Тебе! Так, может, и занялся бы какой-нибудь ерундой, а тут сидишь как идиот и тупо смотришь в стенку.

Смотался в Москву, потом без передышки сразу в Свердловск, Казань. А там и мой день рождения не за горами. Ни с кем видеться не хочется, так что впервые за много лет буду один сидеть...

В этом году я должен был в первый раз прийти на Твой день рождения да и на свой пригласить Тебя впервые. В прошлом году ко мне приезжал друг из Америки, так что у меня была уважительная причина никого не приглашать, даже Тебя. А что сейчас?

Уж лучше бы Ты меня с собой забрала...

Как же все в жизни бывает напутано: встречаешься с одной, живешь с другой, боготворишь третью... Третья – это Ты, милая! Ну почему Ты не проявила твердости, не обозначила свою позицию? Хотя зачем тебе оболтус вроде меня, который сам решение принять не может?

Да будь у тебя хоть тысячи поклонников и любовников, Ты все равно была бы для меня эталоном чистоты и непорочности.

День седьмой

Сегодня ровно неделя, как Тебя не стало. Что я делал накануне? Понял, что надо искать пути, чтобы выйти на Твоих родственников. И ведь нашел. А вот у Твоей матери мой телефон был, но она не стала меня искать – да, может, и к лучшему. Так долго ждал, что Ты, может, мне приснишься, а тут приснился телефонный звонок и ответ,

что Тебя нет. Тебя нет даже во сне!

Удивительная и непонятная вещь – память. Сейчас практически не вспоминаются какие-то дела, а мелькает перед глазами набор сцен как пачка фотографий. Обидно, что если его прокручивать как фильм, то фильма все равно не получится – уж очень велико расстояние между эпизодами. Странно еще, что если сам попадаю в кадр, то словно бы в третьем лице. Неужели сознание, несмотря ни на что, уже отгородилось от Тебя? А голос Твой звучит во мне по-прежнему, его, наверное, просто невозможно ввести в статику. Крутится некий набор стандартных фраз: «Как ты?», «Ну и что?».

Знать бы, *что* именно!

День восьмой

Медитируя, впервые попытался вызвать Тебя. Странно, но получилось! Только как-то непонятно. Кто-то говорил мне: это Она. Но все произошло как-то без событий. И без звука. Губами шевелишь, а звука нет, не слышно, что говоришь. Спросить бы у кого-нибудь, только у кого? И что уж вообще непонятно, так это то, что Ты схватила меня за нос, точнее, как будто играя, щелкнула меня по носу.

Что-то мне подсказывает, что это какой-то эрзац, подмена. Хоть бы голос Твой услышать, там, может, и сориентировался бы.

Я, вообще-то, уже пробовал медитировать, чтобы приблизиться к Ней. Еще тогда, когда Она мертвая лежала и я с Ней один в комнате остался. Отобразилась как фотография на стене. Но ведь снимки бывают черно-белые, а тут – фиолетово-белый. Странно. Ее невестка сказала: «Фиолетовый – не ее цвет, ее, скорее, красный или розовый». А, может, это просто рисунок так наложил на цвет обоев. В конце концов, законов интерференции никто не отменял, даже для оккультистов.

День пятнадцатый

Я люблю возвращаться в свой город нежданно под вечер...

Вот, съездил, думал, легче станет, а проблемы как были, так и остались, даже мнимая пестрота внешней оболочки не затмила их.

Еще в Москве приснился сон, будто гуляем с Тобой, болтаем, как говорят, «о том, о сем и ни о чем». Вдруг вспоминаю, что вообще-то Ты умерла. И вот тут на меня накатила истерика: как Ты могла все бросить и уйти! А Ты стоишь, молчишь и улыбаешься загадочной и отвлеченной улыбкой. Это все из-за эгоизма нашего, действительно: Я, один Я, кругом только Я.

А что касается Тебя, точнее, не-меня, вроде бы, и наплевать. Ну что ж, если там Тебе на самом деле лучше...

Еще один парадокс. Такое чувство, что знакомиться ни с кем больше не захочу...

А еще я понял, что боюсь забыть Твой голос. Вспоминаю какую-нибудь твою характерную фразу, и голос Твой в ушах звучит со всеми свойственными ему интонациями. А если забуду, что делать? И не восстановить...

* * *

Сегодня на йоге рядом расположилась одна девица. Несколько раз встретились взглядом и перебросились парой слов. И не было ничего удивительного в том, что обратил внимание, как она уходила: просто села в автомобиль и укатила по своим делам. Так и мы по жизни катимся, изредка ее, жизнь, замечая из окна автомобиля. Забавно. Если заговорить на эту тему, дескать, а не пройтись ли по жизни пешочком, разглядывая, погружаясь, думаю, мало кто поймет...

Так не хватает Тебя, чтобы вот так просто взять и не спеша пройтись! А все вокруг бегут, и некогда остановиться, чтобы просто помахать рукой.

Возникло непреодолимое желание пройтись босиком по этой только что вытаявшей земле, еще сохранившей прохладу зимнего снега. Вот только где? Есть, конечно, район частного сектора, но опять же: а что скажет общество? Как мы все любим козырять этой фразой! А что, собственно, оно хочет, это общество, тупое и самодовольное?

Снова лежал, снова не спалось. Казалось, готов на самые безумные поступки. Да хоть сняться в какой-нибудь безумно дурацкой передаче! Можно было бы хорошо повеселиться, но опять: а что будет поутру? «А поутру они проснулись...».

День шестнадцатый

Вчера Она приснилась опять. Как-то странно приснилась. Вижу Ее, идущую по улице или по коридору какому-то, – абсолютно незнакомую, даже какую-то чужую. Волосы длинные, каких я уже не застал и какие видел лишь на фотографии. Одета то ли в костюм серый, то ли в комбинезон совершенно не в Ее стиле. Окликнул. Обернулась и ответила: «Извини, сегодня не к тебе». Как будто я перехватил Ее по дороге в чужой сон. Прямо как в анекдоте: «Это не наш глюк, а вон тех алкашей».

А мама Твоя совсем плоха стала. Истрадалась, и родственники, видно, помочь не могут. Что ж, надо самой свой крест нести, тут вряд ли кто поможет. Хотя, казалось бы, чего проще? Поживи кто-нибудь с ней хоть

месячишко – всё не одна со своими мыслями. Рассказала она про Тебя одну давнюю историю. Видела, как свалился с крыши чей-то кот и равнодушно прошла мимо. Но стоило ей рассказать об этом Тебе, как Ты тут же побежала ему первую помощь оказывать. Честно говоря, я бы тоже не стал. Ну чем тут можно помочь? Разве что скорую кошачью помощь вызвать.

День двадцатый

Как там Хоттабыч говорил? «Городок К., о высокочтимый учитель, находится почти на самом краю земного диска». Вот-вот, лучше и не скажешь. Но, вообще-то, он мне понравился. Говорят, в маленьких населенных пунктах налицо другое отношение к жизни. Интересно, что все друг у друга поутру клянчат какую-то десятку. Поскольку ее ни у кого нет, я полагаю, она где-то ходит как неразменный рубль.

Весь город перекопан – прокладывают газ. Просто стихийное бедствие какое-то! Везде рассыпан песок, так что только верблюдов не хватает – это газопроводы засыпают. А поскольку их прокладывают вдоль дорог, то дорог просто не стало. От каждой проезжающей машины остается шлейф пыли. Так что к исходу вторых суток волосы у меня стали такими, как будто я год их не мыл.

Утопая по колению в песке, ходят-бродят всякие подозрительные личности, у всех подряд спрашивая легендарную неразменную десятку. Вроде бы и не пьяные, но всё же и не совсем трезвые. Пока вся эта толпа от солдат до чернорабочих бродит подобно броуновскому движению, еще ничего, но как только приближается время открытия магазина, все они к нему устремляются, и тогда хоть караул кричи.

В гостинице наконец объяснили, как пользоваться водой. Очень кстати, помня о ситуации на улице. А еще здесь необычайно тормозной выключатель: включишь его, а лампочка зажигается через час. Я сначала очень удивлялся, когда среди ночи у меня в коридоре вдруг свет зажегся...

Надо сказать, что командировка – славный повод, чтобы обо всем забыть.

За пару дней до того, как уехать, попытался, медитируя, настроиться на Тебя. Что случилось, до сих пор понять не могу. Но пахло чем-то сырым, холодным и заплесневелым. В общем, могилой пахло.

Похоже, что Роулинг чувствовала то же самое, по крайней мере, встреча с дементором очень точно описана. Нет, это не страх и не холод в классическом понимании, это, скорее всего, какая-то тоска, даже безысходность и отсутствие какого бы то ни было све-

Метатель копья.
Художник *Виталий Окунь*, г. Ижевск.

та. Роулинг это так сформулировала: «как будто вся радость из тебя высосана». Что это такое? Защитный барьер или конечная станция? В общем, весьма и весьма странно.

Уже в К. снова попытался на Тебя выйти, но единственное, что удалось, – вызвать чувство, что рядом со мной лежит холодное мертвое тело. Такое ощущение, что я Тебя не там ищу.

Может, внезапный Твой уход как раз и связан был с тем, что Ты дверь нашла? Ведь говорила же Ты мне, что чувства и чувственность от регулярных медитаций изменились. Стало быть, ушла и решила не возвращаться? А, может, непустили? В общем, вопросы, вопросы – и все без ответа.

Этот жгут, по которому проходишь при медитации, у меня всегда светло-розового цвета – такое клубящееся облако в пред-рассветной или закатной дымке.

Как-то спросил Учителя, что это такое, а он ответил только, что это очень хорошо: символ здоровья.

Странно, что пройдя этот жгут, попадаешь в темноту. Еще более странно, что, про-быв там всего ничего – секунду или две, – успеваешь все понять и осознать. Точнее,

запомнить – осознаешь уже потом.

Итак, где-то есть дверь... Знать бы, где.

День двадцать первый

Снова мельком встретил Тебя.

Теперь уже лучше разглядел странный наряд, похожий на шерстяной спортивный костюм с красными полосами. Я его точно ни разу на Тебе не видел. Почему-то помню лишь, что Ты уходишь, а я за Тобой иду. Так и не понял ничего. Как будто что-то перед этим говорили, но вот что – не помню.

А, вообще, интересно, что было бы, если бы...

Предположим, встретились бы мы в девяностом. Думаю, ничего путного не вышло бы. Стал бы я чем-то вроде твоего Миши. Вряд ли бы стал тем, кем стал, скорее всего, находился бы в ранге вольного художника. Первый вариант, когда мы вместе копим на квартиру, но Ты работаешь, а я учусь, выглядит очень странно. Так что ничего путного не вырисовывается. Вариант второй – стал бы помогать по театру хотя бы в качестве грузчика. Пожалуй, в этом есть рациональное зерно. Так что пожениться бы не смогли, но зато я занял бы экологическую

нишу рядом с Тобой. Как у Арканова: «Готов обеспечить – но некого, а раньше было кого – но никак»...

День двадцать шестой

Все-таки регулярные медитации действительно что-то меняют.

Вчера ехал в автобусе и попытался угадать имя девочки, стоявшей у двери в ожидании остановки. Все возможные имена перебрал – ну не вяжется с образом и всё тут. От отчаяния стал гадать первую букву имени и сразу понял, что «А». Опять перебрал все имена на эту букву – без результата. Только подойдя поближе, увидел, что она татарочка, понятно, что и имя должно быть татарское. В общем, чувство примерно такое же, когда пытаешься отгадать масть следующей карты: уже все перебрал, но отклика нет. А там оказывается джокер!

Вышли на одной остановке, вместе спустились в переход, и только тут до меня дошло, что зовут ее Альфией. И тут, издали, ее окликает подружка: «Альфия!». И она оборачивается!

Тут и началось! Вот мимо прошла Ирина, вот на углу стоит Дима, вот Вася, нервно покуривая, ждет кого-то, прошествовал с портфелем в руке Василий Петрович...

Это было неописуемое чувство! Уже и знать ничего не хочу, отворачиваюсь, ноги свои разглядываю, только бы никого не видеть. Но почему-то точно знаю, что рядом проезжает машина по имени Нива.

В следующий раз постараюсь быть осторожнее. Это девица Альфия меня раззадорила! А вообще мысль интересная: угадать не все имя целиком, а то, которое в паспорте записано. Просто представляешь паспорт и спокойно читаешь имя, а при необходимости – фамилию. А не угадывается, по отдельным буквам прочитать. Как только я раньше до такого простого решения не додумался!

День сороковой

Ночь на Ивана Купалу. Погода такая, что купаться не хочется. Сказали, что в такую ночь можно увидеть во сне суженую. Вот забавно будет посмотреть!

Вчера вечером ощутил Твое присутствие, правда. Просто наблюдаешь. Интересно, а знак какой-нибудь Ты дать мне сможешь?

На неделе сон приснился, будто бы я Твое тело храню под диваном. К чему бы это? Или это как в анекдоте про скелет в шкафу?

День сто пятьдесят первый

Забросил свои записи, но о том, что произошло, надо обязательно рассказать. Она

дала о себе знать. Вот ведь пчелка, даже там без дела сидеть не может.

Но, наверное, сначала надо рассказать, что раньше произошло.

Я вдруг понял, точнее, осознал, как надо разговаривать с ними, людьми *оттуда*. Их невозможно услышать, уши тут бессильны. Надо слышать сердцем – это как будто ты ответ знал, но забыл, а теперь вспомнил. И постепенно сам начинаешь говорить не языком, а тоже сердцем. Словно выкладываешь куда-то образы и чувства, – словом, то, что хочешь выразить, – в какую-то файловотеху всеобщего доступа.

Обратил внимание на еще одну странность. Во время медитации ты можешь перемещаться быстро, точнее, очень быстро – быстрее ракеты. Помню, как летел вместе с самолетом и рассматривал через иллюминаторы пассажиров. Что интересно, воздуха при этом не ощущаешь. Зато когда лежишь на берегу моря, легкий ветерок так и ласкает. Вопрос: почему? Где тут логика? Все-таки воздух либо чувствуешь, либо нет, не может такого быть, чтобы «тут помню, а тут не помню»...

А все просто объясняется: ветер воспринимается не как набегающий поток, аэродинамика, а как чувство – ощущение легкого ветерка. И пролетая рядом с самолетом, ты в этом чувстве просто не нуждаешься, оно бесполезно.

Еще я понял, что переход воспринимается многими, да, наверное, большинством, как величайший стресс. Некоторые стараются забиться подальше, как дети под диван в случае опасности. Но у ушедших возможности совершенно другие, они могут забраться в любой предмет, например, в вазу. И извлечь их оттуда – целая проблема. Особенно неблагоприятны в этом отношении массовые переходы, например, при обрушении дома или наводнении. В этом случае специальные команды пытаются вывести души из стресса и увести, но те, как дети малые, забираются в абсолютно непредсказуемые места. Даже не знаю, уж не отсюда ли пошли сказки о барабашках и джиннах в бутылках.

Кстати, у них вовсе нет такой стратегической задачи – пугать народ, точнее, сами они не хотят этого делать. Заповедь такая: не напугать. Мы же не выходим на улицу с целью народ попугать? Вот и они тоже. Только тут понимаешь, почему общество, запрещая контакты с ушедшими, упорно и целенаправленно ведет пропаганду зловещих ужасов. И писатели, и киношники рады стараться. Не дай бог простому смертному встретить ушедшего и узнать в нем умершего родственника. Тут же ус-

лужливо всплывут в памяти заботливо взлелеянные страшилки, так что ушедший сам решит за благо первым удалиться в ожидании лучших времен.

Люди *там* как-то чище, потому что *там* нет тайн, и это должно подрывать основы нашего общества. Все сразу становится просто, как никогда. Скажем, кто-то в правительстве упорно проталкивает закон, при этом ссылаясь на всеобщее благо, а на самом деле после принятия этого закона он обогатится на энную сумму. Все не просто, а очень просто. А поскольку эти люди у власти и заправляют всем, общество выполняет социальный заказ: не общаться с ушедшими...

На самом деле ушедшие часто находятся среди нас. Смотришь на прохожих и ничего не подозреваешь. И они, в смысле – ушедшие, тоже идут, ничем себя не выдавая. Правда, иногда их можно вычислить по несуразным поступкам. Скажем, как-то раз один такой товарищ у меня на глазах прошел сквозь турникет. Ну, не заметил преграду – и все тут...

Пару месяцев назад сестренка, пытаюсь немного развлечь, пригласила меня в какой-то ночной клуб. Скукотища страшная, такое ощущение, что люди там собрались исключительно выпить. Так бы и осталась эта ночь просто вычеркнутой из жизни, но мое внимание привлекла светомузыка, проецирующаяся на большой экран.

Всплыли какие-то смутные мысли, но я все еще не мог понять, что мне это напоминает. А у ассоциаций двойной слой. Во-первых, это явно стилизованный жгут, по которому выходишь из тела в подпространство – так же и крутится, и успокаивает. Только тут они его явно для гипноза запустили.

А вот второй слой ассоциаций я вспомнил лишь спустя час, наверное. Как все просто оказалось – это купола в церкви. Заходишь в храм, смотришь на купол, а там подобная же стилизация жгута, увенчанная образом святого в центре! И сделано это специально: если потом у тебя подобное чувство появится, так чтобы оно ассоциировалось непременно с церковью и тем святым. Вот и получается, что религия монополизировала все чудеса на свете. Все, что от церкви, – это чудо, от бога, это благо. А ежели так по жизни – это козни лукавого, значит, во вред: и йога во вред, и врачевание, и еще много чего.

А где гарантия, что лукавый в церкви не прописался? Вообще как-то странно, что существует столько религий и каждая заявляет, что она одна единственно правиль-

ная, а все остальное – от Антихриста. По логике исключения, получается, что те, которые себя выпячивают и противопоставляют другим, и есть антихристы, ибо не может быть много правд.

Правда – она всегда одна...

Существует определенная категория старушек, которые переругались со всеми на свете, и потому им приходится умирать в одиночестве. Мало того, их *там* никто не ждет! Так вот, Она, оказывается, пытается вывести их из этого первого шока после перехода и препроводить куда надо.

Пользуясь случаем, что на квартире, которую Она когда-то снимала, умирала старушка, Она и зашла ко мне. По правде говоря, Она заходила и раньше, сопровождала иногда в моих ментальных путешествиях – я это чувствовал, – но в контакт упорно не вступала. Я тогда еще долго ломал голову, что бы это значило, и даже пытался узнать у других, но собеседники вообще ничего не понимали и начинали нести околесицу про святую воду и тому подобную чепуху. Все гораздо проще! Раньше я сам не был готов к контакту. Ведь в самый первый раз я Ее просто обругал за то, что Она посмела уйти и всех оставить. Вот, видно, и ждала, когда успокоюсь.

В общем, привела к этой бабульке. Забавно то, что люди сущностей не видят и не замечают. Точнее, не все. Помню, как во время одного путешествия попал в какой-то красивый городок с узкими кривыми улочками. Народ ходит по своим делам, а меня, над их головами летающего, не замечает. И вдруг вижу мальчика, который указывает на меня пальчиком, смотрит мне прямо в глаза и что-то пытается сказать. Взрослые в недоумении крутят головами, смотрят туда, куда он указывает, но ничего не видят. А он так и сверлит меня своим взглядом...

Там, в бабкиной квартире, мы смогли, наконец, побеседовать. Она расположилась на полу, а я по привычке бухнулся на диван, не заметив старушку! А Она, понятно, не в первый раз – наученная. Пригласила сесть рядом на полу, я что-то ответил. На самом деле я боялся увидеть на Ее теле шов от вскрытия.

Как же я был глуп! Тогда она мне и объяснила, что мы видим всех такими, какими хотим видеть. Вспомнил про шов патологоанатома – и он тут как тут, а хотим видеть старушку молодой – пожалуйста: кожа выравнивается, делается мягкой и упругой.

Потом я понял, почему лучше сидеть на полу. Пока старушка была жива, она меня

не замечала, но после смерти она обнаружила, что на ее теле сидит какой-то незнакомый мужик...

Честно говоря, не ожидал от «божьего одуванчика» таких редких и изощренных ругательств. Я был просто в шоке от всего этого! Но Она не растерялась, быстро взяла бабушку под руки и куда-то увела. А я остался. Скоро в комнату вошли люди, включили свет, стали суетиться возле мертвого тела, но мне все это уже было неинтересно, и я пошел искать Ее.

Она, похоже, моего повторного визита не ожидала, поскольку находилась в больнице. Скорее всего, это была реанимация: прикрытый простыней труп лежал на каталке. Она объяснила, что есть такой вид стресса, когда даже после смерти человек боится выйти из своего тела и иногда приходится ждать по несколько часов.

Пользуясь случаем, Она устроила мне что-то вроде экскурсии. Я видел группу людей, готовившихся к приходу моего отца. Но я никого не узнал, кроме Л. Он посмотрел на меня и, похоже, очень удивился. Остальные в мою сторону даже не глянули, так что я их не запомнил. Потом Ее позвали, и Она, указав мне направление на выход, ушла.

Я не понял, где находился, но, похоже, случилось стихийное бедствие. Толстые деревья и телеграфные столбы были сломаны и повалены. Людей нигде не было видно. Я прошел это место как какой-то павильон, в котором ты всё и всех видишь, а тебя нет, пока не уткнулся в какое-то окно. Мне показалось, что это просто грязное окно, лишь позднее я осознал, что это было зеркало, только глядел я *оттуда*. Пробовал стучать, но на стук никто не отозвался. Тогда я просто взял и разбил стекло, наверняка испугав всех, кто находился с ним рядом.

Она потом объяснила, что именно по этой причине зеркала занавешивают. Теперь я знаю, что когда зеркало бьется, в момент роста трещины выпускается множество сущностей, находящихся по ту сторону стекла. Они не в силах разбить его самостоятельно, поэтому и ждут случая наподобие того, что я им предоставил.

Кстати, лишь сейчас я понял, что Она была одета в простыню. Ей это идет, подчеркивая превосходную фигуру. Я тогда решил, что *там* ходят в том, в чем похоронили. Спустя некоторое время я начал размышлять, как все-таки люди объективно выглядят *там*. Хотя само понятие объективности не более чем условность. Как реагируют наши чувства, так мы и видим. Если заставить их реагировать по-другому,

то меняется и видимая внешность. Так что правильнее спросить, как *там* себя ощущаешь? Я долго думал, какие могут быть ассоциации, пока не вспомнил о глазе. Да, действительно, ощущаешь себя таким большим глазом, способным перемещаться в пространстве и видящим лишь переднюю полусферу. Именно поэтому самое лучшее место в комнате – это красный угол. Ты видишь всё, но при этом никто тебя не задевает, не проходит сквозь тебя. Наверное, поэтому иконы в избах ставят в красный угол. Весьма неуютно чувствуешь себя, когда за спиной икона. Видимо, общество не только ввело табу на контакт, но и гоняет ушедших, как может...

Там, в больнице, у каталки мы побеседовали с Ней, как обычно, обо всех проблемах. Ее удивило признание, что я мог бы Ее спасти еще там, когда она в сознании была, после первого инсульта. В наших руках скрыт большой потенциал, надо лишь знать, как грамотно его использовать. Попробовал людей лечить – получается! Как все просто: чувствуешь проекцию в своей голове, понимаешь, где надо провести рукой, чтобы боль снять... Эх, мне бы пораньше это знать!

Когда решил похвастаться перед Ней своими успехами, Она сказала, что Ей это не интересно. Во-первых, Она и без этого все знает, во-вторых, все это тщета и ничего более.

Поэтому и говорю, что люди *там* более чистые, даже те, кто в нашем мире самые последние негодяи. Им там нечего делить, незачем утверждаться. У нас ведь каждый человек наподобие мыльного пузыря: чем сильнее раздулся, тем больше ему уважения. А за всем этим – лишь пустота. Кто такой негодяй в глазах общества? Всего лишь тот, кто раздувается не по правилам...

Наконец-то спросил Ее, почему Она ушла. Ответила, что сама не ожидала. Все случайно получилось. А потом я погладил Ее по руке впервые за много месяцев: такая же жесткая ладошка, как при жизни, – рабочая, мозолистая.

Вот и весь отчет о пребывании.

О чем беседовали еще, не помню, значит, ерунда всякая, поскольку в памяти не осело. Ну, кроме удивления, зачем я сюда пришел. А на самом деле, наверное, удивилась, как я Ее смог найти.

Что еще добавить?

Больница не наша, это однозначно. Там холмистая узенькая улочка, мощеная булыжником, у нас таких нет. Надпись не помню. Почему-то кажется, что это какой-то небольшой горный городок. Или в предгорьях где-то.

Переход

Если сказать, что переходы бывают разные, значит, ничего не сказать. Не бывает двух одинаковых переходов. Они отличаются как по внешней форме, так и в деталях, а их многообразие впечатляет. И закономерностей в этом никаких не просматривается. А из правил действует всего одно – отсутствие всяких правил...

Приближающийся поезд – это страшно. Сначала, когда его не видно и не слышно, в воздухе словно нависает скрытая угроза, точно вот-вот набегут тучи и разразится гроза. Вдобавок чуткое ухо может услышать далекий свист. Чуть позднее начинают гудеть рельсы, чувствуя многотонную мчащуюся громаду. В такт им начинают постукивать гвозди на шпалах, желая выбраться на волю. И вот, наконец, вдали показывается маленькая точка, начинающая свое стремительное приближение. И ты чувствуешь тяжелую поступь зверя, когда вся земля начинает ходить ходуном. И чем ближе зверь, тем сильнее ходит. Далекий, казалось бы, свист переходит постепенно в гул, от силы которого замирает сердце и появляется трусливое желание бежать без оглядки далеко-далеко, лишь бы только не слышать и не ощущать всего этого...

* * *

Я оказался один посередине улицы. Даже первый, самый беглый взгляд показал, что все вокруг очень необычно. Начать хотя бы с ширины. Что это за улица, где вдвоем еле разойдешься? Хотя, конечно, может, это и есть то радикальное решение, которого так не хватает нам, чтобы избавиться наконец раз и навсегда от этих автомобилей, отравляющих все на своем пути. Но ведь несмотря на свою бесцельность, иногда и автомобиль может пригодиться – редко, может, в год пальцев на руке хватит, но, может...

Между тем, погруженный в свои мысли и обескураженный окружением, я добрел до ближайшего перекрестка. И здесь он поразил, что называется, в самое сердце своей странностью. Дорог, как и положено, здесь сходилась ровно четыре, но в отличие от нормальных, привычных дорог одна из них проходила сзади сверху, а вторая уходила вперед наверх. Не задумываясь, чисто машинально я пошел прямо, выбирая, наверно, то, что было привычнее там, у меня дома.

Все-таки что это за город, и как я сюда попал?

Только тут я заметил, что, во-первых, иду босиком, а, во-вторых, на мне синяя милицейская шинель, одетая на голое

тело. Вот так раз!

Так, думаем, соображаем, раз не можем вспомнить. Коли сумел раздеться, значит, был в бане. А иначе как это еще можно произвестить? Выходит, надо идти обратно и искать эту злополучную баню...

Вот ведь угораздило!

Так, стоп, а документы, билеты? Раз я сюда попал и мне все непривычно, должны же быть билеты, проясняющие все произошедшее?

И снова меня ждало разочарование. Карманы на моей шинели оказались зашиты. Точнее, клапаны были, но под ними карманов не наблюдалось. Вспомнил, что так обычно наказывают солдат, не желающих избавляться от привычки держать руки в карманах. Насыпают песок в карманы и зашивают.

Значит, ни документов, ни билетов...

Вот снова этот перекресток, иду прямо, вот то место, где начал озираться по сторонам. Да что же это за город? И народу нет, спросить не у кого. Куда все подевались? Где сейчас эту баню искать?

Вот уже привычный перекресток, дороги влево и вправо.

А сейчас куда?

Ну наконец-то и мне улыбнулось счастье! Буквы – большие, разноцветные – переливаются и складываются в заветное слово: «Касса». А рядом значок железнодорожный, так что и ежику ясно – кассы железнодорожные. Бегом, бегом к окошечку! Там мне точно скажут, где я и как попасть домой.

Стоп. Да что же это такое! Окошечко кассы почему-то у самой земли, и чтобы туда заглянуть, придется вставать на четвереньки. Ладно, встанем, мы не гордые.

Упс... Пола шинели задралась. Вон тот паренек видел, что у меня под ней ничего нет, но не тычет пальцем, прошел мимо, как будто так и должно быть. И на том спасибо!

Вот и окошечко. Да что же это такое! А деньги? Раз карманы зашиты, значит, и денег нет.

Ну ладно, может, хоть расписание узнаю.

– Скажите, а как поезд ходит до города...

А какого города? Я должен быть из какого-то города!

Тем временем со мной поравнялась молодая беременная женщина.

– Ну, стоять будете или меня пропустите?

Надо пропустить, конечно. Общайтесь, вам быстро, а мне долго. Я уже не потеряюсь, город вспомню и спрошу.

Так, дорога вниз, значит, когда буду обратно идти, надо вверх. И как раз придутуда, где касса.

Что это за запахи такие? Я ведь не ел уже

Тень лемурийца.
Художник Виталий Окунь, г. Ижевск.

дней... Сколько дней? Живот просто взрывается от голода. Неделю, что ли? И где я эту неделю был?..

Иду на запах. Ах, что за запах! Запах свежего белого хлеба. Такой мягкий и ароматный. Прямо из детства. Так и вижу, как бабка из печи хлеб достает, а я ломаю еще не остывшую, хрустящую корочку и запиваю парным молоком.

Живот так и крутит, так и сводит в спазмах! А вот и бабушка – совсем как моя. Угости, пожалуйста, хлебушком, я ведь знаю,

ты добрая. Не могу я заплатить, но ведь не за все же плату можно просить. Не могу и взамен ничего дать, нет у меня ничего. Могу лишь пообещать, что на том свете тебе обязательно все зачтется. И припомнится, что накормила ты убогого.

– Лови, солдатик!

И старушка бросила мне кусок. От неожиданности я не успел поймать, и хлеб упал на мостовую. Вот спасибо! Да не беспокойтесь, мы не гордые, мы и с земли можем.

Вкус волшебный. Нет молока, ну и бог с ним. Чуть подчёрствел, но все равно такого вкусного хлеба я никогда не ел. Спасибо тебе, бабушка!

Стоп. Как она сказала? «Солдатик»? Или нет, послышалось. Она сказала «голубок». Точно – «голубок»!

С интересом, словно в первый раз, я стал разглядывать свои руки и увидел перья. Оказывается, летать совсем не сложно: расправил крылья, взмахнул и полетел. Почему только я раньше этого не понимал?

Воздух принял меня в свои ласковые объятия.

И только тут я вспомнил. Вспомнил всё или почти всё.

Далекий, казалось бы, свист переходит в гул, от силы которого замирает сердце и появляется трусливое желание бежать. Но бежать уже поздно. Громада врезаётся в тело – по сравнению с нею просто пушинку. Я чувствую, как уходят в легкие ребра, как трещит, сминаясь, череп. Но все это длится доли секунды, пока не наступает свобода – полная свобода...

И я лечу.

Лечу, и воздух принимает меня в свои объятия.

Лечу навстречу Тебе...

Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств
работает с 10.00 до 18.00 по вторникам, средам и пятницам
и с 10.00 до 20.00 по четвергам. Часы работы музея по суббот-
ним дням – с 10.00 до 17.00. Воскресенье и понедельник – выходные
дни. Телефон экскурсионного отдела – (3412) 43-17-85, отдел фон-
дов – (3412) 43-33-57. Посещение музея студентами – бесплатно.

ПОЭЗИЯ

Анна САЕД-ШАХ

поэтесса, сценарист, журналистка,
автор четырех книг стихов,
руководитель Московской мастерской
«Хип-хоп Арт Хауз»,
п. Переделкино

«НО СЛОВО ПРОСТУПАЛО ВСЕ РАВНО...»

Стихотворения

* * *

Мой обед не горький и не сладкий
из житейской жидкой требухи –
все твои грехи и недостатки
подсолю и запекую в стихи.
Всю твою лихую зауральность,
всё, что есть, и всё, что в дом несут...
Непреображенная реальность
рвется в бедный мой,
мой глиняный сосуд!

Ночь перед Рождеством

И повторялась каждый год история:
и ветер дул, и ночь валилась с ног,
и, как пацан, мурашкался у моря
провинциальный робкий городок.
...Монах румяный нес ведро с краской,
под ряской пряча кисть,
с опаской
чернявому котенку плюнул брысь.
Заторопился,
к забору подошел, перекрестился
на ту звезду, что тлела наверху,
и, подоткнув овчинную доху,
закрасил вмиг три буквы на заборе:
святая ночь, а тут такое... тьфу...

Замазал и пошел, чтоб не торчать без дела.
...Бесславно ночь редела,
стекало краски липкое вино.
Но слово проступало все равно,
и слово было Бог –
я в темноте своей не разглядела.

Два припева

1
А что позабыла –
на то и забила:
на горстки находок,
на свалки потерь.
Все лучшее – было,
все худшее – было!
А то, чего не было,
будет теперь.

2
А что позабыла,
на то и забила:
еще на потерю,
еще на успех.
Все лучшее было,
все худшее было.
А то, чего не было, –
будет у всех.

* * *

...И по монитору, как по льдине,
я ползу среди других теней.
Мама-мама! В чьей ты паутине? –
жду тебя на чате сорок дней.
...И у нас по всей сети великой
добрых и отзывчивых друзей
с каждым часом больше – только кликай,
только кликни – и с планеты всей
отзовутся и любое дельце
разрешат, осудят и простят,
честные несчастные сидельцы
ни за что в веб-камерах сидят.
...Вот и я ночами на дорогу
выхожу – во лбу звезда горит, –
разум мой пусть и не внемлет блогу,
но душа с dushoyou говорит...

Неотправленное письмо

В Переделкине всё мельче
Сетунь, ягоды в лесах.
На земле поэтов меньше,
чем на небесах.
На земле поэтов меньше,
хорошо, хоть столько есть.
Александр Петрович Межиров,
как живется вам не здесь?
Не болят ли ваши раны
(в смысле ностальгическом)
там, за Тихим океаном
или Атлантическим,
где для легких – воздух свежий
и слеза – для глаз...
В Переделкине все реже
вспоминаем вас,
топчем тонкие листочки
и живем, как можется.
И журчит святой источник,
и музеи множатся.

Вместо молитвы

Четвертый день по пустыкам не сердится,
за все благодарит или молчит...
Я не пойму – его больное сердце
зачем Тебе?
Пускай себе стучит.

Зачем Тебе такой упрямец бедненький,
Ты без него не понесешь урон,
там у Тебя хватает собеседников,
здесь, у меня, всего лишь – Ты да он.

Пускай он здесь живет, со мною мается
и, как дитя, пузырит пену дней...
Там, у Тебя, такие собираются! –
и старше,
и красивой,
и умней.

* * *

А если счастья нет, зачем покой и воля.
А если воли нет, зачем простор такой!..
Наш ангел улетел – и нас осталось двое.
И тесен наш покой.
...И ангел улетел.

* * *

Ну, что ты, пустяки –
я не переживаю,
я просто вышиваю
по ветру языком.
Я с некоторых пор
ранимой не бываю,
давай поедем к папе –
ты не был с ним знаком.

Давай поедем к маме!
Возьмем с собою кошку
и цифровой серебряный
фотоаппарат.
Присядем у оградки,
и дернем на дорожку,
и вспомним понемножку,
как угодили в ад.

Ну, что ты, все прошло,
я не переживаю,
я так фотогенична,
особенно весной!
Гляди, я получилась
ну прямо как живая,
и ты, со мной и с кошкой,
ну прямо как родной.

* * *

Я никогда не увижу
восхода солнца –
слишком поздно ложусь спать.
И когда я просыпаюсь,
оно, уже большое и желтое,
смотрит на меня.

Я никогда не узнаю,
как трудно воспитывать детей –
слишком долго стирала,
разогревала, лечила –
и теперь, когда я просыпаюсь,
они, уже большие и красивые,
смотрят на меня.

Я никогда не узнаю,
сколько стоит стакан семечек
в Северной Каролине,
почем фунт лиха в Никарагуа
и какого цвета кожа
моих прапраправнуков.

* * *

Зеленый мальчик смотрит на меня.
Ему кажусь я строгою, наверно,
но женщиной заранее неверной,
а потому возможной. И, храня
достоинство, он тянет квас из кружки,
губу размазав ободком стекла
(я слышала, как пена потекла
в пустой желудок медленно и скучно).
Что я тебе должна?
Я родилась давно.
Пообещать могу: еще хлебнешь отравы!
Ты будешь крепко спать и жадно пить вино,
зеленый мальчик в прыщиках кровавых.

* * *

Ты так хотел. Тебе обещано.
Шепнула ночи: не настань.
Почти порядочная женщина,
уже порядочная дрянь,
я встану утром удивленная,
а чтобы стыд опередить,
скажу: «Я не в тебя влюбленная –
и не тебе меня судить».

* * *

Встретились. Стоим.
Взгляды слов ясней:
– Как живешь ты с ним?
– Как живешь ты с ней?

* * *

Уж лучше мне раньше расстаться с людьми,
чем однажды увидеть, как дети мои,
старые, больные,
беспомощные, родные,
кровь мою доживают,
добро в чулки зашивают.
И каждый их сможет обидеть,
а я не хочу это видеть!
Будут сидеть на лавочке,
пустая посуда в сетке,
а сегодня я – мама-мамочка,
а сегодня они – красотишки.
На свое продолжение рода
погляжу еще, помаячу,
а потом от земли в ворота
отлечу, как футбольный мячик.

* * *

Мне не жалко ничего,
только грустно нестерпимо,
только стыдно оттого,
что не я тобой любима.

* * *

Обману этот мир! Будь он трижды лукав!
И покуда все живы, любимые мною,
не простившись уйду, никого не прижав
гарантийной гранитной плитой.

...Я боюсь, что дожди размывают весной
эту землю.
И кисточкой красить ограду,
я боюсь, – не умею.
Любимые мной,
продержитесь – получите
вечность в награду!

Ну а если...
то знайте: успею забыть,
обживусь, отбоюсь и привыкну к потере.
А еще научусь никого не любить,
некрасиво и длинно старея.

Колыбельная

Буду внуку своему
бабушкой и дедушкой
и чуть-чуть отцом.
Буду внуку своему
мелкой денежкой,
первым мудрецом.
Противной микстурой,
и велосипедом, и аппаратурой,
а, может быть, даже
автомобилем –
лишь бы любили.
А потом
стану внуку лишним ртом,
встречным ветром,
квадратным метром.
На пятницу ради любимой жены
будут сниться внуку вещие сны
в белых тапочках...
Спи, моя лапочка.

* * *

Все было – стежки и дорожки,
любовь, собаки, воронье...
Меня встречали по одежке,
а провожали – без нее.

Узнав, что плакать бесполезно,
держась под вечер молодцом,
я выходила из подъезда
почти с торжественным лицом.

* * *

И опять с победами борюсь
и потери в землю зарываю.
Господи,
я так тебя боюсь,
что любить от страха забываю.

Провинциалки

Чтоб не остановилось время,
родное не зачахло семя
в пустых полях унылых мест,
благовоспитанные семьи
готовят порченных невест
с большими серыми глазами.
Земля качнется под ногами,
отверзнет бездну под девицей
и путь укажет на столицу,
а через год, а, может, пять
приедут в гости подивиться
отец да мать.
Не навсегда, а только в гости
(на длинном-длинном скором поезде
всего-то сутки отдремать).
Не за отцовские медали,
за то, что дочь распеленали,
за краткую ее красу –
в гостиницах унылых дальних,
где им, как кость, покой кидали,
где б каждому по койке дали
как милостыню за слезу,
отныне им не ночевать.
Отныне им не ночевать
в вокзальной кассе за билетами,
не наедаться впрок котлетами –
у дочки ужин и вино,
за все заплачено давно...
А утром улочкой московской
до галереи Третьяковской
идти без пота и узлов.
И на премьере театральной,
и в легком снимке моментальном,
и в памяти почти хрустальной
лететь-лететь поверх голов.

* * *

Со мной кашу не нужно варить,
пуда соли я съесть не заставлю,
мне это не лестно. –
Я пришла, чтоб себя подарить
всем, кому я нужна
или просто полезна.
...Развевается по ветру черная прядь,
птицы прочь улетают, уходят подруги:
не хотят, не хотят,
не хотят доверять
свою жизнь в мои белые руки.

* * *

Если челку короче
и юбку короче,
удлинняется жизнь
от свиданья к свиданью.
(Только ты никогда не читай
между строчек
ничего
о беспечном моем увяданье.)

* * *

Однажды ночью я проснусь,
тебя не призову к закланью,
не стану жечь напрасный свет.
Твой сон! Туда мне хода нет –
любая дурочка желанней
меня на два десятка лет.
За что тебе такая грусть,
тоска звериная о малом,
и крови зов,
и этот кров,
и храп, пугающий врагов,
и бегство ног под одеялом.

Три стихотворения

1
Белая веревка
плачет под окном...
Божия коровка,
выходи. Шалом!

2
Вот дом мой последний,
а вот и порог –
всё ближе,
но только ступаю все реже
наружу,
в Россию,
в горячий пирог,
с краев подгоревший.
Кухаркиным детям ну как не простить
святой простоты, нераденья простого –
кого, хлебосольные, вы угостить
удумали снова?
Так что же мне делать,
ведь сроки близки,
зачем же я с вами грызу пироги,
не тронув нектара с небесного блюда?
Ведь слышу уже, не могу обмануться:
– Хватай своих ближних, скорее беги,
не смей обернуться!

3
Матушкина старость
под еловой веточкой –
что во мне осталось
от еврейской девочки?
Разве кудри мелкие
или очи черные,
церковь в Переделкине,
цацки золоченые.

* * *

Что-то в гости никто не идет,
что-то в душу никто не стучится,
и никто от тебя не умрет,
потому что никто не родится.
Хмурый снег охмурил города,
ни вреда от него, ни корысти...
Как живая, замерзла вода
и лежит в деревянном корытце.

Аркадий ГАНИХИН

выпускник УдГУ,
филолог, переводчик,
г. Ижевск

«ХОДЯТ ПО МОРЮ ЛИХИЕ ПИРАТЫ...»

Стихотворения

* * *

Если, мой ангел, однажды расстаться
Нам доведется по чьей-нибудь воле,
Пусть эти несовершенные стансы
После разлуки нам будут паролем.

Ну, хорошо, пусть не стансы, пусть будет
Что-то интимное, мелочь, нюанс,
Что-то, о чем посторонние люди
Будут не в курсе, что скрыто от глаз.

Встретаясь, мы будем подобно шпионам
Конспиративную строгость блюсти,
Каждый свою половинку купона
Тайным паролем сжимая в горсти.

Знаю, возможно, нам будет непросто:
Время коверкает облик и статью.
Было в скитальце, прибывшем на остров,
Тоже непросто Улисса узнать.

Но, несмотря на завистливый ропот
Всех самозванцев, внушавших испуг,
В нищем Улисса узнав, Пенелопа
Передала ему стрелы и лук.

* * *

Ни шляпа, обрамленная пером,
Ни бархатный камзол, и галуны, и брыжи
Осведомляли общество о том,
Что франт приезжий прибыл из Парижа,

Ни конь его каурый под седлом,
Едва остывший после долгой скачки,
Ни две провинциальные чудачки,
Над ним сострить искавшие предлог,
А то, что на просторе сельских нив
Лишь простота сливается с ландшафтом,
Столичный визитер с галантным шармом
(за что его совсем не осуждаем),
Но выглядел в глуши, едва прибыв,
Экзотики роскошным попугаем.

* * *

Мерзавца вызывая на дуэль,
Держи в уме в горячке вызова, что выбор
Оружия – его прерогатива и «спасибо»
За гандикап тебе не скажут, менестрель.
Тогда расквесишься ты искренне, под пулю
Живой мишенью встав, имея жалкий вид,
Гроссмейстер лютни и любимец аонид,
Почувствовав, что вновь
как простака надули.

Жизнь есть обман. Так стоил ли картель
Иллюзий мира, выраженных в стансах?
А смерть честнее, так уж лучше, панцирь
Надев на грудь, сойдя за патриота,
С мушкетом угодить в гвардейскую пехоту,
Чтоб разом оборвать всю эту канитель.

Странники. Пастель. Художник Наталья Вострокнутова, г. Ижевск.

* * *

Ходят по морю лихие пираты,
Золотом ломятся их сундуки,
А королевского флота фрегаты
Всюду преследуют их. Моряки,

Что не решились, к какой стороне им
Лучше пристать, продолжают кутеж.
Всё просядив до последней гинеи,
Жиду в уплату устроят дебош.

Вывалившись из трактира кагалом,
Дикой ватагой бредут наугад.
Самый потрепанный свежим фингалом
Вызвался всем освещать променад.

Праздно шатаясь по улицам порта,
В ход то и дело пуская стилет
В стычках, готовы и к самому черту
Завербоваться на быстрый корвет.

Только б на волю, подальше от суши
Слушать ветров оглушительный вой
И, одурев от горячего пунша,
Кинуться в омут судьбы роковой.

И позабыть им поможет о скуке
Качка, тягучий рангоута скрип.

Случай такой, что в их алчные руки
Средневековый попал манускрипт,

Что сочинен в темной келье монахом,
Кровью пергамент пропитан насквозь,
Ибо какой-то лишенец с размаха
Саблей на иноке выместил злость –

Злость, что сулившая прибыль обитель
Вдруг растворилась. Фантом. Облака.
А помешавшийся веры ревнитель
Нес чепуху, и валял дурака,

И в назидании остро нуждался.
И лихоимец, не медля ничуть,
Сунул сначала под ребра кинжал свой
И в довершение рассек ему грудь.

Будь не таким он дремучим невеждой,
Текст на латыни умей разобрать,
То расспросил бы монаха он прежде –
Прежде, чем саблей проворно махать.

Поняли всё ж – харатья не простая,
Выведет к кладу кривая стезя...
Абрис корвета в тумане растает,
Свиток с куском сургуча увозя.

ПОЭЗИЯ

Мишши ЮХМА

народный писатель Чувашии,
заслуженный работник культуры
Удмуртской Республики,
лауреат премии имени Кузубая Герда,
г. Чебоксары

«Я ИСТИНЕ НА ВЕРНОСТЬ ДАЛ ЗАРОК...»

Стихотворения
Перевод с чувашского Якова Козловского

*К 100-летию чувашских сел и деревень
на благословенной земле Удмуртии*

* * *

Я – знаменосец собственного слова,
Я истине на верность дал зарок.
Я – воин, в бой отправившийся снова,
Любовь – мой конь, а слово – мой клинок.

* * *

Видеть люблю я, как зимнею ночью
Падает снег с вышины.
Таинство снова предстало воочию
Мне посреди тишины.

Кажется, слышу в мерцающем свете
Голос с заоблачных мест:
– Будьте душою чисты вы, как эти
Белые снега окрест.

* * *

Сказал однажды кто-то:
– Нас черная работа
Не может замарать.
Рук не отмыть от кражи,
Но трубочист от сажи
Отмоется опять.

В мазуте черном руки,
Не знающие скуки,
Всегда прекрасней тех,
Что с виду преподобны,
Белы как день, но злобны
И совершали грех.

И черная работа
Не лишена почета,
Была б светла душа.
А та душа, что цветом
И впрямь сходна с наветом,
Не стоит ни гроша.

Когда она, однако,
Исполненная мрака,
Замрет, сойдя на нет,
Ее, могу сказать я,
Заслуженно проклятья
Проводят на тот свет.

Смерть не переупрямить,
Зато бессмертна память
В любые времена.
О добром человеке
Пускай живет вовеки
Заслуженно она!

* * *

Скакун захромал, не вини скакуна,
А лучше на время оставь стремяна.

Коня захромавшего в кузне вольны
Всегда подковать на четыре луны.

Скакун вознесется над люльками гнезд,
И сможешь коснуться ты шапкою звезд.

Посетуй на засуху, но не вини
Ее, огнеликой, предрекшие дни.

Коль в прошлом тебя подводили дожди,
Ты загодя воду к полям подведи.

Когда тебя другом сосед назовет,
Ты сам его так назови в свой черед.

И знай, от печалей на гребнях годин
Лишь добрая воля спасала мужчин.

Будь много иль мало добра и утех,
Одно пусть заботит: хватило б на всех!

* * *

Там косо, где криво,
Там гнило, где лживо,
И наоборот.
С улыбкой лукавой
И с шубой дырявой
Тепло не придет.

Едва ли счастливы
Уста тех, кто лживы.
Пусть будет их глас
И завтра, и ныне,
Как будто в пустыне,
Неслышим для нас.

Ложь – дом без опоры,
Возок без рессоры
И, давшая течь,
Над омутом лодка,
Хоть с виду красotka,
А берег далеч.

А правда чеканом
Не схожа с обманом,
Бессмертна она.
Все то, что правдиво,
Насущно, как нива,
Во все времена.

* * *

Будь одинокою пчела,
Будь одинокою пчела,
Хоть день-деньской с рассвета
Она бы дань с цветов брала,
Наполнить медом не смогла
Ни рамки бы за лето.

Мой друг, в любые времена,
Когда звенит одна струна,
То звук родится сирым.
Способны горы сокрушить
И в рай пустыню превратить
Мы сообща, всем миром!

Черный эдем

На длинном шесте,
Чтоб виделся всем,
Вздымался над юртою
Черный эдем.

От века эдем –
Этот аспидный стяг –
Являл собой
Черного бедствия знак.

Как принято было
В ковыльном краю,
Вещал этот знак
О погибшем в бою

Иль весть подавал,
Что желает в шатре
Проститься лежащий
На смертном одре.

Был черен эдем
Как воронье крыло,
Вещавший о горе,
Что в юрту вошло.

И должен был каждый
В ту юрту спешить,
Чтоб горю помочь
Иль печаль разделить.

А как не спешить,
Если завтра беда
Ворваться могла
И к нему без труда?

Ей путь не закажешь,
И, в бедствии нем,
Любой может вскинуть
Злосчастный эдем.

Чем ярче сверкает
Удачи звезда,
Спешите туда,
Где печаль да беда,

Где черным эдемом
В сегодняшний век
Незримо венчает
Себя человек.

Стук в окно

Я думал в детстве: смерти нет,
Мысль отвергая, что куда-то
Уйти способен без возврата
Любой, хоть молод он, хоть сед.

Весна. Народный художник Чувашии Анатолий Рыбкин, г. Чебоксары.

Не потому ль, покуда рос,
Я ждал отца с войны упрямо,
Хотя уже все слезы мама
Успела выплакать без слез.
Усну, бывало. Но опять
В которой раз мне снится, снится:
Отец из тьмы в окно стучится.
И дверь бежал я открывать.
И опрометью в ночь как зверь
Бросался ветер прочь с порога.
И, успокоившись немного,
Я оставлял открытой дверь.
И превозмочь старался сны,
Боясь в меду их наущенья
Прокараулить возвращенье
Отца, идущего с войны.
Метался ветер по листве,
И одолен был вновь я сонью,
И гладил жесткою ладонью
Меня отец по голове.
Хоть сам отцом я стал давно,
Порою слышится однако
Мне ясный зов из бездны мрака
И запоздалый стук в окно.

* * *

Желтея, как шкуры лисьи,
И рдея, как лик зари,
Всё падают, падают листья,
И тают календари.

Не робок я от природы,
Но можно сойти с ума:
Как воды проносятся годы,
А дел неоконченных – тьма.

* * *

Как станешь угольщиком ты,
Как станешь угольщиком ты,
Не бойся быть чумазым,
Водой от пыльной черноты,
Водой от пыльной черноты
Отмыться можно разом.
Но если зло ты совершил,
Но если зло ты совершил,
Хоть обойди всю сушу,
Ничем отмыть не хватит сил,
Ничем отмыть не хватит сил
Запятнанную душу.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГОГИН

журналист,
региональный корреспондент
радио «Свобода»,
автор сборников стихов
«Колодцы снов» и «Ночь сторожей»,
г. Ульяновск

«ВОЗВРАЩАЕМСЯ К СУТИ, И СУТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К НАМ...»

Стихотворения

* * *

Когда мы не спим,
возникает тревожная ясность
и вдаль простирает
хрустящую ночь сторожей,
из этих глубин
проступает намек на опасность,
шурша деловито
иголками добрых ежей.

Когда мы уснем,
сторожа заколышутся в свете
земных фонарей
и далеких неведомых лун...
Когда нас разбудит
соседский петух на рассвете
и грянет о дерево
сильный и точный колун,

тогда мы очнемся,
впадая в текущую частность,
зато, вопреки петухам,
захрапят сторожа,
собой демонстрируя
полную к ним безучастность,
единственно снами
об их голосах дорожа.

Когда мы не спим,
потому что светло и привольно,
и хочется жить,
и работать, и гладить ежей,
и думать с надеждой,
что жизнь – это вовсе не больно,
то самое время
идти и будить сторожей.

Отопительный сезон

Тепло – в батарее. Настроено ухо
на север ветров, лишь одна
последняя мука живучею мухой
зудит в переплете окна.

Процесс перемены? Куда ты, болезный,
с подводной-то лодки... Итожь:
молчать тяжело, говорить – бесполезно,
все прочее тянет на ложь,

а также на дно, где ракушки и камни,
где особь не ищет свой круг,
где рыбы холодные сплошь полигамны
в момент, когда мечут икру.

Момент, как наркотик, проскочит таможенно
сознания – «душевный подъем»!
Сказать? Нереально. Молчать? Невозможно.
Все прочее – точки над «ё».

А муха звереет, и корчится слово
и бьется в простенке двух тем:
свободы и долга, былого и ново-
рожденного в сердце «же тэм».

Меж тем, поступает тепло в батареи,
настроено ухо на плеск
воды заточенной, коль слово не греет
(хотя восхитителен блеск!).

Но варится кровь в загроудинной котельной,
и жар обнажает плечо...
Молчать – катастрофа.
Открыться – смертельно!
Теплее... Тепло. Горячо!

Попытка медитации

Руки раскинь – станешь похож на птиц:
так – возлети, воспари над рекой и лесом.
Сверху не видно мелких ненужных лиц,
кто тебе нужен – вроде и так известно.

Вытяни руки – станешь похож на клен,
тополь, сосну: добрых деревьев столько!
Если твой корень жив, если ствол силен,
в сердце твоём построит гнездо сойка.

Руки расправь – так! – и, закрыв глаза,
падай в себя, в самое то есть сердце.
Вот и оно: как всегда, голосует за
жизнь с частотой шестьдесят четыре герца,

если спокойно и дважды – влюблен когда:
бьется, хлопочет, носится вскачь по цифрам
систола-диастола... (Руки девать куда?
Встань на голову – изображай пацифик.)

Руки расправь – станешь похож на крест:
сам себе крест, без веры или по вере.
Так – вознесись, так погляди окрест:
шарик Земли в мерцающей атмосфере –

жалкий, щедушный; жирное
крошево звезд
щедрою манной – сыплется или струится?
Кажется, вот налетит одинокий дрозд
и склюет по одной, все ж таки он – птица...

Сладкая тяжесть (свобода?). В глазах круги.
Можно пройтись, можно размять плечи.
Видел себя – разным. Большим. Другим.
Видел себя – собой. Не стало легче.

* * *

Было чистым небес послание,
да налипло чужое мнение:
мы сходились как два желания
и расстались как два сомнения.

* * *

Возвращаемся к сути,
и суть возвращается к нам.
С непривычки тошнит
от вращения купола мира.
Отвращения нет,
есть початая пачка кефира
и желание быть –
вопреки всем несбывшимся снам.

День за днем, год за три –
и за дверью есть новая дверь.
Зуб за зуб шестерни
зацепился как око за око.

Разве думали мы,
что и время само – одиноко,
как забытый в ночи
хромоногий простуженный зверь?

И не ведали мы,
что сомнения медленный червь
через несколько лун
превращается в злого дракона,
чтобы пить нашу кровь
и казнить без суда и закона
наш истерзанный дух –
пустотой – до стирания черт.

Упаси нас Господь
от циничного метода проб,
дай надежный фонарь,
а уж мы доберемся до сути,
даже если пора
подключить интуицию жути,
заглушив и надежду,
и сердца шальной агитпроп,
и желанье тепла.

Молоко на пустынной плите.
Но зато черный хлеб
как-то вдруг по-особому вкусен.
Мир и сложен вполне,
и по-детски вполне безыскусен,
как живой человек
в бесподобной его наготе.

Возвращаемся мы,
чтобы дальше идти и расти,
возвращается суть
негустой чередой обретений,
первобытным дождем,
одобрительным шумом растений,
указующим путь
на далеком и светлом пути.

Пигмалион

Ты – дело рук моих.
Ты – дело губ моих.
Ты – дело моей жизни.
Ты – тело рук моих.
Ты – тело губ моих.
Ты – тело моей жизни.

ДЕБЮТ

Лотта ГЕСС

студентка Литературного
института имени Горького,
г. Москва

«Я НЕ ВЫУЧИЛ ПТИЧЬЕГО СЛОВАРЯ...»

Стихотворения

* * *

Я не выучил птичьего словаря,
И неведом мне алфавит травы.
Тело теплое лета остыло зря,
Не сносил пион головы.

Тяжкий, нежный, духмяный его дурман
Расплывается, словно гашишный дым...
Лето, правда это или обман:
Хорошо умирать молодым?

Но от спящих основ не добьешься слов:
Молча ветер траву колеблет,
И прозрачная кротко сочится кровь
Острым срезом тугого стебля.

* * *

По памяти болящей,
Как по воде, на треть
Ушедшей в зной звенящий,
Пройди – вернись – ответь:
Во сне еще – встречаешь?
Зовешь ли наяву?
– Ты знаешь, знаешь, знаешь:
Тебя одну зову...
И ветер чуть доносит
Серебряную речь
И, замирая, просит
Хоть в памяти сберечь
И мед, полныни горше,
И липы на ветру,
И сон о чем-то большем,
Приснившийся к утру.

* * *

Жимолости сумеречный запах,
Влажную стрекочущую тьму,
Горькую смолу в еловых лапах
Отдадут кому-то одному.

В лес ночной иди, не бойся нави,
Не бери ни четок, ни ружья:
Ты в таком же присно тайном праве
Как багульник, чарусь и змея

Обернуться проблеском сторожким,
Золотым, как лунная вода,
И узнать легко и навсегда
Путь домой по следу дикой кошки.

Дом

1

Мой дом зарос вещами, как хвощами:
Посудой, сухоцветными кущами
И кукол местно чтимыми мощами.
Все вышвырни, оставь нагие стены,
Подумаешь: больница и тюрьма.
Как просто, как бесстыдно откровенно,
Лишаясь человеческой пестрой пены,
Собой самими выглядят дома!

2

Ты мне твердишь, что крепость наша – дом:
Гнездо и заводь тихая притом.
Счастливчик добрый! Что мне твой упрек,
Когда я горлу мира поперек,
Когда и в теле, доме божеского духа,
Как в доме престарелых я старуха.

Э
Ты любишь соответствия во всем:
Соцветия, созвездия – подобия.
Но не блажи: Вселенная – наш дом,
Помилуй, брат, мою клаустрофобию.

* * *

Выходит в сорок пятый круг
Бессонный Вольдемар.
Кто друг ему?
Кто полукруг?
Кто правнук?
Кто омар?
Зачем висеть вниз головой,
Когда вокруг – плывут?
Подходит к сердцу волчий вой
В забвении минут.
А, может, он – всему омар,
И он – всему виной?
Очнись, комар! Все – бред, все – жар,
Все – сон вниз головой.

Полковнику Андерсену

Ганс Христиан, я, тоскуя, вижу,
Как человек в человеке унижен.
И не в кого ткнуться с этой болью:
Смеются смертные, не внимая.
А ты, вскормленный земною солью,
В каком ты рае?
Ганс Христиан,
на фронтах осажденного мира

Я бьюсь, наученная тобою:
«Здесь каждый – не дезертир, но воин,
Потерявший своего командира».

Там, в светлом небесном твоём полку, –
Передай ему – мы ещё живы,
Но сиры, и наги, и вшивы,
И к пропасти мчимся на всем скаку.

* * *

от мира ли я
для мира ли я
два мира ли я
где руки Твоя
где звуки Твоя
где воля Твоя
зачем эта Млечь
дала свою течь
в сознание мое
где пеною речь
где мать несберечь
полощет белье

* * *

Красная гвоздика
Пахнет черной заводью сентября –
Горькой черной заводью,
Листвой золотой затканной,
Безветрием, безмолвием.
Детский затылок льняной
Солнцем последним согрет.

Узор. Художник Татьяна Зобова, г. Ижевск.

Читатель. Художник Виктор Чувашов, г. Ижевск.

Татьяна КУЗНЕЦОВА

коми литературовед, критик,
кандидат филологических наук,
г. Сыктывкар

ТРАДИЦИИ ВИКТОРА САВИНА В КОМИ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX – XXI ВЕКОВ

В исполненный драматизма переходный период, когда общество решительно отказывается от советского прошлого, весьма актуальным становится вопрос о культурных и художественных традициях, питающих коми литературу конца XX – начала XXI веков. Исследование литературных традиций, что во многом определяют особенности художественного освоения действительности современной коми литературой, способствует более полному представлению о художественной природе современного искусства слова.

Между тем, не было попыток исследовать художественный опыт новейшей коми литературы, в частности, прозы конца XX – начала XXI веков, в связях с классическим наследием. Исследование творчества Виктора Савина в связях с художественным опытом современной коми прозы не только освещает характерные черты литературы рассматриваемого периода, но и способствует тому, чтобы выявить, какое место занимает его духовное наследие в современной культуре коми.

Трагический ответ творческой судьбы Виктора Савина (1988–1943), драматизм которой обусловлен противоречиями социально-политического характера, лежит

и на современной коми литературе. Кардинальные изменения в эстетике Савина, имевшие место в 30-е годы XX века, во многом близки художественным поискам коми прозы рубежа веков, что в полной степени выражает кризисное состояние современного общества. Трагическое прозрение Савина и многих других художников слова того времени – В. Чисталева, В. Лыткина и других – близко духовному состоянию современных писателей, в полной мере испытывающих острую необходимость переосмыслить духовный опыт прошлого.

Яркое, вне сомнений крупное явление культуры коми, Виктор Савин – поэт, драматург, прозаик, композитор, создатель коми театра, – конечно, оказывал и оказывает ощутимое воздействие на художественное сознание народа. Он относится к тем художникам, чье творчество создает особую атмосферу, формирующую эстетический опыт народа, и оттого имеет смысл вести речь о влиянии творчества Савина, которое находит выражение не только в подобных формах. Скорее, имеет место воздействие традиций Нёбдинса Виттора (псевдоним Виктора Савина – *Ред.*), формы выражения которых скрыты в глубинах художественного текста – в сфере сознания авторов.

Поэтика Савина зиждется на мировоззренческих основах духовного опыта народа. Именно этот фактор определяет особенности художественного осмысления жизни.

Так, художественный облик известной дилогии Савина «Райын» («В раю», 1921) и «Инасьтём лов» («Неприкаянная душа», 1926) обусловлен особенностями народного мировосприятия, принимающего красоту жизни в ее естественных связях и отношениях. Сила характера Сюзь Матвея, главного героя дилогии, – в органичной связи с землей, крестьянским трудом, нравственными началами жизни. Моменты, выражающие своеобразие времени – пафос революционного отрицания, неприятие религии, – в данных пьесах второстепенны. Именно поэтому пьесы Савина, как и другие его произведения, поднялись до уровня собственно художественных произведений, пережив время.

Безусловно, связи с народной культурой составляют сферу, что сближает творения Савина с произведениями современных писателей.

Так сложилось, что в очень непростой период порубежья, когда общество охватило апокалиптические ощущения, здоровое отношение к миру обнаруживает ассоциации с мировосприятием, весьма характерным для Савина. Ощущение полнокровности жизни, что воплотилось в произведениях первой половины творческого пути Савина, видимо, органично связанное с традициями народной культуры, характерно и для художественного сознания рубежа XX – XXI веков. Безудержное желание жить, одухотворяющее творчество Савина, ощущают и современные писатели, несмотря на драматизм противоречивого времени. Стремление увидеть движение повседневности во всей его широте, в полной мере ощутить земные радости, что столь свойственно Савину, имеет место и в коми прозе рубежа веков. Данный фактор дает возможность разглядеть поступательное движение жизни, рассмотреть ее противоречивую суть.

Живой, неподдельный интерес к жизни, неисчерпаемости ее глубин, неумное желание прикоснуться к их тайнам, что весьма ярко характеризуют мироотношение Савина, ощущается, в частности, в жанре современной коми прозаической миниатюры: «Сжатая в предельно малом объеме лирико-философская миниатюра среди жанровых форм лирической прозы наиболее близка к лирике в обычном смысле слова». (Э.А. Бальбуров. Поэтика лирической прозы: 1960–1970-е годы. Новосибирск: «Наука», 1985. С. 7).

Открытость, ощущение гармоничной связи с миром, свойственные характеру лирического героя Савина, находят воплощение в природоописательных миниатюрах современных прозаиков. Непосредственность, бесконечное радостное удивление, восхищение, характеризующие мировосприятие Савина, что выразилось в детальном описании, представлении им предметного мира, также находят свое продолжение в творчестве современных миниатюристов – произведениях Л. Палкина, В. Лодыгина, Е. Козлова и других.

Свойственное Савину лирическое переживание жизни близко и Н. Куратовой. Лиризм прозы Куратовой во многом связан с особым, стойким, жизнеутверждающим отношением к миру автора, что не угасло даже в период засилья эсхатологических предчувствий: рассказы «Висьтасьём» («Исповедь», 1995), «Висьтав, югыд шондйой» («Скажи, светлое солнце», 1998), «Шондйыс ломалё на» («Солнце еще пылает», 1992), «Сідзкё, ловъя на...» («Значит, еще живой...», 2001), «Важ печкан» («Старая прялка», 2002) и другие.

По-савински приподнято-радостно восклицает героиня ее рассказа «Шондйыс ломалё на» («Солнце еще пылает»). Выражение, взятое в качестве названия произведения, наполняется метафорическим значением и выражает концептуальные установки автора.

Следует отметить жизнестойкий, обладающий несокрушимой верой в будущее, ощущающий неразрывные, органичные связи с жизнью женский характер, созданный Н. Куратовой. Речь идет о едином характере, сконструированном рассказами и повестями современного коми прозаика. Обнаруживаются родственные связи как с характером лирического героя Савина – «Вен» («Спор», 1922), «Чолём» («Привет», 1918), «Веж видз вывтї муна» («Я иду зеленым лугом», 1919), «Кор долыд» («Когда радостно», 1920) и другие, – так и с характером главного героя дилогии «Райын» и «Инасьтём лов» Сюзь Матвея, главного героя его произведения «Луча» (1926).

В данном случае мы можем вести речь о близости, по терминологии М. Бахтина, лирического героя – образа – личности и характера – «объектного» образа. Светлая, оптимистичная вера в будущее, освещающая взгляд Н. Куратовой на жизнь, ее отношение к миру близки савинскому мироотношению. Данные свойства словно окрыляют концептуальные взгляды Куратовой. Особенности мироотношения авторов во многом определяют специфику лиризма произведений как Савина, так и Куратовой.

Лирическое отношение к миру, неизменно присутствующее в произведениях и Савина, и Куратовой, органично связано с утверждающей силой жизнестойкой энергии, что питает творчество этих авторов.

Такова специфика природы лиризма и В. Савина, и Н. Куратовой. Лирическое самовыражение авторов имеет некий возвышенно-утверждающий окрас. Он, видимо, и составляет «момент творческой субъективности» (выражение В.Д. Сквозникова), характеризующий особенности лирического начала творчества В. Савина и Н. Куратовой. Природа лирической точки зрения Савина и Куратовой близка. По-видимому, имеет смысл вести речь о родственности «субъектной сферы» (определение С.Н. Бройтмана) их произведений.

Это тот тип лирического переживания, когда автор счастлив обнаружить свое отношение к миру, испытывает абсолютную гармонию в единении с ним, что придает особый свет его произведениям. Ощущение красоты и гармонии сущего определяет духовное состояние героя и обуславливает цельность его мироотношения.

В формировании мироотношения особую роль играет отношение автора к самому себе. Он самодостаточен в гармоничной связи с окружением, ощущая свое право на выражение отношения к миру. В данном случае самоощущение автора, его отношение к себе есть форма его самоидентификации. Данный фактор также придает особое качество лирическому взгляду на мир и В. Савина, и Н. Куратовой. Следует отметить, что данные черты отражают не только специфику субъективного восприятия и мироощущения, в них – утверждение вековой, естественной связи народа с жизнью, ощущение целостности мира, что определяют его мировоззрение.

Чувство гармонии освещено особым, приподнятым настроением. Данные особенности мироотношения, думается, близки типу «веселости», описанному исследователями. «Веселость как свойство и состояние натуры, то есть жизнерадостность и природный оптимизм. Такого рода веселость мы бы назвали онтологической веселостью, поскольку она характеризует само бытие человека». (Л.М. Шайхиурова. Онтология и поэтика смеха в сказках П.П. Бажова. Известия Уральского государственного университета. Выпуск 6, 2003, № 28. С. 36).

Пафос авторского отношения, определяя особенности художественной ткани, находит воплощение в сфере характерообразования, сюжета и композиции, стиля: «В пределах объективации эмоциональной сферы автор задает свои правила игры,

Писатель, поэт, драматург, композитор, создатель коми театра Виктор Савинов.

свою парадигму художественного мышления, согласуемую со средством деятельности – поэтическим языком». (И.П. Карпов. Авторология русской литературы. Йошкар-Ола: Издательство «Марево», 2003. С. 26).

Следует отметить, что данные особенности мироотношения Виктора Савина нашли органичное выражение и в комическом.

В произведениях Н. Куратовой живет вера в то, что вечная поступь жизни зиждется на разумных началах. Вера в нерушимый нравственный потенциал человека, любовь к жизни, уверенность в разумном мироустройстве, что окрыляет творчество Куратовой, очень близки чертам, характеризующим мироотношение Савина. Думается, подобное мироотношение органично связано с нравственными началами, лежащими в основе художественного творчества.

Отношение к миру данных художников неизменно питается глубинным стремлением поделиться душевным теплом. Не случайно исследователями подчеркнуто, что «в структуре художественного таланта энергетическая роль нравственных переживаний представляется более «фундаментальной», чем роль эстетических эмоций». (Е.Я. Басин. Художник и творчество. Москва: «Гуманитарий», 2008. С. 126).

Тексты В. Савина и Н. Куратовой излучают светлую эмоциональную энергию осо-

бого качества. Данные факторы коррелируют в их художественных произведениях и с авторским началом, получающим особую функцию. Образ автора столь ярок, что выявляет и личностные качества художников. Думается, природа данного явления близка к тому, что исследователи определяют как «идентичность поэтического «я» биографическому «я» автора». (И.Д. Шевеленко. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. Москва: «Новое литературное обозрение», 2002. С. 109).

Характерной чертой авторского отношения является созидательная направленность. Именно поэтому столь резкие изменения претерпела эстетика В. Савина в период сталинского диктата.

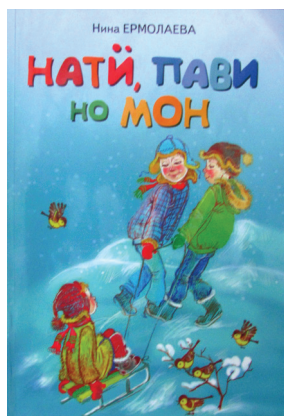
Особенности характеров данных авторов таковы, что в текст вселяется живое движение жизни, ее естественное дыхание. Ритм противоречий, что составляет глубинную энергию жизни, воссоздается в сфере авторского отношения. В данных факторах – ярчайшее выражение близости творчества В. Савина и Н. Куратовой. Думается, в данном случае актуальны слова Л. Гинзбург: «Сознательно, откры-

то утверждаемая традиция не только не противопоставлена новизне, но, напротив того, делает новизну особенно ощутимой». (Л. Гинзбург. О лирике. Москва–Ленинград: «Советский писатель», 1964. С. 366). Традиции В. Савина, во многом определяющие особенности художественного мышления современных коми писателей, придают неповторимость художественным исканиям прозы стыка тысячелетий.

Произведения В. Савина, неоспоримо, оказывают воздействие на сознание общества, а мышление современных художников слова несет на себе меты его влияния. Связи, объединяющие творчество крупнейшего коми поэта, драматурга, писателя с произведениями коми прозаиков конца XX – начала XXI веков, – в глубинных, смыслообразующих основах художественного текста, в которых находят выражение особенности художественного мышления авторов, их отношения к миру.

Связь с народной культурой объединяет творчество великого Савина и современную коми прозу. Поэтика традиции зиждется на близости к народным основам жизни – особенностям народного характера, мироотношения.

НОВЫЕ КНИГИ

Нина Ермолаева. Наті, Пави но мон. Ижевск: «Удмуртия», 2013. Новая книга Нины Ермолаевой – книга для семейного чтения, состоящая из рассказов для детей и о детях. Каждый рассказ – эпизод из жизни семьи Ермолаевых: не придуманный, а просто записанный вслед событию, может быть, не столь значительному, но значимому и памятному, как узелки на живой ткани семейной истории. Прообразом папы послужил Алексей Ермолаев, а тройня близнецов сложилась из росших в семье Ермолаевых двойняшек Андрея и Ирины и сына Флора Васильева Сергея. Книга интересна и психологически раскрытыми образами детей, и любопытными фактами биографии литературного деятеля, критика, публициста, особенностями его характера, проявлявшимися в семье. Мы узнаем новое и об авторе книги Нине Ермолаевой – известной переводчице на русский язык удмуртской художественной прозы. Книгу «Наті, Пави но мон» с русского на удмуртский язык перевела писательница и журналист Лидия Нянькина.

Станислав ТАРАСОВ

выпускник Удмуртского
государственного университета,
г. Ижевск

ЧИТАЯ «ХЛАДНОКРОВНОЕ УБИЙСТВО» ТРУМЕНА КАПОТЕ

«Поселок Холкомб стоит среди пшеничных равнин западного Канзаса, в глухом краю, который прочие канзасцы обозначают словом «там». Так начинается роман «Хладнокровное убийство» американского прозаика Трумена Капоте.*

Капоте пишет этот роман где-то на вершине своей карьеры, имея за плечами крупную прозу «Другие голоса, другие комнаты», более десятка рассказов, а также на шумевший скетч «Завтрак у Тиффани». Тридцатипятилетний автор прустовского типа, открытый гомосексуалист, склонный к алкоголизму, любимец богемы, в особенности состоятельных дам своего времени, влекомый интересом к ужасному преступлению, он отправляется со своей еще более известной подругой, писательницей Харпер Ли («Убить пересмешника»), в американскую глубинку.

Написать небольшой очерк, можно сказать, журналистскую заметку – таков первоначальный замысел. Но, вопреки планам, работа затягивается. Причиной тому – задержание преступников. Капоте, не упуская уникального шанса, сближается с ними, беседует, пытается проникнуть в их мысли и мотивы, попутно собирая любую информацию, касающуюся дела.

Занятно представить себе, как этот рафинированный юноша пробирается по де-

ревенским улицам, заходит с брюзжанием в дома, общается с провинциалами, полицейскими и уголовниками, а позже все записывает. Каких усилий, какого морального и интеллектуального труда стоят для него подобные диалоги?!

Итогом странного путешествия и становится «Хладнокровное убийство» – роман, писавшийся с 1959 по 1965 год. Для своего времени произведение стало настоящим открытием. Сам автор окрестил книгу *non-fiction novel*, что позже выразилось броским «новая журналистика»: проза, которая, сохраняя художественные достоинства, описывает реальные события с документальной точностью – как бы синтез художественного нарратива и документалистики.

В данном месте читателям, не успевшим до сих пор познакомиться с романом, я настоятельно советую отложить журнал в сторону или переключиться на другую статью: далее начинается откровенный спойл, цель которого – показать ключевой, по моему мнению, наиболее ценный момент книги, момент, когда все герои застыли и пришло время снять маски.

События романа, как уже говорилось, происходят в Канзасе. Именно здесь в ноябре 1959 года было совершено жестокое убийство четырех человек – семьи крепкого фермера Герберта Уильяма Клаттера. «Ми-

* Оригинальное название: *In Cold Blood*; все цитаты взяты из книги в переводе М. Гальпериной.

стер Клаттер носил простое золотое кольцо. Уже четверть века оно являлось символом его союза с той, которую он и выбрал в жены, – сестру его однокурсника по колледжу: робкую, набожную и утонченную девушку по имени Бонни Фокс». Бонни подарила своему мужу четверых детей – мальчика и трех девочек. Старшие сестры покинули родной Холкомб и поэтому не разделили горькую участь родителей и младших детей – Ненси и Кеньона Клаттеров.

Эта трагедия потрясла Соединенные Штаты. Рассказами о ней пестрели передовицы газет, радио передавало жуткие сообщения. После такого события никто не мог чувствовать себя в безопасности даже в собственном жилище, ведь жертвы были достигнуты как раз в таком месте.

Местная полиция призвала на помощь Канзасское бюро расследований. *«Представитель Бюро в Гарден-Сити, который отвечает почти за весь западный Канзас, – стройный и красивый сорокасемилетний мужчина, канзасец в четвертом поколении Элвин Адаме Дьюи. Шерифу округа Финней, Эрлу Робинсону, волей-неволей пришлось просить Эла Дьюи взять на себя расследование дела Клаттеров».* Ведь детектив был некогда местным шерифом, затем агентом ФБР, он имел солидный опыт и хватку. Для Дьюи запутанное расследование стало личным делом.

Запутанным оно было по нескольким причинам. Во-первых, ни одного свидетеля обнаружить не удалось. Даже постоянный работник фермы, живший здесь же и в ту ночь бывший в своем отдельном домике с женой и маленьким ребенком, не слышал ружейных выстрелов. Во-вторых, жестокость убийства ничем не была оправдана: несмотря на то, что дом Клаттеров был перевернут вверх дном, преступники однозначно не заполучили сколько-нибудь солидной суммы. Всем было известно, как Герберт Клаттер не любил обращаться с наличными деньгами, а поэтому не хранил крупных сумм в доме, предпочитая пользоваться чековой книжкой. В-третьих, преступники не оставили никаких следов за исключением оттиска ботинка.

Впрочем, Дьюи полагал, что убийцы избавятся от обуви при первом удобном случае, а, значит, это и без того косвенное доказательство теряло всякую значимость.

Не углубляясь в описание утомительно и нервного процесса расследования, скажу сразу: вопреки всему преступников обнаружили. Один из заключенных, некогда работавший на ферме Клаттеров, сообщил, что убийцей или одним из убийц мог быть его бывший сокамерник Ричард «Дик» Хи-

кок, которому он в свое время рассказал про доходную ферму и якобы имеющийся у мистера Клаттера сейф. Вскоре Хикок и его поделщик Перри Смит были схвачены.

Главные герои Капоте – хронические неудачники, которые следуют по скользкой дорожке, и события в Холкомбе – их конец: они скатываются на абсолютное дно.

Ричард «Дик» Хикок – обычный вороватый малый, не упускающий возможности подчеркнуть свою брутальность. Он хочет от жизни многого: денег, женщин и других «прелестей». Тупость его натуры не прикрыта, и он уверенно выставляет ее напоказ, не имея и тени сомнения. В свое время за махинации с чеками он оказался в тюрьме – той самой тюрьме, где и познакомился с Перри.

Перри Смит – фигура, которая вызвала большой интерес Капоте: ирландско-индейский полукровка, не избалованный жизнью. Родителями его были цирковые артисты, которые вскоре разошлись. Оставшись с матерью, мальчик многое вытерпел и от нее, и от монахинь-воспитательниц. Фантазмом Смита часто была огромная птица, прилетающая в критические моменты и выклевающая обидчикам глаза. Он терпеть не мог своих родных за исключением отца, отношения с которым, однако, тоже были непростыми. Служил на флоте, питал страсть к музыке, сочинял, инфантильно представляя, что получит общественное признание на этом поприще. Смит более всего любил возвышаться над своим окружением, грезил себя утонченной натурой, постоянно работая над своим словарным запасом и заучивая новые слова, но не имея способности применить их правильно. В этой страсти к возвышению – его главная черта, на которую стоит обратить самое пристальное внимание.

Дьюи смог нанести последний удар пошатнувшейся дружбе двух убийц и добился их признательных показаний: все подробности убийства оказались на поверхности.

Хикок и Смит прокрались в дом ночью, связали Клаттеров и, обыскав помещение, обнаружили крохотную сумму наличными и чековую книжку – почти все сбережения семьи. Игра не стоила свеч. Но злодеяние все-таки было совершено: четыре жизни – за несколько десятков долларов (забегая вперед, скажу, что преступников повесили). Изрядно взвинченный Перри уличил Хикока в желании надругаться над дочерью мистера Клаттера, чему он не преминул воспрепятствовать. *«В тот момент меня чуть не тошнило, когда я думал, что когда-то восхищался им, упивался его хвастовством. Я ему сказал: «Ну что, Дик? Коле-*

блещься?». Он не ответил. Я сказал: «Если оставить их в живых, маленьким сроком мы не отделаемся. Десять лет, самое меньшее». Он по-прежнему молчал. В руках у него был нож. Я попросил у него этот нож и сказал: «Ну, хорошо, Дик. Пора приступать». Но я не собирался этого делать. Я хотел вызвать его на блеф, заставить его меня отговаривать, заставить его признать, что он притворщик и трус... Но я не понимал, что я делаю, пока не услышал звук. Как будто кто-то тонет. Крик из-под воды. Я вручил Дикю нож и сказал: «Прикончи его. Тебе станет лучше». Дик попытался – или притворился, что пытается. Но у этого человека сил было на десятерых – он наполовину вырвался из веревок, руки у него уже были свободны. Дик запаниковал. Ему хотелось побыстрее слинять. Но я не дал ему уйти... Я велел Дикю держать фонарь и светить мне, а сам прицелился из ружья. Комната просто взорвалась...». Затем Перри расправился и с остальными.

Таким образом, мотив здесь был только один, и это не были деньги. Перри Смит совершил убийства по одной причине: чтобы взять у Дика мужской реванш, унижить его и предстать более сильным и мужественным, превзойти подельника, который мог составить конкуренцию, превратить его из персонажа драмы, разыгрываемой на полотне жизни, в скромного зрителя – благоговящего и преклоненного, усадив в зрительское кресло на такую глубину, чтоб он никогда не выбрался.

Перри двигали личные мотивы.

Должно быть учтено и еще одно обстоятельство. В свое время Перри заявил, что ему уже случалось убивать. Теперь, создав образ убийцы, он должен был ему следовать. И в ключевой момент, когда создалось титанической силы ролевое напряжение, Перри стал тем, кем заявил себя, кем обозначил.

Именно в этом дьявольском парадоксе и заключено главное достоинство романа Трумена Капоте: убийство, которому предписано быть хладнокровным, таковым не оказывается. Капоте на протяжении двух третей книги убеждает читателя, что героями двигали корыстные мотивы, но на проверку оказывается, что корысть тут – дело десятое.

Все мотивы преступления до сцены с убийством Герберта Клаттера позабыты и заброшены. С разговора Смита и Хиккока, приведенного выше, время книги начинается заново. И мы видим, что истинный мо-

тив глубоко психологичен. Курок спускает потребность самоутвердиться!

Вопрос, поставленный таким образом, кажется, пугает самого автора романа. Капоте, силясь найти объяснение, выдает своим героям билет в психиатрическую лечебницу. Мы знаем, что суд приговорил преступников к смерти. Однако во время судебных слушаний Смит и Хикок проходят обследование. Несмотря на то, что суд признает их вменяемость, Капоте вкладывает в уста психиатров мысль о психическом нездоровье подсудимых. Автор просто не хочет верить, что таким образом может действовать нормальный человек. И именно в этом я вижу определенную ограниченность Капоте. Думается, механизм личностного роста через социальные роли, которые декларативно предустанавливаются, встроен во всех людей.

Нечто подобное психоанализ иллюстрирует нам в так называемой стадии зеркала в ходе развития ребенка. Попытаюсь объяснить. В жизни каждого малыша наступает момент, когда мать впервые подводит его к зеркалу. Ребенок при этом уже подозревает, что он не единственный объект внимания и любви матери, а, значит, ощущает потребность заполучить это внимание. Вскоре дитя обнаруживает возможность получать внимание матери, корча рожицы перед зеркалом, – то есть ребенок ищет для себя другого.

Так и все мы в течение нашей жизни, начиная смотреть на себя и подыскивая себе оболочку, образ, роль, сначала только декларируем ее: кажемся учеными, писателями, художниками, даже играем в плохих парней. Но однажды окружающие дают нам знать, что верят в созданный фантом, и обращают к нам требования, соответствующие заявленной роли. Тогда мы вполне можем стать тем, кем прикидывались, подрастая.

То же самое происходит с Перри Смитом. Он стал тем, кем желал быть в глазах другого человека, и, тем самым, заполучил так желаемое им превосходство.

Возвращаясь к Трумену Капоте, нужно сказать, что ему за шесть лет удалось создать произведение, преисполненное трагедийности и психологизма. Пусть это трагедийность и психологизм лишь одного персонажа, пусть подчас форма изложения проста и, кажется, слишком доступна, но то, к чему Капоте сумел притронуться, безусловно имеет отношение к экзистенции и заслуживает нашего внимания.

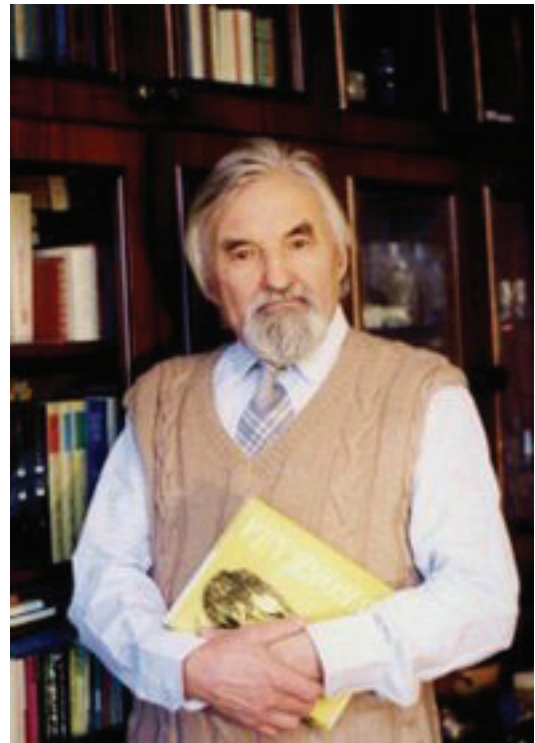

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Алексей ЕРМОЛАЕВ

(1934 – 2006)

удмуртский критик,
литературовед, текстолог

*К 115-летию со дня рождения
Акилины Векшиной
(Ашальчи Оки)*

СУДЬБА ПОЭТА

В развитии каждого народа бывают периоды, когда как-то особенно концентрируются все творческие силы и создаются такие художественные (и фольклорные, и авторские) ценности, которые потом становятся мерилем чуть ли ни всего дальнейшего национального художественного развития. Таким пассионарным толчком, по выражению историка Л.Н. Гумилева, для удмуртской литературы стали годы русских революций: 1905–1917. Как бы ни оценивали ныне этот сложный период, никоим образом невозможно переоценить значение этого времени для культурного подъема таких народов Поволжья и Приуралья, какими являются удмурты, мари, коми, чуваша. Не стоит перечислять всех деятелей культуры того времени. Их набирается довольно много и весьма значительных по вкладу в национальное развитие. Вспомним лишь Григория Верещагина, Михаила Можгина, Максима и Гавриила Прокопьевых, Кузебая Герда, Трофима Борисова, Кедр Митрея.

Среди них особое место занимает творче-

ство первой удмуртской поэтессы Ашальчи Оки – Акилины Григорьевны Векшиной. И отнюдь не только потому, что она женщина, а потому, что придала удмуртскому стиху особенно лирическое, душевное звучание, одна из первых доказала, что на удмуртском языке можно создавать лирические шедевры.

В нынешнем Граховском районе в деревне Ускы (Кузебаево) в трудолюбивой удмуртской крестьянской семье Векшиных росли три брата и две сестры. Старший из братьев, Василий, погиб во время первой мировой войны. Дочь Акилина (Акулина, Лина) родилась 4 апреля 1898 года. И в это тяжелое время Векшины решились учить детей грамоте. Иван и Оки (удмуртское ласковое звучание имени Акилина) учились сначала в Граховской школе, а затем – далеко от родных краев, в Карлыганской центральной вотской (удмуртской) школе у Кузьмы Андреева.

В одном из неотосланных писем 50-х годов Ашальчи Оки вспоминала: «В Граховской школе, конечно, я была гадким утен-

Акилина Григорьевна Векшина
(Ашальчи Оки). 1928 год.*

ком. Но это первые два года. А в третьем классе я уже дружила с русскими девочками на равных. Помогало этому и то, что в третьем классе я уже была в числе лучших учениц. В Граховской школе была хорошая школьная библиотека. Она меня мирила со многими неприятностями. В Карлыганской школе было очень хорошо. Жили в интернате. Подруги были очень хорошие».

Две ее подруги – Ольга Андреева, дочь основателя Карлыганской школы, и Анна Федорова – остались подругами на всю жизнь. Их имена встречаются вплоть до последних дней Ашальчи Оки. Они сохранили до конца очень теплые дружеские отношения.

После окончания Центральной вотской школы Лина сдала экзамены в Елабужскую епархиальную учительскую семинарию, получила диплом и в шестнадцать лет стала учительницей. С 1 сентября 1914 года два учебных года работала в деревне Субаш (по другим сведениям, Кушкет) в теперешнем Татарстане, два учебных года – в деревне Будчимшур-Пельга Большеучинского (ныне Можгинского) района Удмуртии, в 1918-1919 учебном году – в деревне Мамаево Граховского района. Видимо, к этому периоду относится первая любовь молодой начинающей поэтессы.

В письме сына Валерия Ивановича Карачева хранительнице дома-музея Ашальчи Оки в Алнашах Н.М. Фадеевой есть такие строки: «У нас в семейном альбоме имелась фотография молодого стройного унтер-офицера в полной военной форме. Это мамин жених Никита (фамилию я, к сожалению, забыл). Он учительствовал в соседней удмуртской деревне. В первую мировую войну служил в армии. После революции работал в Елабужском уезде в военкомате. В 1918 году после взятия Елабуги дутовцами был расстрелян на берегу Камы. Очевидно, этим вызваны строчки ее стихов:

Мое сердце круглым камнем
Пусть утонет в синей Каме».

Сомнительно столь прямое соотнесение стихотворения «Если милый...», созданного в 1924 году, с этим фактом (да оно и обращено к живому человеку), но знаменательно хранение фотографии в семейном альбоме столь длительное время. Этот унтер-офицер был известен и мужу, и сыну, и всем окружающим. Фотография цела по нынешний день. Сотрудники музея в Алнашах установили имя этого человека: Никита Пудович Замятин.

Во время работы в Большеучинской волости в 1918 году Ашальчи Оки впервые встретила с поэтом и ученым Кузубаев Гердом. Герд вспоминал об этой встрече на одном из допросов в ГПУ, когда его арестовали (1932). Тогда он говорил, что «...Векшина показала ему несколько номеров газеты «Виль синь» («Новое око», но можно перевести и «Новый взгляд» – А.Е.)... Тепло отозвалась о редакторе Константине Сергеевиче Яковлеве, просила активно сотрудничать в этом издании, помочь привлечь подписчиков». (Н.С. Кузнецов. Из мрака... Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1994. С. 62). В этой же редакции работал (одновременно и сельским учителем) брат Ашальчи поэт и прозаик Айво Иви (И.Г. Векшин). В этой газете были напечатаны ее первые стихи. С этой встречи началось глубокое взаимопонимание, взаимное уважение двух удмуртских поэтов – Кузубая Герда и Ашальчи Оки.

В 1921 году, пишет В.И. Карачев, Ашальчи Оки как начинающую поэтессу направили учиться на рабфак (рабочий, то есть подготовительный факультет) Казанского госуниверситета. После рабфака ее зачислили на филологический факультет университета. «Проучившись несколько дней, – пишет далее В.И. Карачев, – она пошла к заведующему... и попросила перевести на медицинское отделение: «В удмуртской де-

* ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики», ф.Р-1589, оп.1, д.10, л.5.

ревне в первую очередь нужны врачи, а не литераторы».

Жила она в знаменитой «Марусовке». Это была огромная пятиэтажная ночлежка, ярко описанная Максимом Горьким в повести «Мои университеты» (в той же «Марусовке» жил и ее сын В.И. Карачев, когда учился в Казанском же университете).

«В 1925 году в декабре от казанского студенчества Лина едет в Москву на похороны Сергея Есенина», – утверждает В.И. Карачев. Стоит заметить, что самыми любимыми поэтами Ашальчи Оки были Александр Пушкин и Сергей Есенин. Об этом она говорила при встрече А. Клабукову и мне в 1965 году. И тут же, смеясь, добавила, что часто читала их стихи наизусть и этим, видимо, заморозила будущего мужа И.И. Карачева.

В годы учебы в Казани Ашальчи Оки составила первый сборник стихов, который, по своему признанию, хотела назвать «Чыртывесь» («Ожерелье»), но, по настоянию Герда, этот сборник вышел в 1925 году в московском Центриздате под названием «Сюрес дурын» («На обочине»).

В Казани в то время было целое землячество удмуртских студентов. С ними занимались удмуртские педагоги-просветители Иван Михеев, Иван Яковлев – в то время весьма авторитетные люди. Правда, 20 декабря 1956 года в письме А.Н. Клабукову Ашальчи вспомнит и об обиде на второго: «У меня было написано так (речь о стихотворении «Вордйськем музъеме» – «Земля родная»):

Вордйськем музъеме,
Вордйськем шаере,
Туж мусо потиськод...
Родная моя земля,
Родной мой край,
Очень ты мил мне.

Написано в Казанский период моей жизни. Ходила я советоваться по написанию стихов к Яковлеву Ивану Васильевичу. Он сказал, что надо писать так:

Вордйськем музъеммы,
Вордйськем шаермы...
Родная наша земля,
Родной наш край...

«Твоя родина не только твоя, а общая – всех нас». Думаю, что зря я его послушалась».

Это письмо и послужило основанием исправить стихотворение согласно авторской воле в издании «Тон юад мынэсьтым» (Ижевск, Удмуртия, 1978. С. 40, 110). Но в учебниках и хрестоматиях – увы! – все печатают в старом, яковлевском варианте!

Нелегко оказалось Ашальчи Оки выпустить книгу стихов. Их рассматривала некая методическая комиссия при Нар-

компросе Удмуртии и сочла, что они не соответствуют политическим требованиям. Помогли руководители Удмуртской автономной области. По просьбе Герда свои заключения написали Трофим Борисов, Иосиф Наговицын и Александр Медведев. Только с этими заключениями и с послесловием Герда книга в 1925 году увидела свет.

«До сих пор стихи Ашальчи Оки еще не были напечатаны отдельной книгой, – писал в послесловии Кузубай Герд. – Ее стихи, словно цветы, рассыпанные в разных местах, встречались в удмуртских журналах, газетах. Хоть они и были рассыпаны, на себя обращали наше внимание. Раз их прочитаешь – хочется читать еще и еще раз. Прочитаешь их – словно пройдешься по цветущим полям... Ашальчи Оки пишет не только о себе, она пишет обо всех удмуртских женщинах. Сквозь ее стихи, как сквозь открытое окно, вглядываешься в сердца девушек-удмурток... Ашальчи Оки... открыв свое сердце нараспашку, чтобы все в нем видели всё, раскрывает перед нами сердца многих тысяч удмуртских женщин... Ашальчи Оки темных удмурток-женщин порой жалеет, порой успокаивает, порой ругает... Но не как другие – не проклинает... Если бы могла, она наделила бы свой народ своим сокровенным счастьем!.. Если бы смогла, цвела бы во ржи синими-синими васильковыми цветами! Стала бы звонко бьющим из-под горы чистым родником и текла бы в ведра удмуртских женщин!..».

Так писал удмуртский поэт Кузубай Герд об удмуртском поэте Ашальчи Оки. И это было его большой поэтической правдой. Вскоре Кузубай Герд перевел часть стихов Ашальчи Оки на русский язык и выпустил в 1928 году со своим послесловием отдельной книгой «О чем поет вотячка». Герд восторженно писал о стихах Ашальчи и в изданиях Ленинградского общества изучения культур финно-угорских народов (ЛОИКФУН), и в центральных газетах и журналах, и в финских изданиях. Знакомил с ними и читателей Коми, Мари республик. Вот и получилось, что стихи удмуртской поэтессы уже в двадцатые годы знали и ценили не только в нашей, но и в других странах. Порой за границей ценили их куда выше, чем в родных краях.

После окончания медицинского факультета Казанского университета и специализации на окулиста на курсах в клинике глазных болезней и трахоматозном институте в городе Казани с мая 1928 года по октябрь 1932 года Л.Г. Векшина работает врачом-окулистом в Юкаменской больнице Удмуртии. Здесь она знакомится с молодым агрономом, приехавшим из Кировской

области, И.И. Карачевым. В июле 1929 года они стали мужем и женой, а 20 апреля 1930 года у них родился сын Валерий.

В 1932 году семья переехала в село Алнаши. По предположению сына Ашальчи Оки В.И. Карачева, этот поступок объяснялся желанием окулиста Векшиной активно бороться с трахомой в одном из наиболее неблагоприятных мест республики. Действительно, врач Л.Г. Векшина в Алнашском районе сделала все возможное и невозможное для ликвидации трахомы.

И.И. Карачев уже после смерти жены рассказал мне о таком случае. Как-то вечером, когда уже легли спать, Лина Григорьевна вдруг начала громко смеяться. Потом тут же объяснила: «Меня ведь в Алнашском районе узнает каждая собака. Когда захожу в чей-либо двор, ни одна собака не лает».

Да, она прошла по всем деревням района по многу раз. Трахома в районе была ликвидирована именно ее трудом и трудом ее сподвижников, сотрудников райбольницы и трахоматозного диспансера, в котором она была главным врачом. Этот подвиг врача был отмечен правительственными наградами. Об этом написано в книге «Ликвидация трахомы в Удмуртии», подготовленной под руководством профессора Ф.Ф. Сысоева.

Л.Г. Векшина с конца двадцатых годов целиком ушла в медицину. Она постоянно пополняла свои медицинские знания. В 1935 году была на учебе в Казани, в 1939 году – на курсах пересадки роговицы в институте академика В.П. Филатова. Все это верно. Как говорится, тут не убавишь и не прибавишь. Именно имея в виду такую преданность медицине, в 1968 году в детской газете «Дась лу!» («Будь готов!») в маленькой статье «Гажано поэтмы Ашальчи Оки» («Любимый наш поэт Ашальчи Оки») я писал, что, став врачом, Ашальчи перестала писать стихи. И в апреле же 1968 года в неотосланном письме она ответила: «В Вашем «Гажано поэтмы...» в «Дась лу!» Вы правильно пишете, что, став врачом, я перестала писать. И это правда. Я никогда не умела два дела делать. Медицинская работа оказалась слишком интересной, и захватила она меня целиком».

Правда, да не вся. Полуправда. Я это признавал, когда писал статью, но не мог всего написать. В то время строго следили, как бы в печать не проскользнули ненужные сведения о репрессиях. Уверен, что это прекрасно признавала и Ашальчи Оки. Поэтому она так горячо поддержала молодого литературоведа.

Книга стихов с тридцатью шестью стихотворениями вышла, как уже было сказано, в 1925 году, в переводе на русский – в

1928-м. Из созданных после этого известно только одно стихотворение – «Кылы быре» («Язык немеет»), напечатанное в 1928 году. После этого следы поэта Ашальчи Оки теряются, хотя врач Акилина Григорьевна Векшина прожила до 1973 года.

Объяснение этого явления кроется, конечно, в обстановке конца 20-х – 30-х годов: свертывание нэпа, коллективизация сельского хозяйства с насильственным раскулачиванием большого слоя крестьянства, исчезновение в ГУЛАГе огромного числа наиболее умных и талантливых людей. Это не могло не отразиться в чуткой душе тонкого лирика. И всё тут объясняют слова Ашальчи Оки, приведенные Кузбаем Гердом в 1932 году на допросах: «Писать то, что в действительности чувствуешь и переживаешь, – нельзя, а фальшивить я не хочу; как я рада, что у меня есть другая безобидная специальность – медицина. Удмуртская литература – на краю гибели, все талантливые и лучшие силы преследуются, остаются в ней не писатели. Я считаю нужным совсем отойти от литературы, хотя это мне тяжело и больно». (Н.С. Кузнецов. Из мрака... С. 64).

В 1932 году Герд обвинен в создании несуществовавшей подпольной организации СОФИН («Союз освобождения финских народностей»). По этому делу в марте-мае были арестованы М. Тимашев, Я. Ильин, П. Горохов, К. Яковлев и родной брат Ашальчи Оки И.Г. Векшин (Айво Иви). В феврале 1933 года арестована и Ашальчи Оки, обвиняемая в связи с проходящими по этому «делу». Без матери остался сын Валерий двух с половиной лет. «В итоге обвинили в том, что я поддерживала связь с буржуазными националистами. Обо мне ничего не спрашивали, следователей интересовал Герд. Об организации «Софин» впервые слышала на следствии». (Н.С. Кузнецов. Из мрака... С. 65). Через три месяца Ашальчи освободили.

Вчитаемся в воспоминания сына Валерия. В письме Н.М. Фадеевой 11 ноября 1991 года он пишет: «Тогда сразу же, выйдя из заключения, она повела меня в фотографию. Мы снялись, и уже через много лет она мне сказала, когда мы рассматривали эту фотографию: «Какая я тут страшная, и как быстро старит тюрьма. Я же совсем другая была. Я знала, что они меня так просто не оставят, очень уж хорошо я их изучила, поэтому и потащила тебя скорей в фотографию, чтобы оставить вам хоть такую память о себе...». Хотя ее отпустили, но она всегда готовилась к худшему, то есть, что ее не будет. Эта мысль давила ее постоянно до самого 23 июня 1941 года».

Акилина Григорьевна Векшина (во втором ряду первая слева) среди слушателей курсов повышения квалификации в Одесском офтальмологическом институте имени Филатова. 1939 год.*

Из его же письма от 1 мая 1996 года: «Я так ругала себя, что не взяла с собой твою фотографию. Я же считала, что больше тебя не увижу». Это фото она еще много лет носила с собой, прятала под одеждой, так как ждала следующего ареста».

Ждать пришлось не так уж долго. В 1937 году вновь арестовали, «...пытались обвинить в том, что с братом И. Векшиным создала в с. Грахово контрреволюционную группу». (Н.С. Кузнецов. Из мрака... С. 65).

Вот еще из воспоминаний В.И. Карачева. Речь идет об удмуртском литературно-художественном журнале «Кенеш» («Совет»), издававшемся в 1926-1931 годах в Ижевске: «Вам может показаться это странным, но в конце тридцатых годов это слово – «Кенеш» – как бы было изъято из обращения, из языка. Я помню, когда к матери приходили люди, то это слово произносили шепотом. И в моем детском сознании отложилось, что это что-то такое нехорошее. Я спросил маму, что такое «Кенеш». Она мне ответила: «Считается, что это буржуазно-националистический журнал». – «Значит, там сидят буржуи и националисты?». – «Да какие еще националисты – обыкновенные крестьяне. Да и какие мы националисты с дядей Иваном, если у него жена русская, а у меня муж русский?..».

Что касается национализма, то Ашальчи Оки весьма дерзко отвечала следователям: «В 1933 году, когда мне пытались приписать национализм, я заявила следователю, что я – истинная националистка: я специальность врача-окулиста получила с тем, чтобы вылечить мой удмуртский народ от глазных болезней. Я вообще не понимаю, что такое национализм». (Н.С. Кузнецов. Из мрака... С. 65).

Вот каким образом происходило «...став врачом, я перестала писать!»

Стоит опять вернуться к воспоминаниям В.И. Карачева: «Когда я поступил учиться в Казанский университет и на каникулах сказал ей, что хочу изучать этнографию, то она сказала: «Не вздумай это делать, этнографов расстреливали в первую очередь, будь уже лучше метеорологом или гидрогеологом».

И он стал метеорологом. Плавал на научных судах по морям и океанам, а базировался далеко от Удмуртии – во Владивостоке.

Ареста ждала Ашальчи Оки до самого начала Великой Отечественной войны. Вот записка, написанная ее рукой и датированная 25 апреля 1968 года: «Вспоминается раннее утро 22 июня 1941 года. Солнце еще не взошло. Я стою на кухне и смотрю в окно. Там лес в сиреновой дымке. И вдруг

* ГКУ «Центральный государственный архив Удмуртской Республики», ф.Р-1589, оп.1, д.10, л.8.

выстрел. Наверное, охотник, подумала. И снова выстрел, второй. И почему-то сердце сжалось. С полчаса постояла еще, выстрелов больше не было. Солнце взошло. Жили мы тогда на Советской улице в коммунальном доме-особняке на краю села. За нашим домом был луг, а за ним метрах в ста небольшой лес. А в обед мы слушали по радио Молотова о войне. 23 июня меня вызвали в райисполком и объявили, что назначают меня на должность главного врача, так как нашего главврача мобилизовали на фронт. Через два часа мне позвонили по телефону и срочно предложили явиться в военкомат. Недолго я была главврачом в Алнашской больнице: всего два часа. Пришла домой. Муж обедал. Объявила, что еду на фронт. Он и Зинаида Михайловна Киршина, которая вела наше хозяйство, никак не хотели верить. «А почему, – говорят, – улыбаешься?». Почему улыбалась? Кажется, меня распирала гордость, что мне доверяют лечение наших воинов. С другой стороны...». (На этом записка обрывается. – А.Е.).

И снова – не раз упомянутое нами письмо В.И. Карачева Н.М. Фадеевой от 10 октября 1991 года: «Вот почему и пришла она домой из военкомата в этот день такая радостная, чуть ли не приплясывая: «Раз призывают на фронт, значит, доверяют». Но эта мысль все же не оставляла ее еще очень долго. В 1944 году она приехала домой в отпуск и как-то сказала: «А вот Вайсберга Доната Альфредовича, хоть он и просился, на фронт не допустили. Фамилия немецкая, по отцу. Всю войну служил в санитарном поезде».

Ашальчи Оки служила в сформированном в городе Можге эвакогоспитале № 571. Госпиталь был придан 98-й дивизии 22-й армии. Войну закончила в Польше, в городе Лодзи в составе эвакогоспиталя № 1038. Всю войну – в прифронтовой полосе, под пулями, снарядами.

Как мне рассказал уже после ее смерти И.И. Карачев, была в госпитале замполитом женщина из Ижевска, которая все время ей напоминала, дескать, мы знаем, кто ты, в случае чего... Дамоклов меч и в грозный период жизни висел над Ашальчи.

Видимо, ничего «в случае чего...» не случилось. В служебно-политической характеристике, подписанной 19 мая 1945 года подполковником медслужбы Ивановским, написано: «Товарищ Векшина отличается большим трудолюбием и редкой добросовестностью в работе, доходящей иногда до недооценки своих сил. Товарищ Векшина – прекрасной души человек и хороший товарищ... скромный врач-патриот». Характеристика весьма нестандартная.

И еще. В Доме-музее поэтессы хранятся воспоминания В.Н. Иванова, врача-офтальмолога, долго работавшего рядом с Л.Г. Векшиной: «Однажды случилось такое, что летчик при спуске с парашютом повредил глаз. Окулиста поблизости не оказалось. Тогда вспомнили о ней. Пригласили осмотреть больного. Было проникающее ранение глазного яблока с выпадением радужки. Естественно, Лина Григорьевна провела операцию, и глаз летчика был спасен. Об этом каким-то образом узнал армейский офтальмолог. Как рассказывала Лина Григорьевна, генерал очень тепло ее принял, выразил свое большое удовлетворение и подарил ей набор оптических стекол для подбора очков. Этим набором потом мы долгое время пользовались на работе, так как приобрести такой набор в те годы не представлялось возможным из-за отсутствия в продаже таковых вообще». Этот трофейный набор, чудом спасенный Н.М. Фадеевой, в настоящее время экспонируется в доме-музее.

На фронтах Отечественной Лина Григорьевна прослужила от звонка до звонка. Вернулась домой только после окончания войны целой и невредимой с орденами и медалями. И снова работала врачом в Алнашах до выхода на пенсию. Но и будучи на пенсии, не раз подменяла врачей, когда было нужно.

Мне не удалось установить, когда и как Ашальчи Оки познакомилась с другим человеком-легендой, каким была русская учительница Вера Васильевна Толстая, много лет проработавшая в Больших Сибях Можгинского района и привившая любовь к родному фольклору удмуртскому писателю Игнатию Гаврилову. Это была дворянка по происхождению, всю жизнь посвятившая просвещению удмуртских сельских детей.

В 1998 году в журнале «Инвожо» была напечатана беседа с Петром Кубашевым. Он пересказал то, что знал от В.В. Толстой. Оказывается, во время коллективизации К.А. Андреева, удмуртского учителя-просветителя, раскулачили, школу его разорили, он оказался нищим и впоследствии жил у дочери Ольги в Можге. Ольга Кузьминична тогда приютила изгнанную из Больше-Сибинской школы прославленную учительницу – «буржуйку-дворянку». Ашальчи Оки, возвращаясь из тюрьмы, зашла в Можге к своей давней подруге О.К. Андреевой. Тут-то и началась великая дружба двух великих женщин. Спасибо Петру Кубашеву – донес эти сведения до нас. (См. «Инвожо», 1998, № 3. С. 5-6).

Сохранилась часть переписки В.В. Толстой и Л.Г. Векшиной, также сохранилось несколько удивительных писем в свое вре-

мя репрессированного удмуртского филолога, доцента Константина Михайловича Баушева, позднее проработавшего много лет в вузах Ленинграда.

Вот строчки одного из писем В.В. Толстой от 18 января 1965 года: «Людей у меня бывает много, и я благодарна им, что меня не забывают. Переписываюсь со всеми Андреевыми (детьми основателя центральной вотской школы в Карлыгане – А.Е.), с женой Даниила Кузьмича (сына К.А. Андреева – А.Е.) и с его сыновьями. Переписываюсь со своими бывшими учениками. А ближе всех мне Вы да Ольга Кузьмовна (дочь К.А. Андреева – А.Е.)». В письмах часто встречается имя их сокурсницы по Казани Анны Федоровой.

Не удержусь, чтобы не привести несколько строк из полного юмора письма Ашальчи В.В. Толстой от 26 декабря 1965 года. Речь идет о сыне – В.И. Карачеве: «Он работает научным сотрудником в научно-исследовательском институте во Владивостоке... Судно, на котором Валерий плавает, называется имени Шокальского. Валерий работает по физике атмосферы. А есть ли толк от его работы, мы не знаем. Сам же про себя он говорит, что толкает науку вбок. Не понимаю я нынешнюю молодежь. Мне кажется, науку проще толкать вперед. Впрочем, это зависит, наверно, от строения мозгов. Вообще, не знаю я, чем мой сын занят. Если задают Ивану Ивановичу вопрос, чем занимается сын, он отвечает вполне серьезно: погоду пинает».

Не известно, читала ли В.В. Толстая стихи Ашальчи Оки и знакома ли с ее прозой. Но в письме от 28 апреля 1957 года она предлагает: «Вот из Вас получился бы замечательный писатель-путешественник. Вы бы написали вещь не хуже гончаровской «Фрегат «Паллада». У вас писательская манера – гончаровская: неторопливая, повествовательная, с крупинками меткого юмора». Думаю, что опытным педагогом этот интересный вывод сделан на основании анализа стиля писем Ашальчи Оки – писем, к сожалению, в основном не сохранившихся.

С наступлением хрущевской «оттепели» после XX съезда КПСС и постановления о культе личности Сталина удмуртский писатель Аркадий Клабуков обращается к Ашальчи Оки с предложением возобновить писательское творчество. Вот, очевидно, первое его обращение (письмо от 1 октября 1956 года): «Года три-четыре тому назад у меня была, как Вам известно, попытка снова включить Вас в наш литературный актив, сказать теплые слова в истории литературы (очевидно, А. Клабуков имеет в

виду рукопись «Очерки истории удмуртской литературы», над которой он работал в те годы и вышедшей в 1957 году – А.Е.) о Вашей литературной деятельности, но немножко осекся – биографию Вашу храню в своем ведении. Сейчас во весь голос говорят уже о Вашей поэзии, рассказах. Так вот, с большой просьбой обращаюсь к Вам: разрешить мне включить в сборник удмуртских писателей первого призыва Ваши рассказы «Орок» и еще один-два по Вашему усмотрению. Помните еще свои произведения или все литературное выбросили уже из головы и не хотите возвращаться к ним? А как хорошо, поэтично получилось бы у Вас с воспоминаниями! Ведь Вы же были у колыбели молодой удмуртской литературы».

Ответ Ашальчи Оки тоже очень интересен: «Дорогой Аркадий Николаевич! Спасибо за письма. Времена настали чудесные! Вот бы запеть сейчас полным голосом, но... голоса нет. Разные бывают времена. В 1933 году один доброжелатель с 8-й улицы (то есть из ОГПУ-НКВД – А.Е.) посоветовал мне бросить писать плохие стихи и постараться сделаться хорошим врачом. Совет его мне пришелся по душе, и я все сделала, чтобы забыть удмуртскую литературу и удмуртских писателей. Правда, во сне иногда донимали меня стихи, но по утрам всегда было досадно, что не могу избавиться от этой «заразы». В 1956 году один доброжелатель с Советской улицы (по Советской, напротив здания КГБ-МВД, располагалась редакция журнала «Молот», где работал А.Н. Клабуков – А.Е.) снова советует мне писать стихи. Но не поздно ли немножко? Если скрипач двадцать пять лет не брал в руки смычку, сыграет ли он хорошо? Конечно, нет! Ему снова надо учиться. Закон диалектики жестокий: жизнь не стоит на месте и движется вперед. А если не вперед, то назад. А мы в литературном отношении пятились назад – и отстали на четверть века! Страшно подумать: на четверть века! Этого не понимает только такой младенец как Иви (то есть брат – Айво Иви, И.Г. Векшин – А.Е.). В нем очень много донкихотства. Как только приехал (из мест ссылки – А.Е.), запросил удмуртскую литературу. А у меня ее нет. Я двадцать лет ничего не читала на родном языке. И обложился этот Иви удмуртской литературой... И сидит целыми ночами над ней: подчеркивает, зачеркивает, тут, говорит, оборот неправильный, тут хорошо. Одних писателей, таких как Красильников, хвалит, других ругает. Петушится! Смешно на него смотреть... и трогательно. Как это в нем не умерло – поражает меня. Но этого мало. Берет этот Дон Кихот кузубайский (они родом из деревни

Кузубаево – А.Е.) меч, то бишь перо, и начинает строчить... стихи в свои шестьдесят пять лет! Ой, умора! И все стихи дает мне читать. Но стихи ужасно нелепые. Стала я смеяться над его стихами. Немного обиделся. Однако авторитета моего не признает и грозит послать в редакцию. Но это не все: своим донкихотством заразил Иви и меня. Все просит писать. И в свои пятьдесят восемь лет я тоже решила написать... стихотворение. И вот переживаю тягчайшие родовые муки. Мучаюсь день, два, неделю, две недели и... выродила. И, конечно, Иви этот самый стал акушером. Как полагается, перевязал нитью пуповину, подчистил кой-где, поправил и говорит: хорош! Пошлем Багаю (А.Н. Клабукову – А.Е.) в подарок. А я говорю: «Глазами смотри: недоносок ведь, не живуч, на ладан дышит». Ему что в лоб, что по лбу: уверяет, что дите вполне жизнеспособно. Известно, что Дон Кихот имеет всегда пристрастие ко всему слабому и всегда его защищает...».

Но мысль о творчестве, видно, не дает покоя Ашальчи Оки. Вот письмо А. Клабукову от 30 октября 1956 года: «Состояние анабиоза, в котором я как Ашальчи Оки находилась в течение многих лет, прошло. Твердо решено, буду писать! Это мой ответ на Ваше второе письмо... Я уж поняла, что не так страшна отсталость в удмуртской литературе. Разве я отстала от русской литературы, на которой мы воспитывались с детства? Разве я не шагала в ногу со всем советским народом? Разве все эти годы меня опустошили? Нет, наоборот, они меня неизмеримо обогатили, и не ощущаю я себя ни в коей мере нищей духом. А раз так, значит, могу писать... Написала рассказик «Мынам абие», шесть-семь раз переписывала... Вчера окончательно надумала написать нечто вроде повести «Детство». Теперь никаких колебаний у меня нет. Перед моим мысленным взором четко рисуются контуры здания, которое я намереваюсь возвести. Какое название дать тому, что напишу, я еще не знаю. Но это будет вся моя жизнь, начиная с детства. Моя жизнь в медицине и в литературе. Свято храню Ваши письма и письма Н.П. (Н.П. Кралиной – А.Е.), которые я считаю первой ласточкой моей возрождающейся литературной весны. Все это будет в моих литературных воспоминаниях. Ура! Жизнь приобретает новый смысл, и что-то есть в этом от молодости... Таким образом, дрожжи Ваши оказались весьма активными. В моей голове, как в «нянь шумесе» (квашенке – А.Е.), поднимается тесто. Я его уже замесила, и оно поднялось через край и убежало. Убежавшее тесто я собрала, и испекся пробный перепеч, кото-

рый Вам посылаю. Попробуйте и напишите, аппетитно и вкусно ли оно, пробное, и не расстроится ли у Вас желудок. P.S. Мой перепеч сегодня попробовала. Показался недоокисшим. Еще немного над ним посижу. Ой! Напишу и самой не нравится. Оки».

К сожалению, у А.Н. Клабукова «желудок расстроился». Ответ на посылку получился неблагоприятным. Клабуков пишет: «Прочитал Ваш «Мынам абие». Впечатление осталось такое, что будто меня связали и бросили в старинную удмуртскую избушку, где вековое невежество, трахома и так далее, и тому подобное. Мне стало жутко... Нет, так фотографически, так физиолого-натуралистически писать нельзя. Ищите в этой старине, в Ваших воспоминаниях больше человечности, милых сердцу черт... Очень прошу, с такой же впечатляющей силой напишите про свою бабушку в приятном свете, а сейчас она и трахомная, и пьет, и по соседям ходит, судачит... Вот мое откровенное мнение».

«Дорогая Лина Григорьевна! В декабре числа пятого-шестого мы сдадим в набор наш новый номер журнала «Молот» на удмуртском (целиком!) языке. Поймите, что мы очень нуждаемся в Вашем участии – порадуйте нас чем-нибудь интересным. Начните, а? Скажите, пусть Иви тоже возродится. Очень прошу». (Письмо от 13 сентября 1956 года).

29 ноября 1956 года Ашальчи Оки пишет: «На критику «Аби» я не обиделась, очень благодарна Вам. А не писала потому, что очень волновали меня события в Египте, бомбежка в Порт-Саиде, беспорядки в Венгрии. У меня поднялось кровяное давление, головные боли начались, и совсем мне не до писем и не до литературы было. Вам хочется, чтобы описала беленькую бабушку, моя черненькая не нравится. Но ведь я не виновата, что у меня бабушка такая... В угоду Вам Я лишила бабушку трахомы и кумышки, а того, что она судачит, извините, не лишу... С литературой у меня не ладится. Надежд Ваших не оправдаю. Написала после «Аби» еще два рассказика, но ни к черту не годятся. «Аби» все же лучше. Хотите, напечатайте, хотите – бросьте в корзину, а лучше писать я не могу...».

К сожалению, ни «Мынам абие», ни другие рассказы Ашальчи Оки в 1956–1957 годах в журнале «Молот» не увидели света, хотя А. Клабуков 24 декабря 1957 года прислал Ашальчи Оки восхищенное письмо: «Вы представить не можете, насколько хороши Ваши миниатюры! Я читал их всей семье, посмеялись, вспоминали свое далекое детство. А нельзя ли будет всерьез приняться за изучение психологии удмурт-

ских детей? Вы имеете «От двух до пяти» К. Чуковского? Если не имеете (да едва ли имеете), пошлю сегодня же, познакомитесь... Так вот, примите на себя такую миссию удмуртской Чукоши. А еще есть Ваши записки подобного рода? Пожалуйста, пополняйте их, пишите, храните, на опыте К. Чуковского обобщайте...».

В 1957 году вышел сборник рассказов удмуртских писателей двадцатых годов «Гудыръян дыръя» («В грозу»), где был опубликован рассказ Ашальчи Оки «Орок», написанный еще в 1928 году. Видимо, А. Клабуков прислал автору экземпляр книги. В письме от 5 апреля 1957 года Ашальчи Оки благодарит публикатора за книгу. Рассказ показался ей неплохим, и после краха «Мынам абие» она решила написать новый рассказ. Дальше в письме говорится о примерном содержании рассказа «Кузьым» (в первом варианте «Крем «Молодость»). Как пишет автор, вся дальнейшая судьба писателя Ашальчи Оки будет зависеть от того, понравятся ли ее юные герои работникам редакции.

Высылку рассказа она задержала еще на три дня. Надумала читать его своим пациентам – призывникам и школьникам. Лишь получив их одобрение, окончательно решила послать в редакцию.

Дальнейшая судьба рассказа неизвестна. Не исключено, что он и не был выслан. Но он сохранился в бумагах автора и был опубликован вместе с другими рассказами и стихами в книге «Тон юад мынэсьтым» (Ижевск, 1978).

«Творческая весна» давалась Ашальчи Оки очень трудно. Никакой настойчивости относительно публикаций она не проявляла. Да и уверенности в своих силах и в наступлении свободы у нее все-таки не было.

Довольно долго тянулось издание сборника стихов. 16 апреля 1960 года, я, старший редактор отдела художественной литературы издательства, обратился с письмом к Лине Григорьевне. Письма уже не помню, оно не сохранилось, но, судя по ссылке в ответном письме, можно понять, что речь шла о переиздании ее стихов. В коротком письме от 5 июня 1960 года Ашальчи Оки извиняется за долгое молчание. «Дело в том, – объясняет она, – что я собиралась в Ижевск и надеялась повидаться с Вами и, кстати, взять у Клабукова «Сюрес дурын» и пересмотреть стихи (у меня нет текста, и я перезабыла их)... А переиздавать необходимости, мне кажется, нет ввиду отсутствия в содержании социальной значимости».

Может быть, самое главное для нее было в следующих словах: «В случае переиздания издательство могут упрекнуть, что оно

выпускает бесполезную продукцию. Да и я напомнила бы курицу, которая снесла весной единственное яйцо (и то неполноценное, без скорлупы) и носится всю жизнь с этим яйцом».

Здесь еще сказано мягко: «могут упрекнуть...». Так она предупреждает молодого редактора.

Между тем издательство задумало выпустить книгу воспоминаний старейших деятелей Удмуртии. Предложение написать свои воспоминания было отправлено и Лине Григорьевне. Но, поскольку она не отвечала и надежды, что сама напишет, не было, к делу подключили старейшего журналиста «Удмуртской правды» Н.А. Гребенщикова.

На предложение издательства Л.Г. Векшина ответила 12 апреля 1966 года: «Давным-давно получила от издательства «Удмуртия» предложение принять участие в книге воспоминаний... Книга для молодежи. А ежели я напишу воспоминания, молодежь только вычитает, как не надо работать. Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, как мало сделала. Стыдно лезть со своими воспоминаниями в книгу, где напишут о себе лучшие люди республики. Заслуг у меня особых нет. Врач я самый рядовой. В удмуртской литературе я участвовала только в дни молодости, и то немного. Вероятно, я бы этого письма не написала, отмолчалась бы по удмуртской привычке. Но грозитя приехать Гребенщикова... Пусть не ездит. Никаких очерков обо мне писать не будем».

Гребенщикова все же съездила. И беседа у них получилась очень теплая. Да она и сама в молодости писала стихи, знала Ашальчи с двадцатых и с тех времен хранила изъятую из обращения книгу стихов на русском языке «О чем поет вотячка». Очерк Н.А. Гребенщиковой был напечатан в сборнике «Твои земляки».

Дело с изданием стихов медленно, но двигалось. Составителем стал П.К. Поздеев. Он собрал все стихи и рассказы, опубликованные в двадцатые годы. Экземпляр рукописи с предисловием составителя был послан Ашальчи Оки для ознакомления и одобрения. Автор хранила молчание. На телефонные звонки отвечала неохотно и отрицательно: не надо печатать. Но после согласований в партийных органах часть стихов была все-таки отправлена в набор. Получив из типографии корректуру, послала ее автору.

После смерти Ашальчи Оки И.И. Карачев передал мне как председателю комиссии по литературному наследию все сохранившиеся рукописи и переписку.

И в обыкновенной школьной тетради я нашел несколько неотправленных писем. Письмо на имя П.К. Поздеева датировано 22 февраля 1968 года: «Много времени прошло уже с тех пор, как уехал от нас Петр Кубашев и оставил у меня по моей просьбе стихи Ашальчи Оки и Ваше предисловие к ним. А я все еще не могу прийти в себя от встречи с этими произведениями. Я и сон, и аппетит потеряла, и курить стала много, потому что душа горит и корчится, как береста на огне. Ох, как тошно мне при мысли, что молодежь будет читать мои литературные упражнения! Из тридцати шести стихов, которые Вы или кому Вы поручили раскопали, шестнадцать-семнадцать никуда не годятся... А рассказиков штуки четыре. Думала про себя: напишу еще несколько таких рассказиков мелких о маленьких детях. Я очень хорошо помню свое раннее детство и писала бы больше по своим воспоминаниям. Таким образом выйдет небольшая книжка. И вдруг дня два назад по телефону познакомилась с завлитотделом издательства К.Н. Дзюиной. Она говорит, что издать решили только стихи. Ну, ладно! Больше двадцати стихов я не дам...».

Так вот, во всех письмах проступает двойственность отношения Ашальчи Оки к изданию своих произведений. Хочется, чтобы все-таки издали, но автора очень сковывает стеснительность удмуртки, о которой она так пронзительно написала в стихотворении «Возьытлык» («Стеснительность»). Да и не только. Она все еще не может преодолеть боязни тридцатых годов: как бы не стать ей виной мучений доброжелателей, тех, кто из лучших побуждений хочет переиздать стихи.

Эту же мысль вижу в авторском взгляде на стихотворение «Лулы мынам» («Душа моя» или в переводе А. Смольникова «Хотя мотылек...»). В том же письме мы читаем: «Вот стихотворение (здесь автор полностью переписывает стихотворение на удмуртском языке, а мы приведем еще и на русском в переводе А. Смольникова):

Лулы мынам
 Возь выл бубли ке но –
 Марлы меда
 Бурдыз сьсырмылэм?
 Сюлмы мынам
 Чебер кырезь ке но –
 Марлы меда
 Сиез тйяськылэм?
 Мылкыд мынам
 Зарни манет ке но –
 Марлы меда
 Жильы борды со думылэм?
 Хоть мотылек
 Моя душа, –

Зачем ее
 Поранены крыла?
 Хоть сердце
 Мелодично, точно крезь, –
 Зачем его
 Оборвана струна?
 Хотя мечта,
 Как золота струя, –
 Зачем цепями
 Скована она?

Давным-давно я забыла это стихотворение. А вновь ознакомилась с ним из выбренных Вами или каким-то другим доброжелателем, и оно мне понравилось. Ей-ей, по-моему, оно поэтично! Но боже мой, как же оно написалось? Ведь в то время мы, три учительницы-удмуртки: Андреева Ольга, Федорова Анна и я, – учились на рабфаке и чувствовали себя как восторженные телята на майском лугу».

Так пишет автор в 1968 году. Но ведь стихотворение и не напоминает чувств «восторженных телят». Конечно же, не этим чувством привлек пожилую Ашальчи «Лулы мынам...». Стихотворение лишний раз, может быть, и очень больно напомнило автору весь ее жизненный путь: «Хотя мечта, как золота струя, – зачем цепями скована она?». Вот от этой скованности до конца жизни не смогла освободиться Ашальчи Оки.

Куцый сборник «Мон тодам ваисько» в 1968 году все-таки вышел. Но с опозданием. Свое семидесятилетие Л.Г. Векшина отменила без книги.

Уже после юбилея, в апреле 1968 года, Лина Григорьевна написала Г.Д. Красильникову: «После юбилея еле-еле похмелье прошло уже. Теперь посылаю тебе нечто вроде отчета. Друг мой русский Иван (то есть муж И.И. Карачев – А.Е.) всю голову мою изрешетил уже: почему, мол, Геннадия не пригласила на юбилей... Он, мол, Геннадий, – и был главным заводилой. А я говорю ему: «Неужели я этого не знаю? Я бы с радостью пригласила Зину и Машу (З.С. Красильникову и М.Г. Кубашеву – А.Е.). Нам обоим они много хорошего сделали: хорошо лечили. Кроме этого, Зинаида Степановна помогла и трахому ликвидировать. С радостью бы пригласила, доброе бы слово сказала перед медицинской ответственностью. Но... не пригласила: мужья занимают высокие посты (Г.Д. Красильников был тогда председателем правления Союза писателей Удмуртии, П.Н. Кубашев – заведующим отделом пропаганды обкома КПСС – А.Е.), имя Геннадия слишком известно уже в народе, глубоко в сердца уже запало. Если бы такие люди приехали на мой праздник, завели бы речь о писательском деле. Что бы подумали тогда люди?..

Лина Григорьевна Векшина (Ашалчи Оки). Автор снимка – Алексей Ермолаев.

Кроме того, в меня вселился, кажется, уже и Беликов, который говорил «кабы чего не вышло»... Кто знает, меня поднимете, и вас будут ругать».

Вот здесь, в этих последних словах, и заключена правда, которая оставалась невысказанной в других письмах.

Сборник стихов 1968 года, хоть и куцый, хоть и после юбилея автора, вышел в довольно приличном оформлении: в тканевом твердом переплете, с суперобложкой. На клапане суперобложки – фотопортрет молодой поэтессы, а перед титульным листом – ее портрет в пожилом возрасте.

У этого портрета своя история.

В 1965 году летом мы с А.Н. Клабуковым ездили на встречу с читателями в Алнашский район. Клабукову очень хотелось встретиться с Ашалчи Оки. И вот мы зашли в дом деревенского типа. Нас встретила пожилая статная женщина. Она в доме оказалась одна. Ее муж, И.И. Карачев, был в отъезде по своим агрономическим делам. Поскольку мы зашли без предупреждения, Ашалчи Оки несколько растерялась. Но чувствовалось, что она и обрадована. Клабукова узнала сразу. А я... У меня эта встреча была первая и последняя. К сожалению.

В молодости я увлекался фотографией. И в эту поездку взял маленький аппарат – «Смену» первого выпуска. И когда

Ашалчи Оки и Клабуков сидели за столом и увлеченно беседовали, я начал кружиться вокруг них и щелкать затвором. Увидев это, хозяйка проявила недовольство, она не хотела, чтобы ее снимали. Но я проявил некоторую долю настойчивости, заявив, что портрет нужен для истории. Клабуков меня поддержал. А когда мы стали уходить, Лина Григорьевна осталась дома и стала смотреть нам вслед из окна. На дворе дома я снова сфотографировал ее в окне. Конечно, не все снимки получились, но неожиданно один из них получил большое пространство. Это снимок, где она сидит, опершись головой на левую руку, а правая – под левой. Сидит и внимательно слушает.

Сначала два снимка я опубликовал в газете «Советской Удмуртия». Затем – вклейкой к ее сборнику «Мои тодам ваисько». В 1975 году этот же снимок был напечатан в венгерской книге «Медвеинек» – сборнике произведений писателей финно-угорских народов. Этот же снимок помещен и на обложке книги стихов «Тон юад мынэсьтым» («Ты спросил у меня»), вышедшей в 1978 году. И этот же снимок послужил основой композиции живописного портрета Ашалчи, выполненного С.Н. Виноградовым. И он же, но в сильно увеличенном виде, висел на первом этаже Дома печати на Воткинском шоссе на персональной выставке профессионального редакционного фотографа. Затем отпечатки с этого же снимка я встретил в редакции журнала. Но на оборотах снимков стояли имена трех разных редакционных фотографов. Снимок, видно, понравился...

Судьба талантливого поэта и врача была, как видим, очень сложной во всех проявлениях. Конечно, вынужденно отказавшись от литературного творчества, считая себя отверженной, Ашалчи Оки не переставала интересоваться удмуртской литературой. Она радовалась успехам Геннадия Красильникова, Германа Ходырева. Хоть и писала она, что перестала читать удмуртскую литературу, но это не подтверждается фактами, особенно в пятидесятые–семидесятые годы.

Очередным радостным событием для себя она сочла выход после длительного перерыва (с 1941 по 1967 год) удмуртской детской газеты «Дась лу!» («Будь готов!»). 25 февраля 1968 года Ашалчи пишет поэту Герману Ходыреву, сотруднику редакции: «Рождение газеты «Дась лу!» было очень радостным событием для меня. Хотела тут же написать несколько добрых слов, но не написала – постеснялась. Подумала, что вы, ребята, еще осудите: что, мол, еще такая старушка пишет. Завидую нынешним

школьникам: на нашем языке для них и газета выходит. Через эту газету сколько вырастет поэтов, писателей».

А на следующий день – уже письмо на имя редакции: «Вчера вечером подумала и решила, что нехорошо первое письмо послать без подарка. Что-нибудь надо вложить «на память». Теперь уже у ребенка, «Дась лу!», настала такая пора, когда начинает течь слюна. Грудь не должна мокнуть. Вот этот подарочек мой и приспособьте, чтобы не растекалась слюна. Девушки, наверно, есть в редакции. Пусть обрежут подстать шее ребенка, а сзади пусть пришьют пуговицу или шнурки». Так поэт говорит о своем маленьком рассказике «Боко» («Страшилище»). И тут же: «Конечно, «Боко» вашим читателям не понравится. Неинтересным покажется. Написано ведь для взрослых о маленьких» («Дрожжи», которые кинул А. Клабуков, когда предлагал стать «удмуртским Чукошей?»).

О подарке «Дась лу!» говорится и в письме Г. Красильникову: «Как я обрадовалась выходу «Дась лу!». В этом году это было самой главной вестью, согревшей мое сердце. Очень хотела поздравить, высказать свои пожелания – ничего не написала. Сказала себе: «Молчи, бабушка». На юбилей Советской Армии сотрудницы «Дась лу!» нам с Иваном Ивановичем прислали поздравление, очень согревающее наши сердца. И ответное письмо написала им. Милой «Дась лу!» тогда же и маленький подарочек приготовила... Написала и... спрятала в комод: «Молчи, бабушка!..».

Она всю жизнь заставляла себя молчать. И всю жизнь страшилась, как бы кто не пострадал, публикуя ее. Даже тогда, когда уже можно было не бояться.

Мы знаем в истории много людей, которые счастливо сочетали разные профессии. А.П. Чехов был и врач, и писатель. В том же письме, где критиковал рассказ «Мынам абие», А.Н. Клабуков писал Ашальчи Оки: «Когда я старался Вас разбудить для участия на творческой ниве, совсем не предполагал, что вопрос станет альтернативно: или – или. Надо: и – и, совмещать в себе и врача, и писателя. В наших национальных условиях профессиональных писателей почти нет... все в штате. И пишем мы все только из любви к искусству».

Лина Григорьевна не приняла это «и – и», осталась при своем «или – или». Мы уже подчеркивали: выбор был вынужденным.

Такова была судьба первой удмуртской поэтессы. Что было бы, если?.. Не знаю. Ашальчи Оки прожила на свете только одну жизнь. Таковую, какую прожила. Не берусь я искать виноватых в этой трудной судьбе. Но мы должны ценить по достоинству то, что Ашальчи Оки сделала в своей нелегкой жизни.

Да, она написала совсем немного. Нам известно всего тридцать семь стихотворений. Но каких! Да, она свернула на другой путь, растворила себя в повседневном подвиге врача. Сколько людей, благодаря ее стараниям, сохранили или восстановили зрение! Скольким солдатам она спасла жизнь на той жестокой войне!

Такова жизнь. Подвиг врача, наверное, забудут. А лирика ее бессмертна. Вырастут новые и новые поколения. Ее стихи они будут открывать для себя вновь и вновь. Эти звонкие и столь душевно глубокие стихи.

Не забудется, благодаря им, и имя Ашальчи Оки.

НОВЫЕ КНИГИ

Елена Красновская. Слово и Музыка. Ижевск: «Удмуртия», 2012. «Слово и Музыка» – следующая после «Содружества двух муз» книга кандидата филологических наук Елены Красновской, чьи статьи не раз украшали выпуски нашего журнала. Вот что пишет об этой работе поэт Вениамин Ившин: «Автор исследовал в ней художественный мир творчества, на примере конкретных имен и литературных произведений открыл новые грани духовности удмуртского народа. Доверительны и убедительны размышления Елены Красновской о том, что все, чем живет и в радости, и в горе, вдруг, как в зеркале, отражается в голосе, что музыка воздействует на словесный строй, что непрерывно идет и обратный благотворный процесс – влияние прозы и поэзии на создание разных по жанру музыкальных произведений». Книга адресована широкому кругу читателей.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Зоя БОГОМОЛОВА

(1923 – 2012)

известный удмуртский критик,
литературовед, ученый, педагог,
в последние годы жизни –
главный редактор
журнала «Италмас»

К 85-летию со дня рождения
Геннадия Красильникова

«ХОЧЕТСЯ ЧТО-ТО ОСТАВИТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ...»

«До зуда в руках хочется что-то оставить в литературе, вложить в нее свое...».

Эти мысли из неопубликованного письма Г.Д. Красильникова высказаны еще в начале пятидесятых годов при жизни М.П. Петрова, который, несомненно, считал молодого тогда журналиста и очеркиста одним из самых талантливых среди тех, кто подавал надежды.

Вот что говорил М.П. Петров о первых рассказах начинающего прозаика: «Интересны рассказы Г. Красильникова «На дороге» и «Большое половодье». Достоинство их в том, что автор умеет на конкретных примерах и событиях показать высокий моральный облик советского человека, его созидательное отношение к общественному долгу». (М.П. Петров. Рассказы молодых писателей. Люкам сочинениос: 6 томен. 6-тй том. Ижевск: «Удмуртское книжное издательство», 1961. С. 196).

Михаил Петрович настоятельно рекомендовал Красильникову поступить учиться в Литературный институт имени Горького, что тот и сделал. После успешной защиты диплома (повесть «Старый дом») Г.Д. Красильников вернулся на родину уже известным в советской литературе молодым национальным писателем.

К сожалению, к тому времени М.П. Петрова уже не было в живых. Последняя встреча молодого прозаика с маститым писателем состоялась в канун юбилея Михаила Петрова и выразилась в форме письма, написанного Геннадием Красильниковым и от имени других «птенцов гнезда Петро-

ва» 16 ноября 1955 года.*

«Дорогой Михаил Петрович!

Молодые удмуртские писатели – учащиеся московских вузов – в день Вашего пятидесятилетия шлют Вам сердечные поздравления и самые искренние пожелания здоровья и дальнейшей плодотворной работы в области нашей художественной литературы.

Ваши произведения, написанные рукой подлинного мастера, всегда находили среди нас благодарных читателей. Как чуткий и отзывчивый наш старший товарищ Вы оказывали и оказываете непосредственную большую помощь молодым и начинающим удмуртским писателям. Каждый из нас с чувством благодарности вспоминает о том, как Вы прямо и подчас сурово, но всегда дружески помогали и помогаете нам в нашем творчестве.

Из столицы нашей Родины мы шлем Вам самый горячий привет, крепко жмем Вашу руку, которая должна еще написать много новых интересных книг. Успехов в работе и доброго здоровья Вам, дорогой Михаил Петрович!

Г.Д. Красильников, студент Литературного института; В.М. Михайлов, слушатель Высшей партийной школы; М.П. Петров (Покчи), студент Государственного института театрального искусства имени Луначарского; В.К. Семакин, студент Литературного института».

Жизнь и судьба определили молодому прозаику не только создать летопись жизни удмуртского народа в 40–60-х годах,

* Письмо хранится в архиве дочери М.П. Петрова Ольги Михайловны Билоус.

Геннадий Дмитриевич Красильников.

но и вывести родную литературу на качественно новый уровень художественного мышления. Как духовно богатая личность, Красильников своим присутствием в литературной жизни республики оказал не только благотворное влияние на ее нравственный климат, но и на представление молодых поэтов и прозаиков, что такое литература, литературный труд, сама личность художника слова...

«Литературные произведения, как и люди, имеют свою судьбу, свою биографию, подчас даже более сложную, чем человеческие, – писал Геннадий Красильников. – Вспомните рассказы о считавшихся безвозвратно утерянными, а потом при самых невероятных обстоятельствах вновь найденных рукописях. Вспомните также о книгах, принявших героическую смерть на кострах средневековой инквизиции и фашизма 20-го века, о книгах, проделавших боевой путь от Москвы до Берлина в солдатском вещевом мешке. Истории о таких произведениях более или менее известны всем любителям литературы. Но вместе с тем каждый писатель смог бы рассказать истории, известные только одному ему – то есть создателю этих произведений. Кому же, как не самому автору, лучше знать характеры и обычаи своих героев и героинь, знать тонкости их поведения, капризы и высокие душевные порывы.» («Литератур-

ная Удмуртия». Специальный выпуск, посвященный 60-летию Г.Д. Красильникова. Составитель А.Н. Уваров. 1988).

Написанный Геннадием Красильниковым в последние дни жизни неорассказ «Рваные сны» свидетельствует о том, насколько внутренне богатой была его личность. Он трагически ощущал приближение роковой черты и титанически сопротивлялся неизбежному. В этом рассказе – новая стилевая манера, новый уровень философского понимания вечных истин: жизни и смерти, а также страстный порыв вступить в борьбу со злом, в единоборство с неизбежным – со смертью не только в физическом, но и в духовном плане.

Как бы порадовался М.П. Петров успехам молодого коллеги, в творчестве которого выявилось толстовское начало – стилевое и смысловое, а также влияние великого последователя Л.Н. Толстого Эрнеста Хемингуэя. Подтверждение сказанному – фрагмент из рассказа «Рваные сны»:

«Казалось... ведь все еще впереди, или, если не все, то очень и очень многое, ибо все то, что он делал до сих пор и успел сделать, – все это не то настоящее, не главное, что он должен сделать и которое он обязательно когда-то сделает, а все не то... не главный ствол, а всего лишь боковые ветви. Дайте срок, он еще покажет себя, обязательно покажет. У него уйма планов, замыслов, чертовски хороших и удачных, поверьте!..»

Чемпионы и таланты представляют публике такими колоссами, которые всегда идут напролом и все могут. Но это совершенно не соответствует действительности, ибо большинство из них начали восхождение на Олимп слишком рано, оставив ради этого многое. Они не знают никакого другого дела. А когда приходится складывать медали и венки, оказывается, что не пригодны к обыденной жизни...»

Прежде он жил своей страстью, своими успехами, наконец, своим талантом. Что ему могли предложить теперь? Да, собственно, ничего и не предлагал никто. До него ровным счетом не было никакого дела. Значит, предстояло бороться самому. Заявить громко, что рано они его собрались отпевать, рано!»

Проживи Геннадий Красильников еще несколько лет, сколько он мог бы сделать! Ни в молодые, ни в зрелые годы он не был бесплодным романтиком, Дон Кихотом. Его романтизм – и человеческий, и художественный – имел реальную почву.

Не случайно его любимым героем был Сирано де Бержерак, персонаж одноименной героической комедии Ростана...

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Светлана СКОПКАРЕВА

кандидат филологических наук,
проректор по научно-
исследовательской работе
ИПК и ПРО УР,
г. Ижевск

*К 85-летию со дня рождения
Геннадия Красильникова*

ФАУСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ ГЕННАДИЯ КРАСИЛЬНИКОВА

Образ Фауста, героя немецких народных легенд, произведений мировой литературы и искусства, символизирующий человеческую тягу к знанию, достаточно осмыслен прозаиками, поэтами, литературоведами и, тем не менее, получает новое осмысление в национальных литературах.

В прозе Геннадия Красильникова фаустианское начало становится определяющим мотивом всего творчества. Наиболее ярко это проявилось в романе «Начало года» (1964). Писатель ставит здесь весьма актуальную проблему – проблему интеллигенции из народа. В удмуртской литературе это одно из первых произведений, посвященных этой теме.

Достоинство романа – в реалистическом изображении жизни. С этой целью автор досконально изучил профессиональную деятельность врачей, погрузился в их мир ответственности за жизнь человека.

В этой связи особый интерес представляет образ хирурга Соснова. Как отмечает Геннадий Красильников, «...в образе Соснова я соединил черты трех человек: двух старых фельдшеров и одного учителя. В характере и отношении к своим обя-

занностям у них то, что было свойственно русской демократической интеллигенции: предельная скромность, потенциальная способность к подвигу, гражданственность и гуманизм». Этот герой, став нравственным эталоном писателя, выводится в конфликте со Световидовым.

Перед началом операции Световидов отмечает: «Волнуется старик. Пора бы ему привыкнуть. Мы не имеем права умирать с каждым больным...». На что Соснов ему отвечает: «Вы бессердечный человек, Георгий Ильич! В ваши годы это опасный симптом. Есть правила, но есть и живой человек, помните об этом».

Соснов преподносит Световидову важнейший жизненный урок: врач излечивает не только недуг, он исцеляет и душевные раны человека. Этот эпизод красноречиво свидетельствует об извечном споре в искусстве и науке о человеке, его назначении и смысле существования.

Таким образом, в романе Геннадия Красильникова обнаруживается скрытая полемика героев Гете – Фауста и Мефистофеля. И в этом тоже сказалось сходство с «Фаустом», в котором писатель, вопреки всему,

утверждает гуманистическую концепцию.

В романе «Начало года» затронута проблема приобщенности человека высокой нравственности к своим «корням», к «истокам». Сквозь призму гетевской трагедии писатель осмысливает первичные основы человеческого существования и масштабно ставит острые этические, социальные и философские проблемы, выдвигая главный посыл: человек за все отвечает сам. И в этом очевидна особая требовательность автора как к героям, так и к самому себе.

Он органично вводит в канву произведения приемы психологического анализа. В этом плане очевидна его близость к прозе Льва Толстого. Вслед за ним Геннадий Красильников использует такие приемы психологизма как внутренний монолог, самохарактеристика, полемика героев.

Световидов раскрывается через прием самоанализа: «...читая книгу про войну, он ловил себя на мысли: «А как бы поступил я, оказавшись на месте этого героя?». Как-то незаметно укрепился в мысли, что мое главное – это жизнь, сохранение своей жизни, чего бы это ни стоило». Так у героя рождается кодекс поведения: не следует смешиваться с толпой, иначе рискуешь потерять свое лицо; не следует спешить прыгать в огонь, ибо всегда найдутся люди, готовые вперед тебя ринуться в самое пекло; укуси спящего ближнего, иначе он проснется и укусит тебя».

Писатель большое внимание уделяет не только нравственно цельным героям, но и тем, кто олицетворяет собой зло. Исследование сложного механизма противостояния «добра и зла» позволяет более глубоко рассмотреть нравственный потенциал личности в ситуации выбора. Дихотомия «добро – зло» является неотъемлемым условием существования мира. Меняя свои ипостаси, зло не становится менее могучим, скорее, подчиняя свою сущность новому порядку вещей. В этом убеждаешься, обратившись к такому герою как Световидов, в образе которого Геннадий Красильников создал яркий тип антифаустианского героя. Здесь также обнаруживаются совпадения с убеждением Александра Сергеевича Пушкина о несовместимости гения и злодейства.

Тяга к самосовершенствованию является основополагающим началом личности героев Красильникова. Именно это определяет своеобразие концепции личности в его творчестве. Его герои – хирург Соснов и терапевт Петрова – являются носителями лучших нравственных традиций своего народа. Герои раскрываются сквозь призму фаустианского – искательного и жизнеутверждающего – начала.

Доктор Семен Иванович Ворончихин. Заслуженный художник России Петр Елкин, г. Ижевск.

Здесь очевидно прямое созвучие с гетевской концепцией мира и человека. Ведь именно в «Фаусте» Гете явственно заявил, что в жизни каждого высоконравственного человека главным остается все-таки путь Фауста – как известно, трудный, связанный с новыми иллюзиями и заблуждениями.

По концепции Геннадия Красильникова, всякий порядочный человек сознательно обрекает себя на трагические муки фаустианских исканий. Тем более, что в наше время не все сводится лишь только к вопросу об ответственности человека (у Гете – ученого) перед обществом.

Болезни века, издержки исторического пути, временные неудачи и ошибки не должны заслонять главного итога – величия созидательных успехов человека и человечества. Этому и учит нас Гете в «Фаусте» – этой просветительской притче о грехопадении и возрождении.

Мировосприятие и мировоззрение классика европейской литературы оказались созвучны Красильникову, органично воплотившись в его художественной концепции личности. Его любимые герои подчас тоже оступаются, о чем свидетельствует любовная линия «Световидов и Петрова». Пережив трагическое разочарование, героиня постепенно преодолевает в себе вспыхнувшее чувство, мучительно осознавая ничтожество в прошлом любимого человека,

его поверхностную сущность.

Геннадий Красильников представил собственную интерпретацию бытования одного из вечных сюжетов – фаустиану, найдя оригинальное решение архетипов Фауста и Мефистофеля. Ассоциации с зарубежной литературой, возникающие в ходе анализа романа «Начало года», помогают не только рассмотреть творчество удмуртского писателя в контексте мирового литературного процесса, но и обратиться к вопросам инонационального художественного осмысления истории героя, живущего в Германии эпохи Реформации. Это красноречиво свидетельствует о специфике фаустовской контаминации в прозе Геннадия Красильникова.

Эту заданность можно явственно ощутить на страницах зрелого романа «Начало года», позволяя рассматривать это произведение не только как достояние национальной культуры удмуртского народа, но и как явление наднационального характера. Именно поэтому этот роман стоит в одном ряду с пьесой Александра Вампилова «Утиная охота», романами Даниила Гранина «Иду на грозу» и «Картина», сценарием Василия Шукшина «Жабушка красная» и другими.

Все это, несомненно, позволяет оценить зрелость писательского мастерства, которая особенно очевидна в контексте единого литературного процесса. Не случайно в

этой связи упомянуто в произведении имя Антона Павловича Чехова и его крылатый афоризм «В человеке все должно быть прекрасно...». Именно в этом созвучии проявляется мечта Красильникова о гармоничной личности.

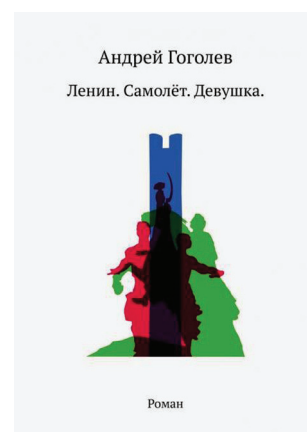
Несомненно, писателю удалось создать собственную художественную модель мира и человека. Размышляя о духовном потенциале героев, автор сугубо индивидуально рассматривает проблему духовных масштабов личности: это не только ее практическая деятельность, но и широта мышления, темперамент, внутренняя убежденность в ответственности за все происходящее в мире.

В романе «Начало года» Геннадий Красильников рассматривает вечные проблемы человеческого существования. В героях писателя интересует прежде всего фаустианское начало: мучительный путь нравственных исканий и духовного самостояния человека. Тема Фауста внятно прозвучала в романе, проявившись в непосредственном обращении писателя к произведению немецкого классика. Обратившись к проблемам повседневности, современной ему действительности, Красильников дал свое видение «Фауста» Гете и внес, таким образом, достойный вклад в развитие отечественной «фаустианы».

Андрей Гоголев. Ленин. Самолет. Девушка. Роман. Ижевск, 2013.

Автор романа молод. Ему двадцать три. Можгинец, перебравшийся в Ижевск, он стал студентом московского Литинститута и идеологом литературного проекта «Брезентовая цапля». Ижевский журналист Сергей Чазов так откликнулся на выход романа в 17-м номере газеты «День»: «Я дочитал «Ленин. Самолет. Девушка» до конца по нескольким причинам. Во-первых, меня зацепило, что в начале романа действие разворачивается в тех дворах, где я вырос. Это первая и, возможно, единственная в мире книга, где главный герой живет через дорогу от моего дома. Во-вторых, я знал, что нужно будет писать рецензию. В-третьих, если открыть журнал типа «Италмас» и почитать, о чем там пишут члены различных союзов, то станет ясно, что творчество Андрея Гоголева и «Брезентовой цапли» в целом вселяет больше надежд, чем упрямая плодовитость титулованных писателей». Редколлегия журнала «Италмас», опубликовавшего первые главы романа в № 1 (21) за этот год, поздравляет Андрея Гоголева с замечательным дебютом. Есть такая уверенность, что мы еще обязательно увидим книги наших молодых авторов Анны Бубновой и Дениса Кожева, Петра Берша и Григория Старовойтова, Дарьи Володской и Ирины Прокошевой, Степана Ломаева и Елизаветы Мезриной, Станислава Тарасова и Ивана Пинженина, Валерии Мордачевой и многих других, чьи имена знакомы любителям стоящей прозы и хороших стихов.

НОВЫЕ КНИГИ

ДРАМАТУРГИЯ

Валерий ШЕРГИН

актер, драматург,
автор нашумевших пьес
«Колбаса» и «Концлагеристъ»,
обладатель Гран-при
«Свободного театра»,
г. Сарапул

ГРИБНИКИ

Пьеса

Субботнее осеннее утро. Фирулёвой так неохота было рано вставать из своей постели, что просто – мама дорогая. Но надо было...

Надо было сегодня ехать в лес, по грибы. Иначе не видать ей Кирова. А ведь в Киров, самый прекрасный город на планете, без грибов-то не пускают!

Быстро перекусив и умывшись, Фирулёва надела дождевик марки «Аллигатор», взяла корзинку и быстро выбежала на улицу. Ей еще нужно было заскочить в гараж за резиновыми сапогами и успеть на вокзал... Скоро электричка. До Шольи.

Ф и р у л ё в а. Мне билетик до Шольи... Сколько надо?

К а с с и р ш а. До Шольи больше билетов нет. Следующий!

Ф и р у л ё в а. Как это нет? Как – нет?!!

К а с с и р ш а. Девушка, не задерживайте очередь. Следующий!

Ф и р у л ё в а. Да нет никого за мной... Тетенька, извините, но мне очень нужно... понимаете, один выходной... город Киров... Как же я теперь? Может, еще что-нибудь есть? Я вас очень прошу... посмотрите.

Кассирше вдруг стало жалко молодую девушку, которая сейчас чуть не расплакалась перед ней, и она решила ей помочь. Все равно народу не было, все стояли уже на перроне...

К а с с и р ш а. Ладно, девушка, так уж и быть, я помогу вам, только не плачьте тут...

Ф и р у л ё в а (улыбаясь сквозь слезы). Правда? Поможете?

К а с с и р ш а. Помогу-помогу, только это будет дороже. Поедешь в купейном, сейчас он подойдет, но учти, в Шолье придется прыгать, там у него нет остановки. Я договорюсь, там тебе притормозят... Так, двадцать пять рублей с тебя...

Ф и р у л ё в а. Спасибо огромное...

К а с с и р ш а. Да ладно уж... Зачем едешь-то?

Ф и р у л ё в а. За грибами...

В купе Фирулёва вздохнула облегченно. Соседей не было, и это было очень хорошо, теперь до Шольи она могла ехать спокойно. И не надо будет ей никому объяснять, зачем ей прыгать с поезда.

Устроившись поудобнее возле окна, она подумала о том, что прежде чем идти в лес, надо будет сразу купить билет на обратную дорогу, чтоб не пришлось потом прыгать в Сарапуле.

Ф и р у л ё в а (мечтательно, сама себе). Киров, ты рядом...

Ф а р е л л а. Здравствуйте, будем знакомы! Фарелла!

Фирулёва от неожиданности вздрогнула. Она никак не ожидала, что ей подседают соседа.

А Фарелла стоял и протягивал руку для знакомства.

Ф и р у л ё в а. Будем знакомы, Фирулёва.

Ф а р е л л а. Вот и познакомились!

С этими словами Фарелла уселся напротив нее, возле окна. Секундная пауза. Поезд тронулся...

Ф а р е л л а. Ну что, куда едем?

Ф и р у л ё в а. Что? Простите, я не слушала...

Ф а р е л л а. Ну, спрашиваю, куда едете? Далеко?

Ф и р у л ё в а. Да нет, так, в Камбарку. К бабушке...

Ф а р е л л а. А-а... Ну понятно, да.

Фирулёвой стало стыдно, что пришлось соврать. Просто ее смутил этот парень: что он подумает, когда она уйдет и не вернется после Шольи? В голове она все придумывала способы, как бы смотаться потихому.

Ф и р у л ё в а. А вы, простите, далеко едете?

Ф а р е л л а. Хе-хе, как бы сказать? Вы не поверите... я до Шольи еду...

Ф и р у л ё в а. Что?!!

Ф а р е л л а. Э-э, знаю, типа странно, да чё, но... я за грибами собрался, а билетов больше нет. Мне кассирша вот, хорошая баба, кстати, помогла. Так что я вашим соседом буду недолго. Всего-то где-то минут двадцать пять... А что вы так на меня смотрите?

Ф и р у л ё в а. Да так...

Ф а р е л л а. М-м-м. Слушайте, а я же вас где-то уже раньше видел.

Ф и р у л ё в а. Да. Может быть. Мир тесен... А вы тоже прыгать в Шолье будете?

Ф а р е л л а. Ну да. Там притормозят чуть-чуть, я и спрыгну... Подождите, а почему вы спрашиваете «тоже прыгать»?.. А! Я, кажется, понял...

Фарелла засмеялся, а Фирулёва засмузилась. Ей так в падлу стало, что она проговорила глупо...

Ф а р е л л а. Я смотрю, у вас и корзинка есть...

Ф и р у л ё в а. Да, есть...

Тут ей тоже стало смешно, и она засмеялась. Так, слово за слово, у них завязалась братская дружба, дружба настоящих грибников.

Ф и р у л ё в а. Так, значит, ты любишь грибы собирать?

Ф а р е л л а. Если честно, то не очень. Но мне нужно в Улан-Удэ скоро, а в самый прекрасный город на планете без грибов-то не пускают! Это я знаю от своего друга – хозяина Удмуртии.

Ф и р у л ё в а. А для меня самый лучший город – это Киров.

Ф а р е л л а. Это точно. Я считаю, что для каждого существует свой самый лучший город...

Тут их разговор внезапно прервала про-

водница, показавшаяся в дверях их купе.

П р о в о д н и ц а. Извините, пожалуйста, девушка, у вас нет случайно дезодоранта аэрозольного? Э-э... понимаете, там в последнем купе, возле туалета...

Ф и р у л ё в а. ?!!

П р о в о д н и ц а. ...в общем, там дети едут. Ну, активисты из лагеря. А купе их перед туалетом, из туалета запах жуткий, воздух им... освежить бы...

Ф и р у л ё в а. А-а-а, поняла-поняла, да, конечно, сейчас...

Фирулёва всегда брала с собой такую нужную вещь. Она порылась у себя в корзинке и протянула проводнице баллончик с дезодорантом марки «Аллигатор».

П р о в о д н и ц а. Ой, спасибо большое. (Взяла баллончик и ушла).

Ф а р е л л а. О, а ты какую марку предпочитаешь?

Ф и р у л ё в а. «Аллигатор», конечно. А что, разве есть еще какая-то?

Ф а р е л л а. Да я шучу...

Продолжая весело общаться, рассказывая друг другу разные истории, Фирулёва и Фарелла даже и не заметили, что проехали мост, как вдруг к ним в купе зашел еще один пассажир. В руках он держал футляр для скрипки.

Ф а р е л л а. О, будем знакомы! Фарелла!

С к р и п а ч. Здравьте, здравьте... (Садится возле дверей).

Фарелла и Фирулёва переглянулись. Слишком уж странным был их попутчик, на грибника он ну совсем не похож.

Ф а р е л л а. Извините, вы случайно не до Шольи едете?

Фирулёва хихикнула.

С к р и п а ч. Чего?

Ф а р е л л а. А у вас скрипка какой марки? Дайте-ка угадаю, м-м-м... «Аллигатор», да?

Фирулёва уже еле сдерживалась от смеха... Но тут то ли мужику что-то не понравилось, то ли еще чего-то...

С к р и п а ч. Слышь, мальчик, ты за Скрипача слыхал?

Ф а р е л л а. Нет. А что?

С к р и п а ч. А как Скрипач завалил девятнадцать человек и ушел от погони, слышал?!

Ф а р е л л а. Нет. А что?

С к р и п а ч. А то... А то, что Скрипач этот... Это – я!

С этими словами мужик открыл свой футляр, достал из него пистолет марки «Аллигатор» и направил его на Фареллу. Фарелла сразу просек фишку эту и первым кинулся на скрипача, пока тот не успел выстрелить.

Все произошло за доли секунды. Фирулё-

ва даже ничего еще не поняла.

Завязалась драка. Все еще ничего не понимающей Фирулёвой вдруг попало чьим-то кулаком по челюсти, и она отключилась...

Тем временем оба противника вцепились в пистолет, отбирая его друг у друга. Внезапно прозвучал выстрел. Пуля попала в стенку. Тут же из соседнего купе послышался крик маленькой девочки...

Д е в о ч к а. Мама, мама, папе стало плохо!

Прозвучал еще выстрел.

Д е в о ч к а. Бабушка, бабушка, маме с папой плохо!

Еще выстрел.

Д е в о ч к а. Дедушка! Дедушка, тут маме, папе и бабушке стало плохо!

Еще выстрел и все в то же купе.

Д е в о ч к а. Помогите! Кто-нибудь! Моим маме, папе, дедушке и бабушке стало плохо!

Выстрел.

Д е в о ч к а. Ай! Меня ранило в живот! Помогите!

Больше выстрелов не последовало, в обойме кончились патроны. Скрипач и Фарелла продолжали свою борьбу. А девочка все не унималась.

Д е в о ч к а (тихим голосом). Помогите... Я умираю...

В это время Фирулёва пришла в себя. Теперь она поняла, что здесь происходит... Раньше она работала охранницей в клубе, поэтому она знала, что делать в таких ситуациях. Она ловко кинулась к своей корзинке, порылась в ней и достала баллончик с ядовитым газом марки «Аллигатор». Фирулёва всегда брала с собой такую нужную вещь.

Она подобралась поближе к Скрипачу и прыснула газом прямо ему в лицо... Но, к ее удивлению, Скрипач не умер, а в купе стало пахнуть свежо и приятно...

Ф и р у л ё в а. Блин, а где же тогда мой баллончик с ядовитым газом?

И тут Скрипач, уже изрядно выдохшийся (все же коготь дракона – это коготь дракона), не выдержал захвата и... В общем, упал, бездыханно, на пол.

Ф а р е л л а. Додергался, Скрипач.

Минутная пауза-передышка.

Ф и р у л ё в а. Что мы теперь будем делать?

Ф а р е л л а. Так Шолья же скоро!

Шолья, и правда, была близко. Грибники начали собираться.

Ф и р у л ё в а. Ой. Смотри, у него в футляре какие-то кнопочки...

Ф а р е л л а. Не трогай, это, наверно, бомба!

Ф и р у л ё в а. Ой. Поздно... Я случайно нажала кнопочку... Цифры какие-то, десять минут вроде, или нет, одна...

Ф а р е л л а. Вай, блин, бросай ее скорее в окно!

Фирулёва так и сделала: бросила футляр в окно. Но в окне – стекло. Футляр ударился о него и отскочил обратно.

Ф а р е л л а. Бежим!!!

Добежав до последнего купе, они увидели, что дверь его открыта, а внутри лежат мертвые дети – активисты из лагеря.

Ф и р у л ё в а. Так вот где мой баллончик с ядовитым газом...

Ф а р е л л а. Бежим, бежим, некогда...

Добежав до тамбура, Фарелла хоть и с трудом, но все же открыл дверь...

Ф а р е л л а. Прыгала с поезда раньше?

Ф и р у л ё в а. Да как-то не приходилось...

Ф а р е л л а. Ладно. В общем, прыгай и все... на счет «три»... И раз, два... три-и-и!!!

И тут так красиво, прямо как в кино, они, взявшись за руки, выпрыгнули из поезда, который несся на полном ходу...

Ф а р е л л а. Фирулёва, Фирулёва-а, а-у, очнись. Ты как, вообще, нормально, нет?

Ф и р у л ё в а. А?.. Что?..

Ф а р е л л а. Очнись, говорю. Как самочувствие?

Ф и р у л ё в а. А?.. А, нормально...

Ф а р е л л а. Не ушиблась, нет? Давай помогу.

Ф и р у л ё в а. Да вроде нет, нога только болит чё-то...

Фарелла помог ей встать и отряхнул ее от всяких веток, пыли, листьев...

Ф а р е л л а. Эко тебя угораздило-то...

Вдруг раздался грохот где-то там, вдалеке.

Ф и р у л ё в а. Дождь скоро будет.

Ф а р е л л а. И я говорю... Дождь. Может, пешком домой пойдем? Ну их, эти поезда.

Ф и р у л ё в а. Что?

Ф а р е л л а. Ладно, пойдем уже. Нам еще грибы собирать. Где твоя корзинка?

Конец

Владимир РОМАНОВ

* * *

Что стряслось – не знаю сам
И не знаю, разберусь ли.
Вместо месяца в глаза
Смотрят дедовские гусли.

Думал я: по проводам
Ток идет сквозь сумрак ночи,
Но сегодня увидал
Напряженность нотных строчек.

А вдоль строчек тех с небес
Звезды-знаки встали тесно.
Сон ушел, покой исчез –
В тишине родилась песня.

Эту песнь, что так светла,
В небесах играют гусли...
За околицу села
Сердцем к милой тороплюсь я.

ПЕРЕВОДЫ

Надежда КРАЛИНА

ученый-литературовед,
фольклорист, переводчик,
лауреат Государственной
премии Удмуртии,
г. Ижевск

Галина РОМАНОВА

ЛОШАДИ-ЛОШАДКИ

Рассказ

Перевод с удмуртского Надежды Кралиной

В моем восприятии, в моем сознании
лошадь не ассоциируется с понятием про-
стого животного. Это чувствуется и в стро-
ках моих стихов.

Когда на широком лугу
Вдруг увижу лошадку,
Свою радость я скрыть не могу,

Мне, взволнованной, мнится,
Будто вижу дыханье земли.
И тогда себя в отчей дали
Ощущаю я вольною птицей!

Может, моя любовь к лошадям родилась
раньше, чем я сама появилась на свет. А
когда я оказывалась на лошади верхом,

чувствовала внезапный прилив сил: сама себе я казалась необычайно ловкой, смелой, сильной, непобедимой. И красавицей.

Отец бранился: девчоночье ли дело это – скакать верхом? А я, упрямая, поддразнивая некоторых мальчишек, по деревне скачу с ветерком. От меня шарахаются перепуганные куры, утки, гуси. За мной – клубы пыли. До чего же здорово!

Младшему брату уже десять лет исполнилось, а он так и не научился садиться на лошадь: боится. Мне хочется его научить, уговариваю, стыжу – парень ты или кто... Наконец, уломала, помогла сесть. Не бойся, говорю, видишь, какая она смиренная. Сама начала погонять лошадь. Она сначала медленно шла, потом побыстрее и еще быстрее. Следующий миг – и брат скатывается с лошади, поднимая рев на всю улицу. Что-то с рукой случилось.

Всю ночь он так и не уснул. Наутро, в самую страду, его пришлось везти в больницу за десять километров. Оказывается, брат сломал руку, наложили гипс. Отец страшно рассердился на самовольство, думая, что братишка сам вздумал прокатиться. Потом взглянул на меня и, все поняв, сказал:

– Это ты, озорница, подговорила парнишку... Да-да, это твоя работа!..

Когда отец очень сильно сердился, не кричал. Но так говорил, что каждое его слово словно по телу било. Я скорее на печку, оттуда перелезла на полати. Слезы душили меня. Отец, как бы ни злился, никогда не поднимал руки на нас. А тут не стерпел, схватил попавшийся под руку валенок и швырнул в меня. Валенок пролетел мимо. Следом он запустил второй. Валенок, не задев меня, шмякнулся об печку. Я затаила дыхание. Из глаз катятся слезы, а я начинаю задыхаться от смеха.

– Не видать отныне тебе лошади как своих ушей! – пригрозил напоследок отец и хлопнул дверь.

Я загоревала. Как можно без лошади прожить? И все из-за него, из-за братишки. Как? Ну как его угораздило свалиться с такой спокойной, смиренной лошади? Еще умудриться при этом и руку себе сломать?! Я вон сколько раз шлепалась: и на скаку, бывало, и рысью, и через препятствие... Попробовать бы ему поскакать на неоседланной лошади, на той бы, которая с норовом, когда неведомо, в какой момент она взбрыкнет. Вот тогда бы ты, братец, узнал, где рай, а где ад. Эх, теперь отец не допустит меня ни на лугу, ни в поле на лошади поработать.

Долго горевать мне не пришлось. Отец сделал вид, будто забыл про угрозу. Вскоре я снова была на коне! Мои подружки на луга едут в тракторной телеге, а я на ло-

шади, буду волокушей траву к стогу подтаскивать. Во время жатвы техники обычно не хватало, потому тогда и зерно отвозили на лошадях. Я с удовольствием возила зерно. А дома в своем огороде я и боронила, и картошку окучивала.

В шестидесятые годы в наших колхозах на лошадях стали смотреть свысока. Механизация объявлялась завтрашним днем, а лошади – вчерашним. Потому наши лошади отошали, еле ноги передвигали. Оттого, наверное, я любила прокатиться на необъезженной лошади. Но и она не могла долго скакать. Поскачешь ли, если кормят простой соломой?..

Для работы на ферме держали отдельную лошадь. За ней ухаживали, хорошо кормили. Как же она хороша: голова всегда высоко приподнята, сама белая-белая, грива черная, а глаза блестят. Звали ее Астра. Но покатаюсь мне ее никто бы не дал. Женщина, которая ухаживала за ней, ревностно охраняла ее от чужих рук и все работы старалась выполнять только сама. Говорила, что у лошади должен быть один хозяин, иначе они становятся нервными, беспокойными. Когда Астра проходила мимо меня, я глаз не могла оторвать от нее, так она была хороша и красива.

Мама работала на ферме: доила коров. Я попросила ее переговорить с хозяйкой Астры, чтобы она хоть на денечек допустила меня поработать на ней. Мама согласилась.

И вот настал этот день. Самая красивая, самая ретивая лошадь – моя. Пусть ненадолго, но все же она была моей. Меня попросили съездить верхом на Астре в деревню Парсыгурт и пригласить ветеринара.

Выйдя из конюшни, я не спешила в путь. Несколько раз на Астре по улице рысью проехала: пусть все видят, как я умею лихачить. В колхозе тогда седел было раз два – и обчелся, и нам они не доставались. Поэтому на лошадях катались без седла. Я хорошо знала, у какой лошади спина твердая, у какой – мягкая. У Астры спина была как мягкая подушка.

До Парсыгурта от нашей деревни четыре километра. Проскакав рысью, я не заметила, как примчались. На обратном пути на пригорке Астра вдруг остановилась как вкопанная: я чуть не полетела через ее голову. Потом начала скакать то вправо, то влево, то встает на дыбы – я вот-вот упаду с нее. Нет, думаю, ты меня так просто не сбросишь. Обеими руками схватилась за черную гриву. Астра скакала, скакала и, кажется, устала – остановилась. Потом вдруг, будто испугавшись, вздрогнула всем телом и пустилась рысью. Сама храпит. Потом опять вдруг остановилась как вкопанная и нача-

За околицей. Заслуженный художник России Петр Елкин, г. Ижевск.

ла скакать то вправо, то влево... Мне стало страшно: что с ней, неужто обезумела?!

Кое-как мы все же добрались до деревни. Но идти к своей конюшне лошадь отказалась. Уставилась глазищами на соседнюю конюшню и ржет, бьет о землю копытами. На мое счастье, тут подошла ее хозяйка. Если бы не она, не знаю, что бы я делала.

– Издалека, на пригорке еще увидела, что она вытворяет, и прибежала. Уж сколько раз она сбегала, негодница. Вот и корми тебя, ухаживай за тобой, – она ласково похлопала Астру по шее. – В общей конюшне давно бы уже околела.

– Тоскливо, наверное, ей одной, – говорю.

– Так уж и тоскливо. Старуха беззубая, а вот поди ж ты, Горданя ей дай-подай.

– Почему же беззубая?

– Дак старая – потому. Ей уж за двадцать перевалило. Зубы-то столько не живут. Кормлю ее мучной присыпкой да пареным овсом. Кабы не я, давно бы ее списали. Мне

жалко ее, потому что она осталась последней из дедушкиных пород. Его-то с семьей раскулачили, а лошадей в колхоз забрали. Породы были знатные, но вот от них только Астра и осталась – праправнучка как бы. Ну, а Горданя, ты и сама знаешь: вовсечко молоденький жеребчик. Тоже сам не свой, как встретится с Астрой.

Продолжая поглаживать лошадь, не прерывая беседы, она вставляла ласковые слова, обращенные к Астре.

– Пошли, родная, – взяв Астру за поводок, повела ее к конюшне. Та пошла, поникшая, словно и ростом стала меньше.

После того случая с Астрой я стала совсем другими глазами смотреть на наших колхозных лошадей. И они, оказывается, как все живые существа, умеют любить, тосковать, печалиться... Мы же, люди разумные, привыкли извлекать из них пользу, только пользу, заставляя работать до упаду.

Эмилия СМЕРНОВА

ветеран труда,
член Федерации женщин
творческих профессий,
г. Ижевск

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Один отец значит больше, чем сто учителей.
Д. Герберт

Уходят из жизни ветераны второй мировой. Все меньше и меньше остается живых свидетелей этой страшной всенародной войны, победа в которой досталась нам дорогой ценой – жизнями тысяч и тысяч наших соотечественников: отцов, братьев, дедов и прадедов. Но живы мы, дети войны, помнящие живыми своих отцов-фронтовиков.

Теперь, уже с высоты своих лет, я думаю: отец уходил на войну в двадцать шесть и был такой молодой! Он был человеком самой мирной земной профессии – сельский учитель. Он уходил, оставляя дом родной, семью, малолетних детей с надеждой вернуться домой живым. И мне, четырехлетней девочке, было непонятно, почему мой добрый, сильный, большой папа плачет.

Так было в тысячах семей, провожавших своих мужчин на станцию Шолья, где формировалась стрелковая дивизия № 357.

Так же, как многие семьи, мы с тревогой ждали треугольные весточки с фронта. А они приходили нечасто, и однажды их не стало совсем. Не сознавая всей глубины маминых переживаний, я сочувствовала ей и плакала с ней вместе. Но – о радость! – они появились снова. Оказалось, папа был контужен авиабомбой, надолго ослеп и оглох.

Осколки металла из его спины доставал его друг и земляк А.И. Хомяков. Как большинство легко раненных, отец остался на передовой.

Весь трудный путь утрат и побед 357-й ордена Суворова II степени стрелковой дивизии прошел мой папа: от Калининского, Белорусского, Прибалтийского фронтов – до Берлина, о чем свидетельствуют его многочисленные награды.

«Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Москву, Ленинград, Кавказ, – цинично заявлял Гитлер. – Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ». Но вся страна как один встала на защиту Отечества, превратилась в единый боевой лагерь и жила под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!».

1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война, и каждый день был подвигом. А сколько еще не раскрытых фактов, сколько еще не преданных земле останков героев-воинов!

Вспоминая отца, я не могу не упомянуть других воинов, пусть не как очевидец, но как читатель повести М. Лямина «Четыре года в шинелях», в которой автор

правдиво описывает потери и подвиги наших земляков. Перечитывая строки повести, восхищаешься вместе с писателем их мужеством и стойкостью. Михаил Лямин прошел с этой дивизией весь ее трудный и героический путь. Несколько раз в своей книге он упоминает и моего отца Ивана Лукина, комиссара батареи.

Перечитывая строки повести со слезами на глазах и с болью в сердце, я вижу своего папу и тысячи других воинов. До 15 декабря 1941 года им пришлось воевать в летнем обмундировании. А зима 41-го была такой лютой, что птицы замерзали на лету. Но нельзя было жечь костры, чтобы не навлечь немецкую авиацию. Только 15 декабря воинов одели в полушубки и зимние шапки, доставили им ПППШ – да и тех на всех не хватило.

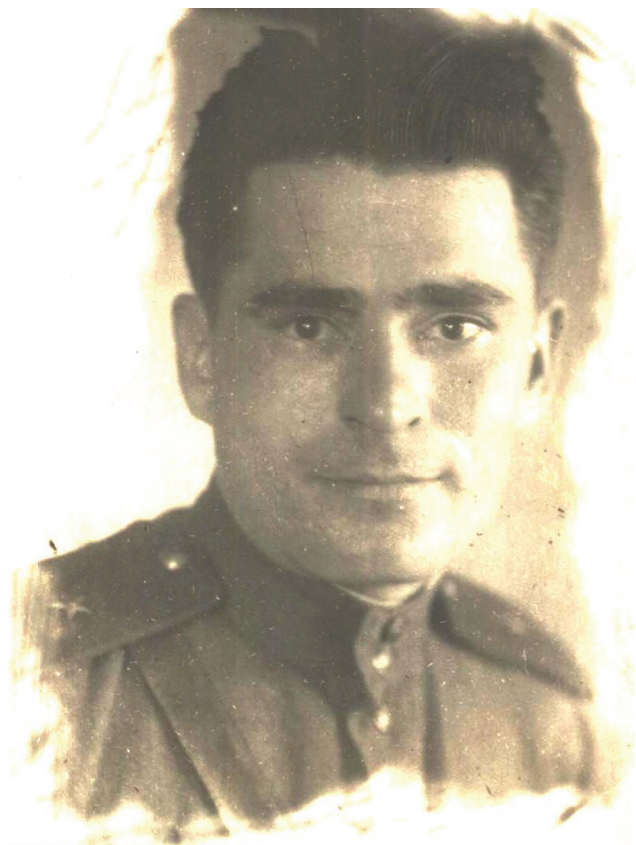
Вспоминая отца, я вспоминаю воинов дивизии, которые после первых боевых потерь, не получая пополнения ни живой силой, ни техникой, ни снарядами, с винтовками бросались на танки. Отец как комиссар и коммунист вставал из окопов с пистолетом в руках первым и со словами «За Родину, за Сталина!» вел бойцов в атаку. Судьба – по-другому не скажешь – оставила нам папу живым в этой кровавой бойне.

Маршал Советского Союза И. Баграмян, командовавший Первым Прибалтийским фронтом, куда входила дивизия, высоко ценил ее боевые подвиги, не раз отмечал мужество и стойкость воинов из Удмуртии. В своей книге он вспоминает эпизод, когда вырвавшаяся вперед на Запад 357-я дивизия, оказавшись оторванной от других частей и соединений, была окружена, но проявила стойкость, успешно отбила атаки врага, нанесла ему серьезные потери и вышла из окружения. Знамя, документы, основной состав были сохранены.

Мне запомнились папины рассказы об этих днях войны. Люди неделями голодали, ели ягоды, мертвых птиц, жевали ремни (папа – португеек). А рядом разносился дурманящий разум запах каши с тушенкой – это фашисты расставляли кольцом вокруг них полевые кухни.

Я сожалею, что мало знаю о фронтовой жизни отца. Фронтовики не очень любили вспоминать эти годы, а мы, вероятно, боялись их расспрашивать, чтобы не задеть их за живое.

О подвигах отца я могу судить по его боевым наградам. А грудь его была вся в орденах: три ордена Великой Отечественной войны, два ордена Красной звезды, медали «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», Гвардейский знак и много других, – все я, к сожалению, не запомнила.

Комиссар стрелковой дивизии № 357 Иван Лукин. Город Новоржев, апрель 1944 года.

В национальном музее города Ижевска хранится розовый листок, адресованный моей маме – сельской учительнице, награжденной медалью «Участнику трудового фронта». Это послание командования фронта, где есть слова: «Гордитесь Вашим мужем-героем...».

Отец моего мужа М. Смирнов был зенитчиком в блокадном Ленинграде. После войны он вернулся в родной город Иваново инвалидом.

После войны моего отца не демобилизовали, а в чине майора оставили служить в Германии. В мае 1946 года, через год после войны, мама, получившая вызов, осмелилась с двумя детьми поехать в разрушенную войной Германию к отцу. До Кенигсберга нас сопровождал молодой – грудь в орденах – офицер, мамин брат. Мне запомнилось, что в то время было немало таких молодых, окрыленных победой, жизнерадостных юношей, выделявшихся на фоне измученных, покалеченных войной людей.

Кенигсберг лежал в руинах. Вместо разрушенного вокзала – наспех сколоченный барак из досок и такие же скамьи в зале ожидания. Помню прямо у входа во двор гостиницы могилу погибшего офицера, о чем свидетельствовала надпись на деревянном памятнике. Из разбитых окон подвалов доносился смрад. И кругом – беспризорные дети. Поезда не ходили. Вместо них были

импровизированные «поезда» из сцепленных автобусов...

Май, яблони, цветущие по обочинам шоссе, солнце, птицы, земля, радующаяся тишине. Приходят на память стихи Флора Васильева:

Я хочу, чтоб однажды
Уверенно люди сказали:
Он настал, наконец,
Год спокойной земли!..

Но и после Победы враг не успокоился, уничтожая солдат, офицеров Советской Армии и сочувствующих им мирных граждан. Убивали, отравляли в основном офицеров Советской Армии, но не щадили и их семьи. Нас, пассажиров «состава», предупредили, что бендеровцы готовятся к ночному нападению. Мы спрятались на немецком воинском кладбище. У меня до сих пор перед глазами стоят эти ровные могильные холмы. У нас, детей, была такая ненависть к фашистам, что мы с братом начали сбрасывать каски с крестов. Папа это увидел и попросил положить все на место, что мы исполнили с большим нежеланием. Папа соорудил между могилами травяную подстилку, и мы с братом спокойно проспали всю ночь, охраняемые вооруженными родителями. Бендеровцы в эту ночь, на наше счастье, не бесчинствовали. В наши же дни их вожак получил статус национального героя, и ему воздвигнут памятник.

После двухлетней службы в Германии отца перевели в Оренбург. Не миновали отца и Тоцкие полигоны, но к началу боевых испытаний мы уже жили в Уральске. Оттуда папу снова перевели на службу в Германию – на этот раз в Дрезден. И мы снова три года ждали от него писем и трепетно готовились к его приезду в отпуск.

Он очень заботился о нас, потому что знал, что такое бедное детство, и старался делать все, чтобы мы не нуждались. Где бы он ни служил, мы были всегда «при нем». Солдаты любили его, и мы, его дети, чувствовали это отношение на себе. Папа никогда не повышал на нас голоса и не наказывал нас с братом (впрочем, так же, как мама), а мы старались вести себя так, чтобы не огорчать родителей.

По должности ему был положен ординарец, но папа никогда не пользовался его услугами. Мы с папиным ординарцем у нас дома распивали чай, к которым у нас бывали пироги с малиновым вареньем.

Он был заболитивым сыном и всегда беспокоился о своей маме, пока она была жива, ежемесячно посылая ей денежное пособие.

В 1956 году отец был представлен к зва-

нию «полковник». Но сказались многочисленные ранения, и он оказался в военном госпитале имени Бурденко в Москве. Папа вернулся из госпиталя, получив справку о том, что является инвалидом Великой Отечественной войны. Ему дали вторую группу инвалидности. В период своей медицинской реабилитации он брал меня с собой на рыбалку, на охоту, за грибами.

В Минске ему предлагали квартиру, но он хотел вернуться на Родину. Так мы оказались в Ижевске.

После увольнения из армии свыше двадцати лет отец проработал в партийных органах и на ведущих заводах Ижевска. Был награжден почетными грамотами партийных, советских, заводских организаций, военкомата, министерства химического и нефтяного машиностроения, Советского Комитета ветеранов войны. Был членом Совета ветеранов 357-й стрелковой дивизии и одним из организаторов музея этой дивизии в школе № 60 города Ижевска, вел большую военно-патриотическую и воспитательную работу в школах, училищах, на заводах. Довелось ему побывать в командировке и в родной дивизии, которая тогда дислоцировалась на самой южной точке страны. Подтянутый и аккуратный даже после нескольких инфарктов, он не сидел на месте.

Народный художник республики Алексей Павлович Холмогоров писал его портрет для картины «Ветераны Великой Отечественной войны из Удмуртии», которая сегодня хранится в Удмуртском Республиканском музее изобразительных искусств, а он все уклонялся от позирования, и заслуженный художник России Петр Васильевич Елкин позировал иногда за него.

Но даже когда папе было уже восемьдесят и он был серьезно болен, мы, его семья, чувствовали себя рядом с ним защищенными. Сейчас про таких говорят – трудоголик. Он всегда был занят делом, что-то мастерил, строил. На даче его руками создано практически все: от дома до мелочей и даже печь. Это, по сути, он содержал дачу, а мы лишь приезжали отдыхать. Он и умер по дороге на дачу на седьмом километре Якшур-Бодьинского тракта от сердечного приступа.

Таким был мой папа – человек, сильный духом, отважный, щедрый. Это благодаря таким, как он, страна выстояла и победила германский фашизм.

Вечная память и огромная сыновья благодарность нашим отцам – ветеранам Великой Отечественной.

ПУБЛИЦИСТИКА

Вениамин БУШМЕЛЕВ

доктор медицинских наук, профессор,
лауреат Государственной премии Удмуртии,
г. Ижевск

МАРУСИНА ПОБЕДА

Все дальше и дальше в прошлое уходят от нас годы войны. За семь десятков лет на смену старшему поколению приходит другое, не хлебнувшее лиха. Память о тех, кто не вернулся с кровавых полей войны, кто грудью защищал независимость нашей Родины, кто, не жалея сил, работал в тылу, живет в наших сердцах. Считаю, что задача старших – донести до наших детей, внуков и правнуков настоящую правду из первых уст о тех суровых годах.

В феврале в России был отмечен один из дней воинской славы – семидесятилетие со дня победы в Сталинградской битве. Двести героических дней обороны Сталинграда вошли в историю как самые кровопролитные и жестокие. История войны не знала такого героического сражения. При обороне города погибли и были ранены более семисот тысяч советских солдат и офицеров. Среди них оказались ближайшие родственники моей жены Марии Сергеевны: два дяди и дедушка Иван, а сама Мария оказалась непосредственным свидетелем этих героических дней.

Вот ее рассказ от первого лица.

Мне не было еще пяти лет, когда началась война. Сам момент, связанный с началом войны, я не могу припомнить, но в памяти хорошо запечатлелось событие, произошедшее за два месяца до объявления о военном нападении Германии.

Это случилось в конце апреля 1941 года,

когда мы провожали нашего папаню и многих мужиков из нашего села, мобилизованных в трудовую армию. Всем объясняли, что в связи с нарастанием угрозы войны для повышения боеготовности войск резервистов отправляют на западные рубежи копать окопы. Коротко и ясно.

В нашей семье было четверо детей: семнадцатилетний брат Виктор, восьмилетняя старшая сестра Рая, я и младшая сестра Шура трех лет. Отцу тогда шел сорок второй год.

Жили мы в старинном селе Ершовка, которое находилось на самой северной окраине Сталинградской области в безлесной местности, среди бескрайней степи. Село это было в сорока километрах южнее городка Калининск, что расположен в Саратовской области, – как раз посередине дороги, связывающей Саратов с городом Балашов.

Самым крупным лесным массивом нашего села была бывшая барская усадьба, превращенная в лесопарк. Это уже после войны в нашем регионе, согласно Сталинскому плану преобразования природы, появились лесозащитные полосы. Кстати, к посадке лесополос было привлечено все население Ершовки от мала до велика, в том числе и мы – дети школьного возраста.

Название нашего села, вероятно, происходило от фамилии боярина Ершова, который владел ранее этими землями и имел довольно крупный конезавод. Но мы, дети, тогда еще ничего об этом не знали. В те времена ни у кого из нас не вызвали интереса вопросы места своего рождения, своего происхождения и происхождения родителей, дедов и прадедов.

Село наше когда-то было большим крестьянским поселением с православным храмом, семью или восьмью двусторонними улицами, приходской школой, земской больницей с родильным отделением и народным домом. Здесь жили в свою бытность беглые казаки преимущественно с русскими и украинскими фамилиями, изредка встречались семьи белорусского и польского происхождения. Постепенно они превратились в обычных крестьян и занимались земледелием и животноводством. Многие работали по найму на конном заводе.

А земли здесь были богатые. Через нашу местность в сторону Саратова с воронежской стороны проходил пласт черноземных земель. Селяне строили хаты-мазанки, крытые соломой.

Во время революции и гражданской войны барская усадьба была разорена и сожжена, конезавод разграблен, а конезаводчик бежал за границу. В период коллективизации конезавод перешел в полное распоряжение колхоза, который занялся разведением племенных лошадей и превратился в крепкое и прибыльное хозяйство.

Папаня работал в этом хозяйстве объездчиком лошадей и главным правленческим конюхом. Он дважды служил в армии в кавалерийских частях: первый раз – в

гражданскую войну, второй – в финскую кампанию, хорошо знал коневодческое хозяйство, был лихим казаком и страстно любил псовую охоту с борзыми. В то время он имел две собаки: Оригинала и Летку.

Оригинал как все породистые псы из русских борзых был довольно крупным псом крепкого телосложения, с широкой грудью, поджарый, с умными карими глазами, имел мягкую, волнистую, в крупном завитке шерсть светло-палевого окраса и был довольно спокойным.

Его подруга Летка была в холке несколько ниже, зато породистая и темпераментная. Ее задорную узкую морду венчали крупные карие глазищи и вечно настороженные маленькие острые ушки. Грудь у нее была неширокой, но хорошо развитой. Бросались в глаза узкая талия и длинный, саблевидный хвост. Была она однотонного темно-палевого окраса.

Обе собаки были нашими любимицами и жили в семье на равных правах. Папаня хорошо заботился о своих питомцах и холлил их. Часто расчесывал им гривки, после каждой охоты мыл им лапы теплой водой, периодически выстригал шерсть между пальцами и стриг когти.

Когда папаня уходил на военные сборы, он всех нас крепко расцеловал и, повернувшись к маме, сказал:

– Ивановна, береги детей. Ни в коем случае не обижай их. И еще прошу – по возможности сохрани собачек.

Маму звали Анной, и она была на девять лет моложе папани, но он всегда уважительно называл ее «Ивановна».

Собак на время проводов, чтоб они не увязались за хозяином, накрепко закрыли в закутке, крытом соломой. Вечером, когда село угомонилось, псы, прорыв в соломе ход, выбрались на крышу сарая и, повернув свои морды в сторону, куда удалился их хозяин, вдруг заунывно завывали, разбудив всех домочадцев и соседей.

Через час с небольшим к нам пришла соседка – мудрая бабка Агафья, у которой вместе с нашим папаней был призван старший сын, и сказала маме:

– Не к добру это, Нюра! Собаки беду чувствуют, стало быть, война будет. Увидят ли псы живыми наших мужиков?

– Не болтай, старая. Помоги мне лучше собак угомонить.

Они вышли во двор к закутку и долго что-то внушали псам, чтоб те умолкли.

Этот день крепко-накрепко врезался в мою память.

В течение недели собачки еще несколько раз принимались громко и протяжно завывать посреди ночи. Это были звуки не

из приятных, мы тревожно просыпались и долго не могли заснуть. Недели через полторы-две псы утихомирились и стали тосковать по хозяину молча.

Однако предчувствие собак оказалось вещим: ни до начала войны, ни в течение нее ни наша семья, ни бабка Агафья не получали никаких вестей о судьбах своих родичей.

С начала войны жизнь наша словно бы перевернулась. Мужское население призывного возраста в первые же недели было мобилизовано на фронт. В колхозе остались работать в основном женщины, дети и немощные старики. С конного двора забрали всех ездовых лошадей, остались только выбракованные клячи.

Брат Виктор тут же заменил папаню и с раннего утра до позднего вечера пропадал на конном дворе. Мама, чтоб заработать побольше трудодней, вынуждена была нести двойную нагрузку и дома, и на работе. Ведь в деревнях, в колхозах продовольственных карточек не было – они были не положены.

Мы с сестрами были несовершеннолетними и предоставлены самим себе в холодной хате, где зачастую было нечего есть. Хорошо, что в хозяйстве осталась корова, которая нас и спасала. Корову мы берегли и лелеяли. Не удивительно, что когда мои сестры выросли, они стали знатными доярками и телятницами.

Наше село в первый год войны находилось далеко от линии фронта – до нас еще не докатились бои, на нас пока не падали бомбы. Но мы знали о страданиях тех, кто прибыл к нам из оккупированных районов. Эти люди подробно рассказывали о своей горе, которое принесла им война, о том, как гибли и «пропадали без вести» наши солдаты. Когда рассказывали такое, становилось тяжело и страшно и нам, в ту пору малым детям, и нашим родителям, и нашим матерям. Ведь в начале войны почти в каждой семье кто-то «пропал без вести». Отправив такое извещение, государство не помогало этим семьям, не помогало детям, оставшимся сиротами без «пропавших без вести» отцов.

У каждого из нас, детей военного времени, остались в памяти голод, холод и нищета. У каждого из нас, переживших войну, свои воспоминания. Но когда такое вспоминается, сразу становится и холодно, и голодно, и тоскливо.

Если первый год войны мы относительно сносно пережили, имея кое-какие запасы продуктов, то с весны 1942 года стало невыносимо тяжело. Не осталось ни муки, ни крупы. Топить печь было нечем. Брата Виктора призвали в армию и отправили на фронт, и наш дом без мужиков совсем осиротел.

Весеннюю страду колхоз завалил. Некому и не на чем было пахать. Остатки тягловой силы к весне иссякли. Многие лошади пали от хронической бескормицы. Их тут же пускали в расход, и тот, кому повезло оказаться рядом, получал куски конины. Нам тоже иногда перепали небольшие кусочки, которые приносил наш брат, пока не ушел на войну.

Так и получилось, что обширные посевные площади в колхозе остались не засеянными. Свои же огороды колхозники пахали на коровах. Но мама очень жалела нашу корову, и мы с сестрами, как могли, расковыривали землю лопатами и мотыгами. Кое-как нам удалось засадить огород картошкой и капустой.

Не получая никаких весточек, мама несколько раз пешком ходила в районный военкомат, до которого было двадцать пять километров, чтобы выяснить, где наш папаня. Там ей отвечали: «Известий нет. Будут – сообщим».

А какими могли быть сообщения? В нашем селе не было ни радио, ни электричества, в темное время свет давали примитивные коптилки. Единственной связью с внешним миром была почтальонша, которой все боялись, потому что та, не переставая, носила похоронки.

Тогда мама обратилась за помощью к местной гадалке, бабке Гайденковой. Та, раскинув карты, долго рассматривала их и затем изрекла:

– Не убивайся Нюра, жив твой Сергей. Карты говорят, что он далеко, «в казенном доме». Кажется, накрепко запертый, даже, может быть, за решеткой. И очень по вам тоскует.

Как она могла угадать такое! И действительно, наш папаня в первые дни войны, находясь в Западной Белоруссии, где возводили укрепления и строили дзоты, со всей командой строителей, вооруженной только лопатами да топорами, был взят в плен. Всех их тут же отправили в глубь Германии, где мой папаня в точности повторил судьбу того солдата, которую так замечательно описал в своей повести Михаил Шолохов. Когда я, будучи уже взрослой, читала его «Судьбу человека», мне казалось, что Шолохов написал литературный портрет своего героя с моего отца.

Весной, как только сошел снег, наша степь моментально расцветилась разнотравьем. Тут-то и наступила для нас, для детей, пора раздолья. Мы разбегались по лужкам, овражкам и перелескам, подбирали любую травку, рано проклюнувшиеся крапиву и лебеду, набирали их охапками, бежали домой, жарили на сковородке и нае-

дались досыта. Затем наступала пора кислицы и сурепки. Эти растения мы рвали целыми снопами и ели сырыми. За ними вырастали купыри и дудель – ешь, сколько хочешь!

От этой еды почему-то вздувало живот, но по-настоящему никто не заболел. И все же все дети как один были бледными и худыми, плохо росли.

Лето 1942 года выдалось жарким, засушливым. Нещадно палило солнце. Земля высохла и превратилась в черную пыль. Высохли травы, и опять стало нечего есть. Мы давно забыли вкус хлеба. На выгонах, где пасли скот, невысохшей осталась одна полынь, которую способны были поедать только овцы и коровы, поэтому и молоко было с привкусом полыни. Старики сокрушались, что не успели заготовить сена, а, значит, для скота наступит бескормица, хотя засеянные пшеницей поля заколосились и стояли высокой стеной, обещая хороший урожай.

Зато с военных полей поступали неутешительные вести, навевая тоску и грусть. В июле поползли слухи, что пал Воронеж и немцы подкатываются к Сталинграду, где живут мамины родители – наши дедушка Иван и бабушка Варвара.

Однажды, ближе к осени, мы вечером сидели на скамеечке у нашей хаты и грелись в последних лучах заходящего солнца, когда вдруг до нас донесся грохот с той, воронежской стороны. Канонада продолжалась до поздней ночи. Это значило, что к нам приближался фронт.

И еще мне припомнился факт, о котором до сих пор больно и тяжело вспоминать, но рассказать об этом все-таки надо.

В колхозах работали за трудодни, которые оплачивались не деньгами, а натуральным продуктом – в основном, зерном: сколько заработал трудодней, столько и получи от доли урожая. Да, но только лишь после того, как будет полностью произведен расчет с государством.

Рассчитывались с колхозниками уже глубокой осенью, а кушать хочется каждый день. И добрые люди научили маму пойти на стерню пособирать павшие колосья пшеницы, чтобы подкормить своих голодных девок кутьей, приготовленной из целых зерен. Народ в нашем селе был добрым и отзывчивым.

И мама пошла. За весь день она насобирала около килограмма зерен пшеницы. Ведь каждый колосок надо было пролущить, продуть и лишь очищенные зернышки ссыпать в порбочку.

Счастливая и радостная спешила она домой. Она несла упавшие, неубранные

зерна урожая первого военного года.

По дороге домой ее остановил председатель колхоза, ехавший на лошади, – наш совсем не дальний родственник и бывший друг нашего папани. Без зазрения совести он отнял у мамы туесок с зерном и с криками: «Не положено! Воровка!» – развеял его по стерне...

Не с зернышками, а с горькими слезами на глазах вернулась мама к нам, своим голодным детям.

Где-то в конце сентября у нас во дворе объявились бабушка Варвара – мать моей мамы и ее младший сын – наш дядя Саша, которому в то время исполнилось двенадцать лет. Им удалось выбраться из горящего Сталинграда и с огромным трудом добраться до нас. Оба были полураздетые, грязные и не имели с собой никаких вещей.

И мы стали жить шестером в нашей хатенке. У нас в доме была одна кровать, дети спали на полу и на печке. Что мы ели в те осенние дни, не отпечаталось в моей памяти. Вероятно, уже были свежая картошка и капуста.

Никогда не изгладится в моем сердце образ нашего пса Оригинала. Однажды он приволок и положил к ногам мамы большой мешок, набитый хлебными сухарями. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами. Где он взял сухари, мы так и не узнали, но, вероятно, об этом узнал хозяин сухарей. Через неделю после этого события мы нашли Оригинала отравленным и с честью похоронили его на задворках нашего огорода.

А еще через пару недель исчезла и вторая наша собачка – Летка. Ее мы так и не нашли.

Не удалось Ивановне сохранить собачек.

Глубоко врезались в память рассказы бабушки Варвары о ее жизни в Сталинграде.

Они жили в этом городе всей семьей уже несколько лет. Когда началась война, дедушка Иван и его старший сын работали на тракторном заводе, а младший Саша учился в пятом классе средней школы.

В Сталинград война пришла внезапно 23 августа 1942 года. Еще накануне город не считался фронтовым. С огромным напряжением работали все заводы и предприятия, выпускающие военную продукцию. Были открыты магазины, кинотеатры, детские сады, школы готовились к новому учебному году. Жителям по радио сообщали, что бои идут на Дону – почти в ста километрах от города. Официального объявления эвакуации не было, и город не собирался эвакуировать ни предприятия, ни людей.

Ровно в полдень немецкая воздушная

армия внезапно обрушила бомбовый удар на город, в котором не было скопления наших войск. Все усилия немцев были направлены на уничтожение мирно работавшего населения.

Сотни самолетов, лавина за лавиной, сбрасывали бомбы, планомерно уничтожая жилые кварталы один за другим. Нет слов описать, какой ужас испытали жители города. Все пылало, трещало, взрывалось. Бомбежка уничтожила более половины домов города, который в одночасье превратился в громадную территорию, покрытую горящими руинами. Никто и никогда не сможет подсчитать, сколько мирных сталинградцев погибло в те часы в городе, задохнулось в подвалах обрушившихся зданий и в земляных убежищах, сгорело заживо в домах.

Бабушкин дом был разрушен, и бабушка с дедом и Сашей поселилась в подвале соседнего полуразрушенного дома. Дедушка сильно заболел, у него случился сердечный приступ, и он слег, но возможности лечиться уже не было.

Только на следующий после бомбардировки день в городе было объявлено запоздалое постановление об эвакуации немощных и раненых на левый берег Волги. Все граждане, включая женщин и детей, были направлены на строительство траншей. Оставшимся в городе и взрослым, и маленьким сталинградцам пришлось пережить голод, холод, гибель родных и близких. Все вместе копали окопы и противотанковые рвы, вместе переоборудовали школы под госпитали и ухаживали за ранеными, вместе тушили «зажигалки» — зажигательные бомбы.

Так в дни обороны города оборвалось детство сотен тысяч сталинградских детей и подростков. Случалось, они наравне со взрослыми участвовали в боевых действиях, ходили на передовую и в разведку.

Когда началась планомерная эвакуация мирного населения, семья бабушки оказалась нетранспортабельной. Дедушке с каждым днем становилось все хуже и хуже, а дядя Иван Иванович был со всеми другими заводчанами переведен на казарменное положение.

Немецкая авиация закидывала бомбами оставшиеся неразрушенными дома и заводские цеха. Бомбардировки продолжались каждый день, и Сталинград горел день и ночь. По Волге плыла горевшая нефть. Не было ни лекарств, ни еды, ни питья, и не от кого было ждать помощи.

12 сентября, накануне предпринятого фашистами штурма города, дедушка умер. Бабушка и Саша вместе с соседом по

подвалу завернули труп деда в байковое одеяло, вытащили из подвала, положили на дно воронки, образовавшейся от взрыва бомбы, и засыпали могилу щебнем и битым кирпичом.

А вокруг рвались бомбы и снаряды. Ужас бомбежки был таким, что, не возвращаясь в подвал, не взяв никаких вещей, они побежали к берегу Волги, которого из-за дыма не было видно, хотя он был совсем близко.

Вокруг были слышны крики обезумевших от ужаса людей. На узкой кромке берега скопилось много народа. Раненые лежали на земле вместе с мертвыми. Над их головами летели горящие обломки каких-то строений. По Волге лились горящие потоки нефти, как будто река горела...

Но, видно, над ними витал ангел-хранитель — их не убило и даже не ранило. У самой кромки воды сквозь дым они разглядели небольшой буксирный пароход. Едва они поднялись по трапу, как тот отошел. Он перевозил раненых, но наших родных тоже взяли как беженцев. Так бабушка Варвара и Саша через несколько дней добрались до своей малой родины: где пешком порядком, где автостопом.

Бабушкины рассказы про бомбежки и гибель ни в чем не повинных людей вызывали у нас ужас: в Сталинграде гибли наши ровесники, такие же дети, как мы. Сколько их погибло — кто сосчитает?.. По сей день у нас, детей войны, не уходят из памяти описываемые события и кажутся недавними, а оттого еще более жуткими.

Очень яркими остались в памяти воспоминания о том, как через наш населенный пункт стали проходить части Красной Армии, готовящие разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Сейчас это известный факт, что еще в сентябре 1942 года Ставка начала подготовку мощного наступления наших войск, чтобы разгромить фашистов под Сталинградом. Замысел военных состоял в том, чтобы тайно собрать наши войска на Дону и в Заволжье, а потом ударить по немцам, окружить их под Сталинградом и уничтожить. При этом нужно было тщательно соблюдать маскировку. К затерянным иногда прямо в голой степи полустанкам подходили эшелоны с солдатами и техникой, выгружались и шли к месту назначения через степь маршем или колоннами грузовиков и танков. Часть этих войск прошла через наше село.

Мне шел уже седьмой год. У меня выпали передние молочные зубы, а постоянные еще не прорезались, поэтому я была щербатой и шепелявила. Но то время я хорошо запомнила.

Руины Сталинграда. 1947 год.

Это произошло в середине ноября. Зима в этом году началась рано, выпал снег. Мне почему-то невыносимо захотелось увидеть маму и пожаловаться ей, что я очень хочу есть. Я разыскала старую дырявую шаль, закутала ею голову, надела старую мамину кацавейку, обулась в растоптанные мужские ботинки. Другой одежды и валенок у нас не нашлось.

В таком виде я и отправилась на конный двор, где работала мама. Когда я ввалилась в сторожку, она ахнула:

– Ты, Дева Пресвятая, как вперлась сюда?

– Мне показалось, что вы здесь варите кашу и мне дадите немножко.

– Ах ты, дитя неразумное, если б мы здесь варили кашу, то разве я не принесла бы ее домой?..

И мама тихо заплакала.

В этот момент над выгоном, который широко раскинулся перед хозяйством, на низкой высоте появился двукрылый «кукурузник» с большими красными звездами на бортах. Самолет сел на пустыре и стал медленно подкатываться к хозяйственному двору, где и остановился, заглушив мотор.

Такое чудо в нашем селе свершилось впервые. Никто из односельчан не видел так близко аэроплана. В тот же момент из домов к самолету побежали люди. А я оказалась к «кукурузнику» ближе всех и тоже

побежала. Я была шустрой и, несмотря на малый рост и большие ботинки, подбежала к самолету первой.

Это было моей первой в жизни победой.

Из самолета вышли трое военных. Двое что-то осматривали, сравнивали с картой и делали на ней отметки карандашом, а летчик схватил меня в охапку, обнял, прижал к груди и спросил:

– Как тебя зовут, деточка?

– Маруся, – отвечаю.

– Как называется твоя деревня?

– Это не деревня, это село. Называется Ершовка.

– Где твои папа и мама?

– Папаня на войне, окопы роет, а мама вон там, на конном дворе работает.

– Ну и ну, да ты, оказывается, совсем щербатая. Где твои зубки?

– Выпали. Говорят, новые вырастут.

– Ты, наверное, с мамкой спишь. Не спи с ней, а то она тебе остальные выпер..т, – и громко захохотал над своей шуткой. А потом пошарил в карманах, достал две карамельки, отдал их мне и поцеловал меня.

– Спасибо, – только и смогла сказать я ему в большом смущении. А потом повернулась и убежала к своей маме.

Утром в село вошли люди в белых маскировочных халатах. Это были наши солдаты. Они были похожи на ангелов, спустившихся с небес. Оказывается, и самолет, и солдаты в белых маскировочных халатах были разведчиками, прокладывающими путь для наших наступающих войск.

Еще через день, когда я проснулась и взглянула в окошко, то увидела, что все улицы и дворы заполнены техникой, грузовиками и, как мне показалось, тракторами, которые были затянуты белыми чехлами. Потом Саша сказал, что эти трактора называются танками. Раньше танков никто из нас, ершовских ребят, не видел.

Во дворе нашего дома разместились военные. Даже в огородах стояла их техника. Наша бабушка подрядилась варить им кашу и печь блины. Они подкинули нам топлива для печки, выдали крупу и муку.

Это была роскошная жизнь!

В хате стало тепло. Нам, детям, время от времени кое-что перепало: солдаты и офицеры были с нами ласковыми и добрыми. В короткие минуты отдыха они садили нас на колени, гладили по голове и обязательно чем-нибудь угощали. Я настолько осмелела, что иногда пела им где-то слышанную мной частушку:

Эх, солдатик-солдатенок,

И винтовка на плече,

Пожалеть бы мне тебя...

Это вызывало у них бурный восторг, и

они награждали меня кто аплодисментами, а кто и карамелькой. Мне тогда казалось, что это тоже моя победа, как будто это я их привела для защиты нас от врага.

Поколение детей военной поры рано повзрослело и рано осознало свой долг. Мы стремились сделать все, что было в наших силах, чтоб помочь сражающейся Родине, как ни высокопарно сегодня это звучит. Но такими мы были – дети военной поры, живущие на сталинградской земле.

Воинская часть простояла у нас не больше недели и в одну из ночей вдруг тихо исчезла, будто испарилась. В следующую темную ночь в селе появился целый кавалерийский полк, который простоял два дня и так же исчез темной ночью.

А еще через пять-шесть дней мы узнали, что наши войска перешли в наступление и освободили город Калач.

Мы, дети, радовались, что в этом сражении участвовали знакомые нам солдаты. Моя бабушка кормила их своими блинами, а я веселила их своей песенкой.

Так началось освобождение сталинградской земли от ненавистного врага.

В начале февраля, когда объявили о полном разгроме немцев под Сталинградом, бабушка собралась к себе домой. Нужно было найти временную могилу дедушки и похоронить его, как положено по христианскому обычаю.

Однако когда бабушка в конце марта вернулась в Сталинград с Сашей, она не нашла ни того подвала, в котором они спасались от бомбежки, ни следов дедушкиной могилки, ни развалин своего дома. Площадь около бывшего тракторного завода представляла собой сплошные руины, где уже начались восстановительные работы. Все мертвые тела – немецкий ли это был солдат или русский горожанин – свозились в общие захоронения.

Только через год бабушке удалось выяснить, что ее старший сын Иван Иванович вместе с оставшимися в живых рабочими тракторного завода был эвакуирован на левый берег Волги, ранен во время эвакуации, а после госпиталя ушел на фронт и погиб под Ленинградом.

Бабушка часто рассказывала нам, как они восстанавливали Сталинград. Первые полгода им пришлось жить и в землянке, и в полуразрушенном блиндаже, и в подвале, и на лестничной площадке восстанавливаемом

мого для жилья дома. Не работали электростанция, водопровод, канализация. За водой ходили на Волгу. Несмотря на это, горожане возвращались на свои пепелища.

Возрождение Сталинграда и завода началось с восстановления и строительства школ. Людям негде было жить, но они прежде всего отстроили школу, в которую осенью пошел учиться пятиклассник Саша. Замечательно, что сталинградцы на первое место поставили заботу о детях. Они собрали всех осиротевших детей, начали постройку детских учреждений: детских домов, школ, детских садов. Все население города хорошо понимало, что дети – это будущее страны!

Мы же, оставшиеся в своей богом спасенной Ершовке, на которую во время войны не упала ни одна бомба, продолжали жить в своем колхозе и ждать своего папаню.

Мы с сестрами стали на год взрослее. Сестра Рая пошла работать дояркой, а мы с сестрой Шурой старались помогать маме по хозяйству.

Однажды мы с Шурой обнаружили в закутке старую, заношенную кавалерийскую фуражку отца и стали ее нюхать, приговаривая:

– Как дюже папаней пахнет!

Мама это услышала, сразу заплакала и пошла опять к ворожее. Та раскинула карты да только и сказала:

– Жди, Нюрка! Скоро получишь известие.

И правда, после дня Победы, где-то в середине мая, мы получили солдатский трюгольник. Папаня писал коротко: «Жив, возможно, скоро буду дома. Всех целую».

Радости нашей не было предела! Мы бегали по улицам и громко объявляли соседям, что наш папаня жив и скоро приедет домой. С тех пор наши взоры постоянно были направлены в сторону дороги, откуда должен был появиться папаня.

В деревню постепенно стали возвращаться с войны мужики. А нашего папани все не было. Мы уже стали терять надежду на его возвращение. И вот однажды в середине октября после полудня мы с Шурой увидели, как по раскисшей дороге в сторону нашей хаты идет мужчина в плащ-палатке. А в руках у него – два огромных камышинских арбуза. Это шел наш папаня...

Как мы его встречали, как жили в последующие послевоенные годы, – это уже совсем другая история...

ПУБЛИЦИСТИКА

Серафима ПУШИНА-БЛАГИНИНА

журналист, поэтесса,
член Союза писателей России,
Канарские острова

ВЕЛИКОМУЧЕНИКИ

В пору своего президентства Дмитрий Медведев призвал россиян интересоваться своими корнями, уточнить свои генеалогические древа. Похоронив в 2009–2010 годах восьмидесятилетнюю маму и ее сестру семидесяти одного года, я опередила этот призыв. Поскольку я была их единственной наследницей, пришлось мне собирать документы-доказательства в архивах и загсе Завьяловца и Ижевска. И узнала я такое, что несколько месяцев не спала, а потом и инсульт схлопотала. К слову сказать, человек десять из известной мне родни по женской линии умерли с этим диагнозом.

И было отчего.

Вначале об истории моего деда Орлова Якова Андриановича, который в 1941 году рядовым был призван Завьяловским райвоенкоматом. В Книге Памяти Завьяловского района на странице 342 об этом написано – единственное, что осталось о деде.

Будучи и школьницей, и уже взрослой, я никак не могла понять, почему похоронка на него пришла из Челябинска, если войны там не было?..

Живя во Владивостоке и гуляя с коляской, в которой был мой маленький сын, я разговорилась с женщиной, которая гуляла с внуком. Была она родом из Челябинска. Оказывается, близ Челябинска был подземный урановый завод, называемый «сороковкой» (или построили в «сороковые-роковые», или потому что в сорока километрах от города). Трудились там, ко-

нечно, и зэки. А отправлялись туда не все, а из «врагов народа», чтобы успели перед смертью пользу принести стране, которая их сделала врагами.

С войны дед, может, и вернулся бы героем, но умирали «на уране» через три месяца, максимум – через год. Потому и похоронка от 41-го года. Смотрела замечательный фильм «Штрафбат», читала кое-что о штрафниках: они мне показались избранными счастливыми по сравнению с моим дедом.

«Врагом» дед был потому, что его отец Андриан Орлов в 30-м был раскулачен, сослан в Сибирь и умер в Иркутске в 1943 году. Вместе с ним отправилась и прабабка, имени которой я точно не знаю (чем не декабристская жена, хотя ее не сослали?). А было у безграмотного вотяка сто тридцать пять гектаров земли (входил туда и Кенский лес), молотилка, шерстобитка. Полны амбары. Было, наверное, и золото. Скорей всего, земля была получена еще прапрадедом после отмены крепостного права (если прадед родился году в 80-м позапрошлого века, то так и получается).

То есть башковитые и работающие были мои предки – никто больше в округе столько земли не имел. В журнале «Кенеш» я опубликовала фото прадеда и копию из архива о реабилитации, потому что не все хотят верить этим фактам.

После окончания срока отсидки они вместе с двумя детьми были отпущены, но

Мой прадед Андриан Иванович Орлов. 1930-е годы. д. Старые Кены.

домой так и не вернулись. Говорят, что репрессированные зарабатывали неплохие деньги (за столько-то лет да при неумении плохо работать!). Вот их-то по дороге (скорей всего, по наводке) у них и отняли вместе с жизнями.

Бабушка Акулина Елизаровна, сноха прадеда и жена деда, работала в войну конюхом и ездила в Сарапул менять золотые монеты на муку. С трудом себе представляю, как она умудрялась работать, ходить за огородом и скотиной, поднимать девятилетних детей! Столько их осталось после деда. Бабушка мне хвастала, что она одна в войну держала в хозяйстве корову, иначе бы все дети умерли. Осталось двое – мама и тетя.

Про брата Гришеньку мама не раз, плача, рассказывала. Однажды бабушка уехала куда-то и оставила малютку у сестры деда Якова тети Клавы. Дня через два малыш внезапно и тихо умер. Тетя Клава не выдержала и покаялась: Гришенька еще не ходил, начинал лишь ползать и, на свою беду, дополз до края печки, где лежал, а высота печки метра полтора-два. Не доглядели...

Всех имен своих братьев и сестер мама и не помнила. Царство небесное тете Лизе, тете Рае, всем моим дядям и тетям. Сейчас на Завьяловском кладбище у меня целый пантеон.

При стольких детях я была единственной бабушкиной внучкой. И любила она меня за десятерых внучат. Я с первого класса училась в Ижевске. Мне было двенадцать, когда она в пятьдесят семь лет умерла от инсульта. И дома, и на кладбище во время похорон я рыдала страшно. Теперь она

лежит рядом со своей сестрой тетей Машей Загуляевой, с мамочкой и тетей Ниной.

Ни разу никому не упоминала следующее. Тому, что я сейчас живу на Канарских островах (Тур Хейердал называет эти острова единственным местом в мире, где идеальный климат), я обязана и прадеду. Его труд до сих пор помогает его потомкам.

Дело в том, что тетя Нина в 1964 году продала кенский дом и переехала в Ижевск. Продала она его за две тысячи рублей. А строил его прадед в начале прошлого века. Году в 1955-м бабушка только «перетряхивала» его, делала ремонт. На эти деньги, добавив, тетя купила в Ижевске дом под снос. В него, студенткой, прописалась и я. В результате в 1991 году мы с тетей получили две новые квартиры. Свою она успела подарить мне еще при жизни.

Продала я ее и свой огороды, мамин дом и квартиру. Были и свои накопления – в нашем роду никогда без заначек не живут. И переехала на Канары. А свою квартиру подарила сыну.

В противовес молоху Сталина и Берии, которые отняли у моей родни все, в том числе и жизни, Господь Бог вернул нам все сторицей. Пусть душам предков станет от этого легче.

Поведаю историю еще одной родственницы – Марии Орловой. Она была женой брата Андриана Дмитрия, которого тоже сослали. Всего у них в родне на тот момент было двенадцать мужчин. И трудились они от зари до зари. Я подсчитала: каждому приходилось гектаров по десять земли обрабатывать. Нынче фермеры с техникой, наверное, меньше потеют.

Когда молодая семья строила отдельный от Андриана дом, тетя Маша наравне с мужчинами поднимала бревна и надорвалась: позвончик. Нынче с такими недугами Касьян и прочие справляются. Тетя Маша лежала, не поднимаясь, больше тридцати лет. Пенсия ее (по инвалидности, за отнятый дом и сосланного мужа) составляла сначала девятнадцать, потом тридцать рублей. Часто она плакала: «Если бы я ходила, я бы вместе с любимым Митрием уехала...».

Жили они с тетей Клавой в бывшем амбаре, потому что изъятый дом поставили в школьном дворе. Жили бедно, только огород и скотина их кормили. Бывший директор школы учитель истории Протопопов на коленях просил прощения у тети Маши за то, что сотворила советская власть. Директор был хорошим человеком, он не был виноват. Он просто жил в этом доме.

Только став взрослой, я поняла, почему постель тети Маши была с открывающейся крышкой. Это был ларь для муки. Там она

прятала от нас, ребятишек, конфеты и пряники, которые покупала для нас же в день получения скудной пенсии...

Два года назад я в третий раз была в гостях у телепередачи «Мылысь-кыдысь». Ведущие тогда меня спросили: правда ли, что известный удмуртский писатель Иван Дядюков мой родственник? Он был дважды нашей родней – и в начале, и когда женился на дочери тети Маши и дяди Дмитрия Оксинье-апай.

Мало кто знает, что Иван Дядюков воевал и в чапаевской дивизии, и за белых. Из его произведений (удмуртский язык и литературу я ни дня, ни часа не изучала, потому что училась в Ижевске, Казани и Москве, – сама освоила) я знала, как его деревня Бабино (Ожмос по-удмуртски) в гражданскую войну чуть ли не ежедневно переходила из рук в руки. Крестьяне припрятавали еду, самогон, живность и для красных, и для белых. Кто из страха, а кто и из идейных соображений.

Потрясающий вывод я сделала, прочитав в 1995 году первую в удмуртской литературе повесть «Пашка Педор» («Павел Федорович»). В ней Дядюков описал характер и поступки, присущие всему нашему роду. Речь в повести идет о бедняке, от которого помещик требует выплаты долга. Хотя, какой долг? Он пахал на мироеда день и ночь за похлебку. А имущества у него – дом-развалюха, упавший забор да десять босых ребятишек. На сделку он не идет, говорит: «Пори, забей до смерти!». Пашку запороли, но он не сдался, не упал на колени: он победил.

Пашка Педор, мои прадеды, прабабки и деды и я в их числе – мы все такие: нас не согнуть, не победить! За правду против любого зла и несправедливости мы пойдем против любых супостатов. Предки наши отдали за это жизни. Перед Богом они ни в чем не повинны. Они – великомученики.

Мы, их правнуки, гордимся, что Бог нам дал трудолюбивых родственников, не пьяниц, не лентяев. В нашей родне был начальник Первомайского уголовного розыска, дочь Ивана Дядюкова была кандидатом наук (немецкий язык), две мои троюродные племянницы живут в Испании, их

Известный удмуртский прозаик и поэт Иван Тихонович Дядюков (1896–1955).

старшая сестра, имеющая два высших образования, – владелица магазина в Ижевске. Я стала писательницей, поэтессой, журналисткой, чтобы поведать историю своей семьи землякам, знакомым и незнакомым читателям.

В тридцатые годы были репрессированы и сосланы, погублены без вины более двадцати пяти миллионов человек из самых трудолюбивых семей страны. Какой могла быть Россия, если бы не советская власть!..

Понимаю, что все творится по воле Божьей. Понимаю. Но, Господи, помоги мне, грешной, понять, почему моих предков сгноили, расстреляли, на уране сгубили, а потомки некоторых россиян нынче в моих Старых Кенах кладут асфальт во дворах коттеджей, построенных на нечестные миллионы, на земле, которая полита кровью и потом моих родных!

РЕЦЕНЗИИ

Татьяна ДУШЕНКОВА

старший научный сотрудник
отдела филологических исследований
УИИЯЛ УрО РАН,
г. Ижевск

ЛОПШО ПЕДУНЬ И ИВАН ДУРАК

Волею случая мне в руки попала рукопись книги Вольэга Иники «Сказание про Лопшо Педуня и его друга Ивана Дурака». Открыв папку, я была удивлена – передо мной лежали чистые листы. Оказывается, автор намеренно перевернул страницы, чем еще более заинтриговал меня.

Это была новая работа Н. Бехматова (псевдоним Вольэг Иники). Он является автором книг «Гордое племя» (1993), «Юсьёс но кучьёс» (1995), «Песня огненной реки» (2007). На мой взгляд, все они написаны в жанре фэнтези с этническим уклоном. К сожалению, эти книги остались не замеченными ни критиками, ни читателями. Лишь в журнале «Инвожо» № 9 за 1997 год появилась заметка Г. Кириллова об обилии диалектной и архаичной лексики в романе «Юсьёс но кучьёс». А книги действительно стоят внимания, и странно, что до сих пор они остаются не востребованными.

С первых строчек новая книга интригует читателя тем, что главный ее герой Лопшо Педунь просит отсрочки у богини смерти Мары. Сразу задаешься вопросом: зачем ему это надо? Вероятно, мы станем свидетелями какого-то переломного момента в жизни героя, а он станет носителем определенной миссии.

Уже в первых книгах автора чувствовалось влияние гиперборейской/арийской теории, а также некоторых идей теософского плана и мыслей из «Тайной доктрины» Е. Блаватской. Автор также имеет дружеские отношения со Львом Прозоровым (Озаром) – нашим земляком, автором книг на исторические темы.

Новая книга Иники – не сказание в традиционном виде, которое предполагает более высокий стиль и некую временную отстраненность, а, скорее, похождения или приключения Лопшо Педуня и его друга Ивана Дурака (сравните «Похождения бравого солдата Швейка» Карела Чапека). Хотя для современной литературы «ломка

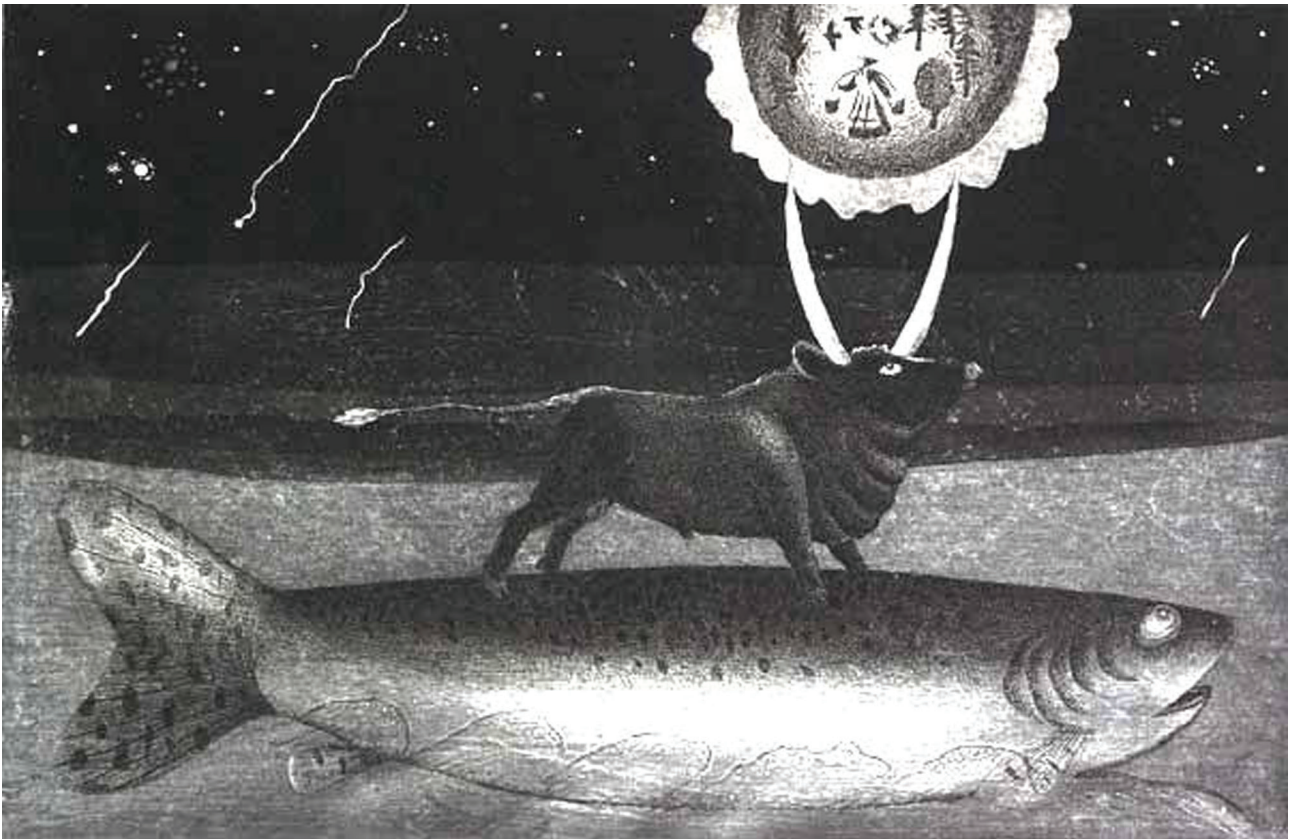
и эксперименты в области жанра вполне естественны.

Герои «Сказания...» наделены определенной миссией – спасти человеческую цивилизацию и наказать грешников. Но не всегда идея глобального спасения сочетается с делами героев. Читая «Сказание...», часто ловишь себя на том, что это уже встречалось в произведениях классиков: в «Истории одного города» и некоторых сказках М. Салтыкова-Щедрина, в «Записках охотника» И. Тургенева (глава «Охота за русалками»), в «Собачьем сердце» М. Булгакова, в сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Л. Филатова, в повести «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева и романе «Русская красавица» Вик. Ерофеева.

В гендерном аспекте – это чисто мужской текст, где разговор начинается с глобальных тем и завершается быденными. Женская аудитория, на мой взгляд, такой текст не примет, но это мое субъективное мнение.

Автор намеренно выбрал известных сказочных героев Лопшо Педуня (он же Федор Иванович Лапшин) и Ивана Дурака (он же Иван Иванович Иванов). Несомненно, что эти образы обладают определенной культурной коннотацией. Образ Лопшо Педуня у Н. Бехматова получился ярким и незабываемым, как у П. Захарова в рассказе «Как Лопшо Педунь рыжим стал». Именно таким его изобразил удмуртский народ: балагуром и весельчаком, ловким и сообразительным человеком, который с легкостью может перехитрить скупого хозяина, проучить невежу и лодыря, потому что сам он – человек труда.

Лопшо Педунь в удмуртском фольклоре возник поздно, вошел в сказки, стал примером юмора, а юмор, как известно, признак нравственного здоровья нации. Обнаружила Лопшо Педуня одна из первых фольклорных экспедиций Удмуртского научно-исследовательского института. Известно, что исторический прототип Лопшо Педу-

Сотворение мира. Народный художник Удмуртии Менсадык Гарипов.

ня – Федор Чирков – родился в 1875 году в Игринском районе в деревне Левая Кушья. Согласно легенде, ему удалось познать секреты жизни. По преданию, когда-то у удмуртов была Священная книга, по которой они строили свою жизнь. Со временем она была утеряна, а листочки Священного учения разлетелись по всему свету. Во время очередного хождения по родне Педунь нашел одну из страниц этой мудрой книги, на которой было написано: «Не принимай все близко к сердцу, на все смотри весело, и удача не обойдет тебя». С той поры любая работа в его руках спорилась, и стал он источником неистощимого юмора, остроумия, житейской хитрости.

Лопшо Педунь у Н. Бехматова становится провидцем (с. 47), сказителем, вещуном и пророком, провозвестником (с. 52), совестью (с. 56). В «Сказании...» он имеет уже сто одиннадцатое воплощение на земле. Он вместе с другом совершает магические ритуалы защиты от колдовства и нечисти, не раз впадает в состояние транса и получает нужную информацию. Кроме того, автор наделил его и чертами авантюриста. (К.И. Куликов. Мятежный царедворец и небесский самозванец. Инвожо, 2006, №№ 8-9. С. 51-55).

Его друг Иван Дурак играет здесь второстепенную роль, являясь помощником Лопшо Педуня, сохраняя национальные и фольклорные черты и не раз ругая Лопшо Педуня за балаганное позерство.

Н. Бехматов умело держит в руках нить повествования, лишь иногда уходя в теософские рассуждения. Лихо закручен сюжет книги. Прочитав первую часть, с нетерпением ждешь, что же будет во второй. На мой взгляд, здесь не нужно хронологических привязок, ибо они никакого отношения к общей повествовательной канве не имеют, так как события могли иметь место как в далеком историческом прошлом, так и в наши дни (китайские браконьеры, пирожки из псины и так далее). Действие в последних двух главах (седьмой и восьмой) происходит в Ижевске и Сарапуле в 1912 году. Имеют ли они историческую подоплеку – сложно сказать.

Слог двуязычного писателя Н. Бехматова как на удмуртском, так и на русском языке отличается определенной сложностью. Писатель предпочитает большие синтаксические конструкции, залихватски заворачивает их в периоды, осложняет множественностью определений, приложений, синонимов и однородных членов; осознанно вводит устаревшую лексику и архаизмы. Речь балагура и весельчака Лопшо Педуня часто пестрит сниженной лексикой и сленгом.

Несомненно, рукопись нуждается в хорошей редакторской правке, а также в авторском редактировании. И все же новая книга Н. Бехматова обязательно найдет своего читателя, ведь уже само ее название никого не может оставить равнодушными.

РЕЦЕНЗИИ

Виктор ШИБАНОВ

доцент кафедры удмуртской литературы
и литературы народов России ФУдФ,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России,
г. Ижевск

НОВАЯ КНИГА О ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ПЕТРОВА

*Роза Кириллова. Мифопоэтика в поэзии
Михаила Петрова: монография. Ижевск:
Издательство «Удмуртский универси-
тет», 2013.*

Вопросы изучения творческой индивидуальности крупных мастеров слова привлекают внимание исследователей национальных литератур уже давно. Творчество Михаила Петрова (1905–1955), автора широко известного романа «Старый Мултан» и поэмы «Италмас», до настоящего времени рассматривалось в основном с идеологических и социологических позиций, что было требованием своей эпохи. Поэтому проблема объективного осмысления феномена поэта в свете современных теорий, решаемая Р. Кирилловой в книге, имеет неоспоримую значимость не только для удмуртского, но и для всего финно-угорского литературоведения России. Интерес вызывает исследовательский подход – в аспекте мифопоэтики, что позволило автору подойти к изучению творчества М.П. Петрова с новых позиций.

В книге прослеживается достаточно основательное знание работ известных удмуртских исследователей: Ф.К. Ермакова, З.А. Богомоловой, А.А. Ермолаева, В.М. Ванюшева, А.Г. Шкляева, А.С. Измайловой-Зуевой и многих других. Роза Владимировна редко вступает в полемику с мнениями ученых (за исключением, может быть, автора этой рецензии), что объясняется, на наш взгляд, сознательной авторской установкой, однако не говорит об отсутствии самостоятельных выводов.

В первой главе – «Становление поэтической индивидуальности М. Петрова» – внимание сосредоточено на биографических данных поэта, которые проецируются на специфику его мировосприятия. В следующей главе убедительно показано, что именно в символах и архетипах М. Петрова наиболее ярко отража-

ется национально-стилевая специфика его лирической системы, что именно в традиционных растительных, зооморфных символах, цветовой символике, наполненных индивидуально-авторским содержанием, выявляется ментальный уровень.

Р. Кирилловой удалось достаточно конкретно и убедительно выстроить систему ценностей поэта, раскрыть его нравственный и философский взгляд на жизнь через изменение семантики поэтических образов. Детальный анализ символов и архетипов отражает творческую эволюцию поэта и доказывает, что «социалистические по содержанию стихи М. Петрова оказываются по структуре намного богаче, сложнее и многограннее, чем диктуемая временем соцреалистическая эстетика».

Анализ поэм М. Петрова в третьей главе тоже отличается новизной подхода и оригинальностью суждений. Так, поэма «Наташа» впервые сопоставляется с известной чувашской поэмой К. Иванова «Нарспи», предлагается новая интерпретация поэмы «Италмас», особенно ее трагического финала.

Книга Розы Владимировны Кирилловой «Мифопоэтика Михаила Петрова...» представляет собой оригинальное концептуальное исследование с продуманной структурой, обоснованным выбором методологии, последовательной и выверенной стратегией решения научной проблемы, нацеленной на анализ поэтического мира удмуртского классика. Ее практическое значение определяется возможностью реального использования ее выводов в обобщающих трудах по истории удмуртской и финно-угорской литературы, в вузовском учебном процессе.

Анатолий РЫБКИН

заслуженный художник
Российской Федерации,
народный художник
Чувашской Республики,
г. Санкт-Петербург

ИЗ ДНЕВНИКОВ

* * *

Я опять в Сибири, приехал в дорогой для меня Красноярск, к добрым, милым друзьям. Правда, в эти дни и ночи нахожусь за Енисеем совершенно один и пишу зимние сонки.

Из чего появляются картины? Что им предшествует? Да из вот таких перелетов за несколько тысяч километров, из таких морозных, звездных или туманных ночей, ночных пробуждений, мелькнувших видений о посаженных яблоньках, о родном лице, от желания вернуться хотя бы на короткое время в родительский дом.

Вдруг вспомнится какой-то звенящей силой солнечной радостью день на Волге, на Неве, на Енисее.

Конечно же, из воспоминаний о детстве. Как барахтался, купался в свежей соломе, привезенной вечером домой на санях на колхозные трудодни отца, снег, огромная круглая луна и осознание, что ты еще ребенок и все хорошо на этом свете.

* * *

Все в этом мире достойно внимания. Обрывки услышанного случайно разговора, музыки или тишины, щербатый пол и отражение на стекле, морщины, похожие на трещинки, на лице уставшего путника – все может дать толчок к размышлению.

* * *

Третий раз поднимаюсь за эту длинную декабрьскую сибирскую ночь. Я один с двумя собаками в охотничьей землянке, кругом горы, черная тайга, черные тени на синем снегу, и над этой покойно-тревожной тишиной – огромная луна...

Всплывает в памяти где-то услышанное: «Разум погубил талант». Художник должен быть наивным.

* * *

В повседневных хлопотах, общаясь с людьми, все мы живем «сегодня». Но иногда ловлю себя прилично опоздавшим «на сей день». Находясь в наступившем дне, оказываюсь в «позавчера». В том, кажется, опаздываю, что накопленное в душе, нужное и пригодное людям нужно было им отдать вчера, а сегодня им уже нужно не это. А что – я не знаю, пока пойму – опять опоздаю.

* * *

Слава Богу, не завелся во мне микроб, который озабочен любой ценой удивить мир. Пусть наивно, но если есть искорка искренности в работах – это уже ценность.

Музыка Баха в деревне. Поздняя осень в тяжелых сумерках (нравится само слово «сумерки», само звучание слова передает состояние). Обострились чувства безвозвратной потери, бессмыслицы желаний, пребывания на обочине жизни. Когда-то испытанное чувство настоящей высоты уже кажется самым сочиненным и не всамделишным.

* * *

Извечная загадка: как узнать и не пропустить то, что называется «счастьем»? То счастье, которое все ищет тебя, а ты его не видишь на расстоянии вытянутой руки. Вдруг неожиданно для себя уходишь в сторону, хватаешь руками воздух с завязанными глазами. Если даже и сердце подскажет, что вот оно, – ты не поверишь, испугаешься неверности его лика...

* * *

Около Технологического института грязный, серого асфальтового цвета человек на шатких пьяненьких ножках пыта-

ется торопиться к трамваю, ждущему его терпеливо на остановке. Человек весь помятый, в горизонтальных складках. Но с тросточкой, в шляпу воткнул веточку с отвислыми зелеными листиками. Ему кажется, что он франт, что он эlegantен. Ему кажется, что все видят его таким, каким изящным он представляется себе в своем воображении. Все мы немного похожи друг на друга. Все мы франты.

* * *

Мастерская наполнилась плотным, неверным, обманным золотистым светом солнца над ржавыми крышами Петроградской стороны. Не заходя в этот свет, отчуждаясь его, смотрю со стороны – какая идиллия и покой в нем! Вот и я в этом свете. Должен бы раствориться в этом тепле и покое, но нет желанного умиротворения. Смутная, необъяснимая вина перед неизвестно кем и неизвестно за что.

* * *

...Тихий августовский вечер, какой-то очень тонкий, туманный и в то же время цветной закат. Во сне не увидишь такую грустную, но живую красоту. Теплый туманный бежевый небосвод, крыло теплой синевы и размазанное розовое по центру. Сумерки густеют, вязнут в них леса и детские голоса с улицы. Глухо падают за спиной яблоки в родительском саду. Все здесь на своем месте. Липа с густой еще, темной листвой, тропиночки на растрескавшейся земле. Сарайчики и банька, поленницы дров. Как уместны и трогательны выплывающие детские воспоминания! Треск кузнечиков, тяжелое жужжание пролетающих шмелей, тьяканье собак. Слава Тебе, Господи, я опять дома.

* * *

Никогда заранее не знаешь, что напишешь завтра. Написал в деревне соседа Константина. По возвращении в Петербург сходил на спектакль Виктюка «Осенние скрипки». И сошло на холсте изначально несовместимое. Мой сосед и сцена театра. Я их скрестил, получился триптих «Мужик российский».

* * *

Занудством несет от картин, похожих по содержанию на назойливо назидательные тексты некоторых весьма известных песенников, которые взяли на себя роль мудрого дедушки и всем нам, неразумным, извергают навязшие в зубах от ежедневного вещания истины. Это и есть обратный, противоположный эффект... Эти картины стареют

и умирают раньше, чем сам автор.

Уважаю художников, которые страдают физическими недугами и пишут жизнеутверждающие, просветленные картины. Они настолько деликатны, что не выставляют напоказ свою внутреннюю боль.

* * *

Ни с того, ни с сего, пока я смотрел на обыкновенный старый, бесцветный глиняный горшок, ясно в голове напечаталось словосочетание, а, может, и название несуществующей пока картины «Масштабы планеты». Это, наверное, не простое, примитивное сопоставление разновеликих предметов. Хотя крохотные предметы могут иногда затмить горизонт. Трещина на старом бревне дома и далекая утренняя звезда для меня всегда существовали вместе. Они соразмерны.

* * *

На всю жизнь осталась в памяти рыбалка. Волга, кромешная, темная, холодная ночь, буря, осенняя неожиданная гроза. Я маленький, а высоченный дядя Михаил обнял меня, и, укрывшись его плащ-палаткой, простояли мы на ногах эту нескончаемую ночь под холодным ливнем. Какая-то покинутая баржа скрипела и не могла оборвать трос, на оранжевый одинокий огонек целились синие молнии. Ничего хорошего в этой ночи не было. Наоборот. Но вспоминается почему-то очень по-доброму.

* * *

Вдоль дороги березы. Посмотрел на них и увидел как будто в первый раз. Фантастически красиво! Ромашки, гениальные по простоте и красоте. Это Россия. Сегодня Троица. С праздником!

* * *

Изобразил я на холсте – в моей мастерской, в Петербурге, выросла и усыпана вся белыми цветами яблоня. Так не бывает в жизни? Но я так хотел, и она есть в картине, а картина – факт, реальность, которую можно увидеть. Значит, цветение яблони в мастерской состоялось. И долго будет цвести...

* * *

Кажется мне, что воздух, окружающий цветы, иного цвета и в нем другой пульс, чем в воздухе, которым дышит камень.

* * *

Неожиданно озаряет просто слово или словосочетание (значит, внутренне я это искал), и пишу работу. То есть не так, как обычно раньше, – написал и с трудом сочи-

Ночь. Свет из окна. Художник Анатолий Рыбкин.

нил нечто, похожее на название. В нем, в этом первом слове, – творческое начало.

* * *

Красноярск. Осень. Дом престарелых, кривые березки. Пишу этюд. Гуляет старушка, медленно приближается, тихо что-то поет. Думаю, может, церковные песни, молитвы. Подходит совсем близко, и слышу: «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя приводил...».

* * *

В реальном мире реальных предметов принято считать, что все, окружающее нас, материально, а воздух не материален. Нельзя потрогать, положить в карман. Есть только ощущение. Мне бы хотелось в своей

живописи изобразить, передать воздух ничуть не менее материальным, чем стакан, стол, дерево и прочее.

* * *

Вечер. По возвращении из далекой Кубы в родную деревню вывесил на гвоздь на бане в огороде старый хриплый магнитофон. Апрель, снега много, ручейки журчат, птички тренькают. Сосед Федор чистит хлев, ходит вилами между сараем и навозной кучей. Прислушался к музыке, зашел за сарай и сплясал бесшумно один себе под эту музыку. А музыка времен нашей юности. Потом долго стоял, может, и всплакнул немного над быстро прошедшей молодостью. Может быть. Подумал я – ради этого только стоило мне пересечь океан.

Осень. Художник Анатолий Рыбкин.

* * *

Я в своих работах эмоционален. Но сдержанно эмоционален. Это – мой характер, мое воспитание. Не хочу быть назойливым, навязывать людям свое мировоззрение.

* * *

Поздняя осень. Нерадостная пора. Тяжелое, сырое месиво вместо неба. Уставшая от неопределенности грустная земля с клочками теней и мутными пятнами на ней, напоминающими свет. Если бы не знать, забыть или потерять веру в то, что все это пройдет, что эта же земля зацветет и будет изобилие солнца, – тяжело было бы душе согласиться на бесконечность этого мрака.

* * *

Иной раз сближаю цвета и тона в почти монохром, и, кажется, что это происходит само по себе, без моего участия. А иногда каждый сантиметр, мазок хочется усилить цветом больше, чем того заслуживает серая действительность.

* * *

Сколько бы Академий не закончил профессиональный художник, глубоко внутри него должен находиться художник начинающий, художник-самоучка. Это и есть то драгоценное, в котором сохранилось зерно творчества, из которого произрастает и вырастает творчество профессиональное, дай Бог, даже высокое.

* * *

С каждым часом меняет цвет, вянет букет в мастерской на столе. Купил, чтобы написать... Я напишу его, но напишу уже не тот букет, который увидел в первый раз и захотел купить.

* * *

Поздравили с Новым годом, пожелали живописать так, как хочу. Подумал: чтобы приблизиться к самому себе и от всего наносного отфильтроваться – жизни не хватит. А кажется – чего проще. Пиши, как хочется...

Яблоки. Холст, масло. Художник Анатолий Рыбкин.

*Ожидание. Фотография Василия Иванова,
г. Санкт-Петербург.*